

Russian-Armenian University

*Printed by the decision of the
Academic Council of RAU*

V E S T N I K
OF RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)

(41)
RAU University Press
No. 2/2022

Российско-Армянский университет

*Печатается по решению
Ученого Совета РАУ*

В Е С Т Н И К

РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ)

(41)

Издательство РАУ

№ 2/2022

Главный редактор: член-корреспондент НАН РА, д.э.н., проф., Иностраннный член РАН Дарбинян А.Р.

Заместитель главного редактора: д.филос.н., проф., к.ф.-м.н. Аветисян П.С.

Ответственные секретари: к.филос.н., доц. Саркисян О.Л., к.филол.н., доц. Авакян М.Э.

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. (Профессор кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)(Россия)

В.Л. Толстых – д.ю.н., доц. (Новосибирский государственный университет (НГУ)) (Россия)

В.М. Баранов – д.ю.н., проф. (Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника») (Россия)

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., заслуженный юрист РА (Профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда РА)

А.С. Гамбарян – д.ю.н., проф. (Заслуженный юрист РА, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского университета)

Политические науки

М.М. Лебедева – д.полит.н., к.псих.н., проф. (Заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы) (Россия)

С.М. Маркедонов – к.ист.н. (Ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика») (Россия)

И.С. Семененко – д.полит.н., проф., член-корреспондент РАН (Заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН) (Россия)

И.И. Кузнецов – д.полит.н., проф. (Профессор кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова) (Россия)

С.П. Поцелуев – д.полит.н., к. филос.н., доц. (Профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института Философии и Социально-политических наук Южного-Федерального университета) (Россия)

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф. (Профессор кафедры политологии Ереванского государственного университета)

Экономические науки

Э.М. Сандоян – д.э.н., проф. (Директор Института экономики и бизнеса Российско-Армянского университета)

А.А. Широв – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. (Директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН)(Россия)

А.К. Моисеев – д.э.н. (Заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования (РАН)) (Россия)

М.А. Абрамова – д.э.н., проф. (Руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ) (Россия)

М.Ю. Головнин – чл.-корр. РАН, д.э.н., профессор (Директор Института экономики РАН) (Россия)

С.А. Кристиневич – д.э.н. (Доцент кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ)) (Белоруссия)

А.М. Суварян – д.э.н., проф. (Заведующий кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского университета)

М.А. Восканян – д.э.н., доц. (Заведующая кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского университета)

И.Б. Петросян – к.э.н., доц. (Заведующая кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского университета)

А.Г. Аветисян – к.э.н., доц. (Заведующая кафедрой математических методов и информационных технологий в экономике и бизнесе Российско-Армянского университета)

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф. (Профессор кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского университета)

А.А. Симонян – д.филол.н., проф. (Заведующая кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета)

К.С. Акопян – к.филол.н., доц. (Заведующий кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета)

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф. (Заведующая кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского университета)

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н. (Доцент кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН) (Россия)

И.С. Леонов – д.филол.н., доц. (Профессор кафедры мировой литературы Института русского языка имени А.С. Пушкина) (Россия)

Исторические науки

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., проф. (Заведующий кафедрой всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского университета)

А.А. Мелконян – д.ист.н., проф., академик НАН РА (Директор Института истории НАН РА)

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф. (Заведующая кафедрой психологии Российско-Армянского университета)

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц. (Первый заместитель ректора, профессор кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет») (Россия)

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц. (Заведующий кафедрой философии Российско-Армянского университета)

К.А. Мирумян – д.филос.н., проф. (Профессор кафедры политологии Российско-Армянского университета)

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф. (Профессор кафедры философии Российско-Армянского университета)

Р.З. Джиджян – д.филос.н., проф. (Профессор кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна)

Востоковедение

Е.И. Зеленев – д.ист.н., проф. (Директор Департамента востоковедения НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия))

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф. (Директор Института Востоковедения Российско-Армянского университета)

В.А. Аракелова – к.ист.н. (Профессор Института Востоковедения Российско-Армянского университета)

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский университет, 2022г.

ISSN 1829-0450

DOI 10.48200/1829-0450

© Издательство РАУ, 2022

Editor-in-Chief: Corresponding Member of NAS RA, D. Sc. in Economics, Prof., Foreign member of the Russian Academy of Sciences **Darbinyan A.R.**

Deputy Editor-in-chief: D.Sc. in Philosophy, Prof. PhD in Physics and Mathematics **Avetisyan P.S.**

Responsible secretaries: PhD in Philosophy, Assoc. Prof. **Sargsyan O.L.**, Ph.D. in Philology, Assoc. Prof. **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – D.Sc. (Economics), Ph.D., Prof. (Professor of the Department of Civil Law of the Rostov State Economic University (RINH)) (Russia)

V.L. Tolstykh – D.Sc. (Law), Assoc. Prof. (Novosibirsk State University (NSU)) (Russia)

V.M. Baranov – D.Sc. (Law), Prof. (Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technique”) (Russia)

S.S. Avetisyan – D.Sc. (Law), Prof., Honored Lawyer of the RA (Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, judge of the Criminal Chamber of the RA Court of Cassation)

A.S. Gambaryan – D.Sc. (Law), Prof. (Honored Lawyer of the RA, Head of the Department of the Theory of Law and Constitutional Law of the Russian-Armenian University)

Political sciences

M.M. Lebedeva – D.Sc. (Politics), Prof. (Head of the Department of World Political Processes at MGIMO, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education) (Russia)

C.M. Markedonov – Ph.D. in Politics (Leading Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Leading Researcher at the Institute for International Studies at MGIMO, Editor-in-Chief of the journal International Analytics) (Russia)

I.S. Semenenko – D.Sc.(Law), Prof., D. Sc. (Pedagogical Sciences), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Deputy Director of Research at IMEMO named after E.M. Primakov RAS) (Russia)

I.I. Kuznetsov – D.Sc. (Politics), Prof. (Professor of the Department of History and Theory of Politics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov) (Russia)

S.P. Pozelyev – D. Sc. (Politics), Ph.D. in Philosophy, Assoc. Prof. (Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Sciences of the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences of the Southern Federal University) (Russia)

A.P. Engoyan – D. Sc. (Political), prof. (Professor of the Department of Political Science, Yerevan State University)

Economic Sciences

E.M. Sandoyan – D.Sc. (Economics), Prof. (Director of the RAU Institute of Economics and Business)

A.A. Shirov – corresponding member of RAS, D.Sc. (Economics), Prof. (Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences) (Russia)

A.K. Moiseev – D.Sc. (Economics) (Deputy Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences) (Russia)

M.A. Abramova – D.Sc. (Economics), Prof. (Head of the Department of Banking and Financial Markets of the Financial University under the Government of the Russian Federation) (Russia)

M.Yu. Golovnin – corresponding member of RAS, D.Sc. (Economics), Prof. (Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences) (Russia)

S.A. Kristinevich – D.Sc. (Economics) (Associate Professor of the Department of Economic Theory of the Belarusian State Economic University (BSEU)) (Belarus)

A.M. Suvryan – D.Sc. (Economics), Prof. (Head of the Department of Management and Business of the Russian-Armenian University)

M.A. Voskanyan – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof. (Head of the Department of Economics and Finance of the Russian-Armenian University)

I.B. Petrosyan – Ph.D in Economics, Assoc. Prof. (Head of the Department of Economic Theory and Problems of Economy in Transition, Russian-Armenian University)

A.G. Avetisyan – Ph.D in Economics, Assoc. Prof. (Head of the Department of Mathematical Methods and Information Technologies in Economics and Business of the Russian-Armenian University)

Philological sciences

A.K. Yeghiazaryan – D.Sc. (Philology), Prof. (Professor of the Department of Armenian Language and Literature of the Russian-Armenian University)

A.A. Simonyan – D.Sc. (Philology) (Head of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication of the Russian-Armenian University)

K.S. Hakobyan – Ph.D. in Philology, Assoc. Prof. (Head of the Department of Russian Language and Professional Communication of the Russian-Armenian University)

L.S. Meliksetyan – Ph.D in Philology, Prof. (Head of the Department of Russian and World Literature and Culture of the Russian-Armenian University)

S.T. Zolyan – D.Sc. (Philology), Prof.

N.V. Poplavskaya – Ph.D (Associate Professor of the Department of Mass Communications of the RUDN University, Deputy Dean of the Faculty of Philology of International Activities of the RUDN University, Head of the educational programs “Multimedia journalism”, “Global and digital media” of the RUDN University) (Russia)

I.S. Leonov – D.Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Professor of the Department of World Literature of the Pushkin Institute of the Russian Language) (Russia)

Historical sciences

E.G. Margaryan – D.Sc. (History), Prof. (Head of the Department of World History and Foreign Regional Studies of the Russian-Armenian University)

A.A. Melkonyan – D.Sc. (History), Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Director of the Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia)

Psychological sciences

A.S. Berberyan – D.Sc. (Psychology), Prof. (Head of the Department of Psychology, Russian-Armenian University)

O.A. Kornilova – D.Sc. (Psychology), Assoc. Prof. (First Deputy Rector, Professor of the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow “Moscow City Pedagogical University”) (Russia)

Philosophical sciences

G.E. Galikyan – Ph.D in Philosophy, Assoc. Prof. (Head of the Department of Philosophy, Russian-Armenian University)

K.A. Mirumyan – D.Sc. (Philosophy), Prof. (Professor of the Department of Political Sciences of the Russian-Armenian University)

S.G. Oganesyanyan – D.Sc. (Philosophy), Prof. (Professor of the Department of Philosophy of the Russian-Armenian University)

R.Z. Jijyan – D.Sc. (Philosophy), Prof. (Professor of the Department of Philosophy and Logic of the Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan)

Oriental studies

E.I. Zelenev – D.Sc. (Historical Sciences), Prof. (Director of the Department of Oriental Studies, National Research University, Higher School of Economics (St. Petersburg) Russia))

G.S. Asatryan – D.Sc. (Philology), Prof. (Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University)

V.A. Arakelova – Ph.D. (Professor of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University)

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian University, 2022

ISSN 1829-0450

DOI 10.48200/1829-0450

© RAU University Press, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Орлова Н.Е., Позднышов А.Н. Гармонизация национальных правовых систем в контексте евразийской интеграции: теоретико-правовой аспект... 12	12
Мархгейм М.В., Дегтярев С.Н. Структура программно-стратегических гарантий института брака в России	23
Рукавишников И.В. Необходимые законодательные меры противодействия интернет-мошенничеству при продаже билетов на зрелищные мероприятия	37
Баринов Э.Э. Деуниверсализация конституционной идентичности и новый евразийский цивилизационный проект: в поисках баланса между интеграцией и уважением национально-культурных традиций	44
Непранов Р.Г. Актуальные проблемы сохранения государственно-правовой идентичности в условиях внешнего влияния на гармонизацию национальных правовых систем ЕАЭС	58

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Сандоян Э.М., Петросян Е.Г. Подход к коренной реформе прямого налогообложения (на примере Республики Армения)	68
Егназарян А.Б. Экономическая политика Армении в период экономического кризиса 2009–2020 гг.	82
Г.А. Петросян. Повышение роли фискальной политики во время кризиса Covid-19 - эффективность и ограничения	111
Мнацакян Л.А., Навоян Г.Г. Основные тенденции в сфере банковского регулирования в период пандемии	121

ПСИХОЛОГИЯ

Берберян А.С., Погосян Л.Г. Динамика различных модальностей восприятия младших школьников в процессе формирующего эксперимента	136
Тепанян С.А. Взаимосвязь этнической идентичности и особенностей личности армян из моно- и полиэтнической среды (РА и РФ)	150

ЖУРНАЛИСТИКА

Ерицян А.Е. Концепция информационного общества и интернет-СМИ: основные вызовы и траектория взаимодействия	169
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Саркисян Р.А. Функции мотива еды в цикле Ивана Бунина «Темные аллеи» 179	179
Адамян Л.Л. Мэри Левов как образ бунтующего американского подростка в романе Филипа Рота «Американская пастораль»	199

CONTENT

JURISPRUDENCE

Orlova N., Pozdnyshov A. Harmonization of national legal systems in the context of Eurasian integration: theoretical and legal aspect	12
Markhgeym M., Degtyarev S. The structure of the program-strategic guarantees of the institution of marriage in Russia	23
Rukavishnikova I. Necessary legislative measures to counteract internet fraud when selling tickets to entertainment events	37
Barinov E. Deuniversalization of constitutional identity and new Eurasian civilization project: in search of a balance between integration and respect of national cultural traditions	44
Nepranov R. Current conservation issues state-legal identity in the conditions of external influence on the harmonization of the national legal systems of the EAEU	58

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Sandoyan E., Petrosyan H. Approach to the root reform of direct taxation (on the example of the Republic of Armenia)	68
Yeghiazaryan A. Economic policy of Armenia during the economic crisis of 2009-2020	82
Petrosyan G. The increased role of fiscal policy during COVID-19 crisis – the effectiveness and limitations	111
Mnatsakanyan L., Navoyan H. The main trends in banking regulation during the pandemic	121

PSYCHOLOGY

Berberyan A., Poghosyan L. Dynamics of different modalities of the perception of primary schoolchildren in the process of a formative experiment	136
Tepanyan S. The relation between ethnic identity and personality traits in Armenians from mono- and multi-ethnic environment (RA and RF)	150

JOURNALISM

Erityan A. Concept of the information society and the internet media: main challenges and the trajectory of interaction	169
--	-----

LITERARY STUDIES

Sargsyan R. The functions of the food motive in the cycle «Dark avenues» by Ivan Bunin	179
Adamyanyan L. Mary Levov as a character of a rebellious American teenager in Philip Roth's novel «American pastoral»	199

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 340

Поступила: 25.08.2022г.
Сдана на рецензию: 25.08.2022г.
Подписана к печати: 29.08.2022г..

ГАРМОНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Н.Е. Орлова, А.Н. Позднышов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

kin1997@mail.ru, naf1978@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются концептуальные подходы к понятию «гармонизация» национальных правовых систем, сложившиеся в юридической литературе. Исследуются существенные характеристики гармонизации на примере евразийской интеграции. Авторы предлагают рассматривать гармонизацию как последовательный целенаправленный процесс сближения национальных правовых систем по определенным направлениям сотрудничества, позволяющий сохранить их самобытность в рамках выстраивания общего правового пространства.

Ключевые слова: гармонизация национальных правовых систем, сближение правового регулирования, унификация права, Евразийский экономический союз.

В последние десятилетия в научной среде и в общественном дискурсе возобладали концепция глобализации как магистрального пути развития мировой цивилизации, понимаемой как размывание государственных границ, отказ от национального суверенитета в пользу наднациональных структур и универсализация правового пространства. Однако острейший кризис мировой экономики, международных отношений и, до недавнего времени, успешных интеграционных проектов в Европе возобновили научные дискуссии относительно перспектив эволюции современных правовых систем в направлении универсализации правового регулирования.

Следует отметить, что современный уровень технологического развития постиндустриального общества, цифровизация правовой сферы и динамично развивающиеся информационные технологии сохраняют высокую степень взаимозависимости государств и правовых систем даже при очевидных попытках последних лет закрыть национальные границы для защиты государств от последствий разворачивающегося мирового экономического кризиса и мощных миграционных потоков. В то же время сложный процесс формирования многополярного миропорядка обуславливает принципиально иной характер интеграционных процессов, прежде всего, в евразийском пространстве. В частности, заявленное в Договоре о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) от 29 мая 2014 года [1] стремление к сближению законодательства стран-участниц, актуализирует задачи концептуального осмысления понятия «гармонизация национальных правовых систем» в контексте сохранения суверенитета государств, а также служит мощным стимулом для разработки методологического инструментария, способного обеспечить создание эффективного правового механизма взаимодействия членов ЕАЭС на фоне очевидного роста транснациональных правовых споров внутри объединения, требующих адекватных правовых решений.

Следует отметить, что движение за создание единообразного права, не ущемляющего суверенитета государств, способного гарантировать их эффективное сотрудничество и избежать коллизий национальных законов, насчитывает не одно столетие. Мощный импульс идее формирования унифицированного «мирового права» был придан юридической компаративистикой. Собственно, на первоначальном этапе именно выявление различий правовых систем для последующего их устранения и последовательного продвижения по пути международной унификации права рассматривалось как одна из основных функций сравнительного правоведения в момент его формирования как самостоятельного научного направления на рубеже XIX–XX столетия. Более того, вдохновленные распространенной в то время в науке верой в непрерывность человеческого прогресса, Эдуард Ламбер и Раймон Салей на Первом Международном конгрессе сравнительного права в 1900 году сформулировали сверхзадачу компаративистики – разработать единое для всего человечества «вселенское право», в процессе решения которой предстояло постепенно сближать национальное право разных стран, устраняя законодательные различия принципиального характера. Возобладавшие в определенный период научные иллюзии относительно возможности создания универсального мирового права уже во второй половине XX века сменились более трезвыми оценками возможностей сближения национального права только в отдельных областях и правовых институтах, обусловленного практическими потребностями международной интеграции. В частности, известный французский компаративист Рене Давид в качестве одной из приоритетных задач для юристов в условиях расширения международных связей определял необходимость выработки и дальнейшего принятия единообразных норм, регулирующих определенные категории правоотношений. При этом он подчеркивал, что речь должна идти о гармонизации и унификации права для совершенствования международных отношений, а не для замены национального права наднациональным мировым правом [2]. Такой подход разделяли

и немецкие ученые К. Цайгерт и Х. Кётц. Отмечая определенные успехи унификации частного права на международном уровне, они констатировали практическую ее ограниченность региональными рамками и отмечали перспективность гармонизации права путем разработки типовых законов рекомендательного характера [3].

Действительно, определенные успехи в унификации отдельных институтов были достигнуты в рамках международного частного права и единого европейского пространства в контексте ЕС. Однако происходящие в последние годы регионализация и суверенизация политических отношений, когда, казалось бы, международные институты и объединения с незыблемым авторитетом стремительно стали утрачивать свое влияние, а само международное право перестает быть универсальным регулятором кризисных, конфликтных ситуаций и заменяется некими «правилами», перечеркивающими международные нормы и действующие договоры, перспективы сближения, гармонизации и унификации права становятся все более призрачными.

В юридической науке гармонизация в общем виде определяется как сближение правовых систем, устранение противоречий между ними, но термин «сближение» используется одновременно при характеристике унификации и конвергенции правовых систем. В связи с чем представляется необходимым определиться с пониманием термина «гармонизация» и содержанием гармонизации правовых систем, что является необходимой предпосылкой для последующего определения методов, форм и механизмов гармонизации национальных правовых систем.

В российской правовой доктрине доминирует представление о сближении как широком юридическом понятии, объединяющем разные способы создания единообразных норм, соответственно, гармонизация и унификация рассматриваются как разновидности данного правового процесса [4]. В рамках такого подхода С.В. Бахин под гармонизацией понимает целенаправленный процесс создания единообразных, сходных предписаний национального права, в результате чего

стираются различия в правовом регулировании определенных отношений, устраняются противоречия в межгосударственном взаимодействии, облегчается их правовая интеграция [5]. При этом создаваемые нормы, по мнению ученого, принадлежат системе внутригосударственного, а не международного права как при унификации.

М.В. Мажорина, разделяя отношение к гармонизации как к видовому понятию, наряду с унификацией, отличительными ее чертами считает стихийность и нецеленаправленность при наличии существенной международной составляющей [6].

Г.К. Дмитриева, напротив, отмечает, что стихийность и односторонность характеризует начальный этап гармонизации, когда рецепция иностранного права использовалась для формирования национальной правовой системы, в то время как с конца XX века гармонизация приобрела целенаправленный и взаимный характер, поскольку стала преследовать цель сближения правовых систем, в том числе с использованием международно-правовых механизмов [7].

Н.Г. Доронина рассматривает гармонизацию как разновидность международно-правовой унификации, как метод унификации, позволяющий обеспечивать гибкое взаимодействие правовых систем на основе общих принципов и с учетом социальных, культурных и политических различий государств, не претендуя при этом на достижение полного правового единообразия [8].

П.А. Калиниченко полагает, что гармонизация выступает методом преобразования права на основе модельных правил с целью сближения национальных правовых систем, но без намерения достижения абсолютного правового единообразия. С.Ю. Кашкин рассматривает гармонизацию как метод правовой интеграции на основе общих начал правового регулирования, но при сохранении государствами правовой самостоятельности [9].

О.В. Муратова определяет гармонизацию как механизм сближения правовых систем, при котором создаются сходные правовые пред-

писания, определяются единые правовые рамки достижения определенного правового результата, но при этом государства-участники интеграционного объединения получают право самостоятельно определять формы и способы достижения поставленной цели [10].

Е.Е. Орлова подчеркивает, что гармонизация имеет целью достижение схождения правового регулирования при достижении общих целей на основании единых принципов правового регулирования [11].

Т.Я. Хабриева раскрывает гармонизацию национальных правовых систем в горизонтальной и вертикальной проекциях [12]. «Горизонтальная» гармонизация проявляется в различных формах взаимодействия национальных правовых систем путем рецепции правовых конструкций, инкорпорации правовых актов, а также правового взаимодействия в рамках интеграционных объединений. Вертикальная гармонизации связана с имплементацией в национальное правовое пространство международно-правовых норм как универсального, так и локального характера.

В связи со столь значительными расхождениями в научной трактовке понятия «гармонизация» крайне интересным представляется осмысление правового опыта интеграционного объединения на евразийском пространстве, поскольку Евразийский экономический союз изначально был нацелен на обеспечение гармоничного развития и сближения стран-участниц.

Статья 1 Договора о Евразийском экономическом союзе указывает на проведение «скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики» в рамках данной международной организации. Под «скоординированной политикой» понимается осуществление сотрудничества в рамках объединения на основе общих подходов, выработанных органами Союза, а «согласованная политика» предполагает гармонизацию правового регулирования в необходимой для достижения целей интеграции, базирующуюся на решениях общих органов Союза. Если следовать тексту Договора, то под гармо-

низацией понимается «сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах» (ст. 2 Договора о ЕАЭС). В свою очередь, «унификация законодательства» трактуется как «сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах» (ст. 2 Договора о ЕАЭС).

Анализ текста Договора о ЕАЭС позволяет заключить, что в практическом отношении гармонизация права предполагает согласование общих принципов правового регулирования с последующим сближением отраслевого законодательства.

Важным шагом на пути реализации заявленных в учредительном договоре целей объединения стало Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка от 6 ноября 2018 года [13], предусматрившее взаимодействие в процессе подготовки проектов нормативных правовых актов по вопросам регулирования финансового рынка. При этом государства-участники Соглашения получили право самостоятельно решать вопросы относительно того, какие нормативные правовые акты подлежат сближению. Гармонизация же, по решению государств, может осуществляться по отдельным направлениям или предполагать выработку общих подходов к правовому регулированию финансового сектора.

Следует отметить, что достигнутые соглашения не предусматривали механизма реализации мер по гармонизации правового регулирования. В 2018 году в рамках парламентских слушаний в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации председателем Комитета Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л.И. Калашниковым, ориентируясь на опыт Межпарламентской ассамблеи СНГ, предлагалось принимать общие правовые стандарты в виде модельных законов [14].

На практике же органы ЕАЭС пошли по пути принятия планов и «дорожных карт» гармонизации законодательства стран-участниц по отдельным направлениям экономического сотрудничества.

Таким образом, в рамках ЕАЭС под гармонизацией понимается проведение согласованной экономической политики стран-участниц, направленной на закрепление в национальном законодательстве сходного или сопоставимого правового регулирования, способного устранить правовые барьеры для создания единого экономического пространства. Прежде всего, речь идет о выработке общих принципов правового регулирования, сближении основных юридических понятий и правовых норм, обеспечивающих решение задач в определенном секторе экономики, устанавливающих требования, порядок и условия осуществления экономической деятельности. В настоящее время такими сферами правового регулирования, в которых осуществляется сближение законодательства государств-участников ЕАЭС, являются финансовые рынки, валютная политика, макроэкономическая политика, налогообложение, антимонопольная политика, транспорт, информационные технологии, таможенное регулирование, статистика, рынок лекарственных средств и медицинских изделий, техническое регулирование, агропромышленная политика, инвестиции, защита прав потребителей, сфера естественных монополий, энергетика и ряд других направлений.

Подводя итоги, представляется возможным выделить ряд существенных признаков гармонизации правовых систем как способа сближения национальных правовых систем.

Прежде всего, гармонизация преследует целью создание единого институционально-правового пространства на основе общих правовых стандартов и понятийного аппарата в контексте региональной интеграции, в котором каждая государственно-правовая система сохраняет свою идентичность и возможность независимого правового регулирования. Гармонизация, в отличие от унификации, не преследует

целью создания полностью идентичных механизмов правового регулирования, а лишь создает общий правовой каркас, обеспечивающий эффективное взаимодействие государств по вопросам безопасности, экономического и социального развития. Очевидно, что гармонизация является целенаправленной деятельностью по формированию общих правовых параметров экономического сотрудничества и приведению внутригосударственного законодательства в соответствие с принятыми на себя международными обязательствами в рамках региональной интеграции. Причем в ходе гармонизации происходит не только формирование инфраструктуры международных договоров в рамках регионального объединения, но и совершенствуется национальное законодательство по мере выявления устранимых различий между правовыми системами интегрирующихся государств. Необходимо подчеркнуть, что выявление и преодоление правовых коллизий не означает автоматической замены внутригосударственных норм и институтов международными, напротив, гармонизация позволяет сохранять самобытность национальных правовых систем в контексте принятых и признанных государствами-участниками общих параметров экономического и политического взаимодействия.

Следует заключить, что гармонизация правовых систем представляет собой длительный процесс сближения правового регулирования отдельных государств, интегрирующихся в общее правовое пространство, что является важнейшим фактором развития региональных интеграционных процессов, поскольку предполагает создание действенных юридических механизмов евразийской интеграции. Причем гармонизация правовых систем не ограничивается только сближением законодательства, а представляет собой процесс последовательного создания сходных механизмов правового регулирования, единого понятийного аппарата общего правового пространства, что создает условия для преодоления юридических коллизий и устранения правовых барьеров по отдельным направлениям сотрудничества интегрирующихся государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) (Подписан в г. Астане 29.05.2014)(ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.04.2022) // Официальный сайт Евразийского экономического союза [режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014]
2. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1999. СС. 13–14.
3. *Цайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В2-х тт. Т. 1. Основы: Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000. СС. 40–43.
4. *Брановицкий К.Л.* Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект). [Эл. издание]. М.: Статут, 2018. С. 16.
5. *Бахин С.В.* Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): автореф. дис. д. юрид. н. СПб, 2003. С. 18.
6. Унификация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: монография/ отв. ред. Г.К. Дмитриева, М.В. Мажорина. М.: Норма, 2022. С. 6.
7. *Дмитриева Г.К.* Унификация и гармонизация права: новые формы // Унификация международного частного права в современном мире: Сборник статей. М.: НИЦ ИНФРА-М: ИЗиСП, 2013. СС. 17–18.
8. *Доронина Н.Г.* Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений // «Журнал российского права». 2013. № 10. СС. 136–137.
9. *Кашкин С.Ю., Калинин П.А.* Гармонизация законодательства России и Европейского Союза как ключевой момент их эффективного взаиморазвития в XXI в. // «Право и государство: теория и практика». 2005. № 12. С. 102.
10. *Муратова О.В.* Направления и пределы гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции // «Журнал российского права». 2015. № 12. С. 144.
11. *Орлова Е.Е.* Гармонизация правового регулирования занятости населения государств- участников СНГ в контексте евразийской перспективы: монография. Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2021. С. 16.
12. *Хабриева Т.Я.* Гармонизация правовой системы РФ в условиях международной интеграции: вызовы современности // «Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения». 2014. № 1. СС. 4–8.

13. Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка от 6 ноября 2018 года // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 02.03.2020, № 0001202003020009.
14. Правовые вопросы евразийской экономической интеграции. Материалы парламентских слушаний и «круглого стола». М.: Издание Государственной Думы, 2018. С. 12.

**HARMONIZATION OF NATIONAL LEGAL SYSTEMS
IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION: THEORETICAL
AND LEGAL ASPECT**

N. Orlova, A. Pozdnyshov

ABSTRACT

The article analyzes the conceptual approaches to the concept of “harmonization” of national legal systems that have developed in the legal literature. The essential characteristics of harmonization are investigated on the example of Eurasian integration. The authors propose to consider harmonization as a consistent purposeful process of convergence of national legal systems in certain areas of cooperation, allowing them to preserve their identity within the framework of building a common legal space.

Keywords: harmonization of national legal systems, convergence of legal regulation, unification of law, Eurasian Economic Union.

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 342.7; 342.5

Поступила: 24.08.2022г.
Сдана на рецензию: 25.08.2022г.
Подписана к печати: 28.08.2022г.

СТРУКТУРА ПРОГРАММНО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ ИНСТИТУТА БРАКА В РОССИИ

М.В. Маркгейм¹, С.Н. Дегтярев²

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет¹
Кубанский государственный университет²*

markheim@bsu.edu.ru, gppmp@law.kubsu.ru

АННОТАЦИЯ

Актуальность тематики опосредована важностью института брака в гуманитарных науках и в юриспруденции, в частности. Авторами в данной статье представлена дефиниция программно-стратегических гарантий института брака, и на ее основе осуществлено структурирование заявленных гарантий. Подробно исследованы и охарактеризованы концептуальный, стратегический и программный компоненты специальных гарантий института брака. Осуществленный анализ подзаконных нормативных правовых актов позволил авторам представить направления их совершенствования с акцентом по защите брака, в частности: включить с 2023г. в обновленную Национальную стратегию действий в интересах женщин положения, защищающие статус женщин в сопереживании со статусом брака; включить положения о защите института брака в принимаемые стратегии о социальном развитии отдельных территорий; разработать и принять на уровне субъектов Российской Федерации программы «О брачно-семейных ценностях».

Ключевые слова: институт брака, защита брака, конституционная ценность, стратегия, программа.

Брак относится к тем институтам, представление о которых в современном мире существенно изменилось. Традиционные, приводящие к воспроизводству населения формы брака потеснились манипуляционными аргументами апологетов иных, в том числе однополых представлений о нем. Победившие версии брака получили отражение даже на конституционном уровне. Проиллюстрируем это на примере конституционных позиций стран-членов Евразийского экономического союза. Так, в ст. 35 «Свобода вступления в брак» Конституции Республики Армения установлено, что «1. Женщина и мужчина, достигшие брачного возраста, имеют право на вступление в брак и создание семьи при обоюдном свободном изъявлении своей воли; в ст. 32 Конституции Республики Беларусь определено, что «Брак как союз женщины и мужчины, ... находятся под защитой государства»; в ст. 27 Конституции Республики Казахстан бракеупомянут в качестве объекта защиты государства («1. Брак и семья, ... находятся под защитой государства»), но не конкретизировано его понимание; в ст. 26 Конституции Кыргызской Республики констатировано, что «1. Семья создается на основе добровольного вступления в брак мужчины и женщины, достигших установленного законом брачного возраста...». В России в результате обновления в 2020 году текста Конституции также появилась принципиальная норма ст. 72, согласно которой «ж¹) ... защита института брака как союза мужчины и женщины...» отнесена к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. По итогам этой иллюстративной части отметим, что в конституциях представленной группы стран формулировки, касающиеся института брака, различаются по времени формализации, по последовательности упоминания его субъектов (союз «женщины и мужчины» (Армения, Беларусь) или союз «мужчины и женщины» (Кыргызстан, Россия)), по степени конкретизации (во всех указанных государствах, за исключением Казахстана, конкретизировано, что брак есть разнополюс союз). Так, конституционно воплощены суверенные воли государств в отношении института брака.

Далее, в статье на примере Российской Федерации обратимся к раскрытию программно-стратегических гарантий института брака, уточняя, что по своей юридической природе они относятся к нормативным юридическим гарантиям. Однако, полагаем оправданным их обособление в самостоятельную группу ввиду векторно-политического предназначения нормативных правовых актов в форме концепций, стратегий и программ [1, 2, 3, 4]. Авторская интерпретация заявленных гарантий института брака сводится к основанным на конвергенции государственного векторно-политического предназначения нормативных правовых актов и института брака в качестве конституционной ценности, детерминированной доктринальными и прикладными аргументами, долгосрочными и среднесрочными целеустановлениями, дифференцированными и измеримыми правовыми условиями, способами и средствами содействия реализации и укреплению института брака.

Уточним, что заявленный институт упоминается, регулируется каждой из названных разновидностей документов (концепций, стратегий и программ), что нами идентифицируется в качестве гарантий.

Итак, важность гарантий института брака подчеркивается на концептуальном уровне, когда «неудовлетворенность браком, ... могут привести к утрате семейных связей» [5].

Наш тезис о браке, как ценности, подтверждает Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. В соответствии с ней, «к традиционным семейным ценностям, провозглашаемым Концепцией, относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением суп-

ругов и всех членов семьи к его сохранению» [6]. Приведенная дефиниция брака, полагаем, в полной мере является нормативной гарантией, препятствующей различным интерпретациям по его субъектному составу.

Непосредственно в качестве гарантий Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года указывает на:

«- проведение в средствах массовой информации на постоянной основе целенаправленной пропаганды в поддержку ... брака;

- создание специальных телевизионных передач и радиопередач, ток-шоу, газетных и журнальных рубрик, иных информационных проектов, ... способствующих формированию позитивного отношения к браку;

- разработка и реализация дополнительных образовательных программ подготовки молодежи к формированию ответственного отношения молодежи к браку;

- внедрение института посредничества (медиации) при разрешении семейно-правовых споров, в том числе связанных с расторжением брака между супругами» [7].

Подчеркнем меткость в отношении института брака ожидаемых результатов реализации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, в частности, укрепление престижа брака.

На уровне концепций зарегистрированный брак супругов, имеющих нескольких детей или принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, также является одним из направлений в решении задач по укреплению института семьи, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций семейных отношений [8]. Обратим внимание, что действующая Концепция явилась преемницей Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015г. [9]. В ней также одной из задач стало снижение числа юридически не оформленных браков.

Что касается стратегического уровня, то положительно расцениваем институт брака в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Справедливо в ее п. 85 указывается на то, что «все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, ... институт брака, семейные ценности» [10]. Полагаем, сам факт такой корреляции опосредует самое пристальное внимание к гарантированию легально определенного брака в России.

Как непоследовательную расцениваем ситуацию, когда в иных действующих российских стратегиях социальной направленности отсутствует упоминание института брака, хотя по содержанию, тематике и замыслу этот аспект должен быть отражен, тем более с учетом выраженных национальных интересов и конституционной артикуляции (п. «ж1» ч. 1 ст. 72). К примеру, в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы нет упоминания о браке. Вместе с тем, самостоятельный блок результатов этой Национальной стратегии связан с созданием условий, которые напрямую сопоставимы с институтом брака. Это – снижение уровня материнской смертности до уровня экономически развитых стран; дальнейшего снижения числа аборт и др. В связи с тем, что названная Национальная стратегия завершается в 2022г., полагаем ее действие все же будет пролонгировано с учетом достигнутых результатов. В обновленном формате с 2023г., целесообразно предусмотреть и мероприятия, и результаты, которые коррелируют статус женщины с институтом брака. Фактически, это – взаимогарантирующие статусы для минимизации негативных последствий.

В оправдание отсутствия в современной Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 – 2022 годы положений об институте браке, уточним, что они отсутствовали и в ранее действовавших документах [11,12]. При этом отметим, что в 1996г. в Концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации отмеча-

лись проблемы принуждения женщины к вступлению в брак и сложное положение женщин в чрезвычайных условиях межнациональных и военных конфликтов, а также женщин-беженцев и вынужденных переселенцев – особенно в смешанных браках. Объективен вывод о том, что проблемы статуса женщин и брака актуальны в различное время, и это еще раз подтверждает наш тезис о том, что ситуация должна меняться в направлении усиления гарантий. Тем более, цикличность истории показывает, что решение проблем перемещенных граждан востребовано и в настоящее время.

Отметим, что принятие рассматриваемой Национальной стратегии действий в интересах женщин 2017г. опосредовало разработку и утверждение рекомендаций по формированию региональных планов и управленческих механизмов, направленных на улучшение положения женщин, в которых статус женщины также не рассматривается в аспекте института брака [13]. Полагаем, в перспективе разрабатываемый на уровне субъектов Федерации документ должен соответствовать установкам федерального уровня, которые мы предлагаем гарантированно усилить.

В аспекте генезиса необходимо отметить, что до 2021г. реализовались Стратегии социально-экономического развития различных федеральных округов [14, 15, 16].

Однако упоминание об институте брака было лишь в одном из приведенных в качестве примера документов – в Стратегии Северо-Западного федерального округа. На наш взгляд, совершенно справедливо приводилась статистика из интересующей нас сферы («из числа молодых людей в возрасте 25–34 года около 25% никогда не были в браке (в возрасте 30–39 лет – 15%), 10% находятся в состоянии развода, еще 10–12 % проживают вместе, не зарегистрировав официально свои отношения, и лишь чуть более 50% официально состоят в гражданском браке» [17]).

Естественно, статистические данные не случайны, поскольку далее, в Стратегии, была обозначена соответствующая цель (пропаганда

семейных ценностей среди молодежи и формирование механизмов поддержки, в том числе создание стартовых возможностей для молодой семьи) и направления ее достижения.

На наш взгляд, в дальнейшем подобного рода территориальные программы развития с социальным сегментом должны учитывать и институт брака, сообразно установлению в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года.

Далее укажем на политический компонент программно-стратегических гарантий. Здесь обнаружен лишь один документ – «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [18]. Брак здесь упоминается в контексте решения задач: «воспитания в молодежной среде позитивного отношения к семье и браку; формирования образа благополучной молодой российской семьи, живущей в зарегистрированном браке, ориентированной на рождение и воспитание нескольких детей, занимающейся их воспитанием и развитием на основе традиционной для России системы ценностей» [19].

Представляется, данный компонент близок к программному, поскольку в практикенередки случаи, когда основы политики принимают вместе с планом [20].

Уточним, что в программных документах брак выступает гарантией получения различных статусов. Так, в рамках государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» гражданин для включения в состав участников мероприятий по улучшению жилищных условий подает в орган местного самоуправления заявление с приложениями, в числе которых копии документов, подтверждающих родственные отношения между лицами, включая свидетельство о браке /о расторжении брака (п. 21) [21].

Отметим, что такое правило характерно для программ различного времени. В частности, в рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем

и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» для участия в мероприятиях также в пакете документов должны были подать копию свидетельства о браке (п. 8, 18) [22].

По программе «Дальневосточная ипотека» условие состояния в браке гарантирует выплаты (п. 6), если «единственным заемщиком либо одним из солидарных заемщиков по кредитному договору на дату его заключения является:

- ✓ гражданин Российской Федерации, состоящий в браке с гражданином Российской Федерации;
- ✓ гражданин Российской Федерации, не достигший возраста 36 лет, не состоящий в браке и имеющий ребенка, который является гражданином Российской Федерации и не достиг на дату заключения кредитного договора возраста 19 лет;
- ✓ гражданин Российской Федерации, которому предоставлен земельный участок в соответствии с Федеральным законом «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации», входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». При этом, если заемщик состоит в браке, то супруг (супруга) заемщика является солидарным заемщиком по кредитному договору либо поручителем на основании договора поручительства, заключенного в целях обеспечения исполнения обязательств заемщика по кредитному договору» [23].

Уточним, что даже после расторжения брака в ряде программ супругам гарантировано сохранение статуса участника [24]. Например, в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей сказано, что в случае

смерти участника Государственной программы, признания его в установленном порядке безвестно отсутствующим или объявления умершим, а также расторжения брака, в котором один из супругов является участником Государственной программы, каждый из членов семьи участника Государственной программы вправе самостоятельно подать заявление в территориальный орган Министерства внутренних дел Российской Федерации по месту постановки на учет в качестве члена семьи участника Государственной программы» п. 7 [25].

В некоторых программах для отдельных категорий фиксируется такое условие, как «до повторного вступления в брак». К примеру, в подпрограмме «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством и выдачи государственных жилищных сертификатов в органах военной прокуратуры» сказано, что «право на получение социальной выплаты, удостоверяемой сертификатом, имеют члены семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, и члены семей граждан, проходивших военную службу по контракту и погибших (умерших) после увольнения с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе... При этом вдовы (вдовцы) указанных граждан имеют право на получение социальной выплаты, удостоверяемой сертификатом, до повторного вступления в брак» [26].

Данное условие адресовано различным категориям и в рамках ведомственной целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (п. 5) [27].

В целом, считаем, что современное состояние программных документов должно совершенствоваться в направлении наращивания акцентного внимания на институте брака с необходимыми социальными сопоставлениями. Также, полагаем, законодатель на уровне субъекта

Федерации должен включиться в реализацию конституционного положения п. «ж¹» ч. 1 ст. 72, поскольку это предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В этой части наше предложение сводится к принятию среднесрочных региональных программ «О брачно-семейных ценностях». В них надлежит раскрывать общие положения о браке с конкретными целями, включая измеримые; исторические, культурные и традиционные аспекты брака в конкретном субъекте Федерации, а также определять тематические памятники архитектуры и природы в качестве мест выездного бракосочетания и др.

Подытоживая, уточним, что структурно программно-стратегические гарантии представлены следующими компонентами:

- концептуальным (дефинирование брака; целеполагание статуса института брака и определение совокупности действий по его защите в качестве направления укрепления семьи);

- стратегическим (сопоставление института брака с вопросами национальной безопасности);

- программным (определение в качестве основания для приобретения различных статусов и гарантий их сохранения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М.: Юристъ, 2001. С. 189.
2. Грибанов Д.В. Стратегии и программы как специфические правовые документы в сфере инновационного развития // «Российская юстиция». 2011. № 11. СС. 2–6.
3. Даниленко И.Н. Определение понятия «правовая стратегия» // История государства и права. 2011. № 17. СС. 10–13.
4. Кутузова Н.С. О роли нормативно-правовых актов программного характера // «Российская юстиция». 2016. № 5. СС. 9–11.
5. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

6. Там же.
7. Там же.
8. Распоряжение Правительства РФ от 20 июня 2017г. № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» (ред. от 23.12.2019г.) // СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 4062; 2019. № 52 (часть II). Ст. 8102.
9. Распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2001г. № 1270-р «О Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года» // СЗ РФ. 2001. № 40. Ст. 3873.
10. Указ Президента РФ от 02 июля 2021г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
11. Указ Президента РФ от 04 марта 1993г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (ред. от 01.09.2000г.) // «Российская газета». 1993, 16 марта.
12. Постановление Правительства РФ от 08 января 1996г. № 6 «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации» (ред. от 26.07.2004г.) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 185; 2004. № 31. Ст. 3268.
13. Приказ Минтруда России от 30 декабря 2019г. № 840 «Об утверждении рекомендаций по формированию региональных планов и управленческих механизмов, направленных на улучшение положения женщин» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2020. № 3.
14. Распоряжение Правительства РФ от 06 сентября 2011г. № 1540-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа до 2020 года» (ред. от 26.12.2014г.) // СЗ РФ. 2011. № 39. Ст. 5489.
15. Распоряжение Правительства РФ от 06 октября 2011 г. № 1757-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа до 2020 года» (ред. от 26.12.2014г.) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.06.2022г.).
16. Распоряжение Правительства РФ от 18 ноября 2011 г. № 2074-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года» (ред. от 26.12.2014г.) // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7542; 2014. № 2. Ст. 459.
17. Распоряжение Правительства РФ от 18 ноября 2011г. № 2074-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного

- федерального округа на период до 2020 года» (ред. от 26.12.2014 г.) // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7542; 2014. № 2. Ст.
18. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.
 19. Там же.
 20. Указ Президента РФ от 21 декабря 2017г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018 – 2020 годы») // СЗ РФ. 2017. № 52 (Часть I). Ст. 8111.
 21. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (ред. от 22.06.2022г.) // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2953; 2022. № 26. Ст. 4499.
 22. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2010г. № 1050 «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (ред. от 02.03.2021г.) // СЗ РФ. 2011. № 5. Ст. 739; 2021. № 10. Ст. 1628.
 23. Постановление Правительства РФ от 07 декабря 2019г. № 1609 «Об утверждении условий программы “Дальневосточная ипотека”», Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу «ДОМ.РФ» в виде вкладов в имущество акционерного общества «ДОМ.РФ», не увеличивающих его уставный капитал, для возмещения российским кредитным организациям и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам, предоставленным гражданам Российской Федерации на приобретение или строительство жилых помещений на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2015 г. № 1713-р» (ред. от 17.06.2022г.) // СЗ РФ. 2019. № 50. Ст. 7394; 2022. № 27. Ст. 4827.
 24. Там же.
 25. Указ Президента РФ от 22 июня 2006г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечест-

- венников, проживающих за рубежом» (ред. от 24.03.2021г.) (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2820; 2021. № 13 (часть I). Ст. 2208.
26. Приказ Генпрокуратуры России от 06 марта 2017г. № 147 «Об утверждении порядка формирования списков граждан – участников подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2015–2020 годы и выдачи государственных жилищных сертификатов в органах военной прокуратуры» // «Законность». 2017. № 8.
27. Постановление Правительства РФ от 21 марта 2006г. № 153 «Об утверждении Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации ведомственной целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (ред. от 18.12.2020г.) // СЗ РФ. 2006. № 13. Ст. 1405; 2020. № 52 (Часть I). Ст. 8841.

THE STRUCTURE OF THE PROGRAM-STRATEGIC GUARANTEES OF THE INSTITUTION OF MARRIAGE IN RUSSIA

M. Markhgeym, S. Degtyarev

ABSTRACT

The relevance of the topic is mediated by the importance of the institution of marriage in the humanities and law, in particular. The authors of the article present the definition of the program-strategic guarantees of the institution of marriage and on its basis the structuring of the stated guarantees is carried out. The conceptual, strategic and programmatic components of the special guarantees of the institution of marriage are studied and characterized in detail. The analysis of subordinate normative legal acts allowed the author to present the directions of their improvement with an emphasis on the protection of marriage, in particular: to include provisions protecting the status of women in conjunction with the status of marriage in the updated National Strategy

for Women from 2023; to include provisions on the protection of the institution of marriage in the adopted strategies on the social development of individual territories; to develop and adopt at the level of the subjects of the Russian Federation the program “On marriage and family values”.

Keywords: institution of marriage, protection of marriage, constitutional value, strategy, program.

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 342.951

Поступила: 26.08.2022г.
Сдана на рецензию: 26.08.2022г.
Подписана к печати: 30.08.2022г.

НЕОБХОДИМЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВУ ПРИ ПРОДАЖЕ БИЛЕТОВ НА ЗРЕЛИЩНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

И.В. Рукавишникова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

avkrd@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема распространения мошеннических схем продажи билетов на зрелищные мероприятия неуполномоченными лицами. Предлагаются законодательные решения в части создания и ведения единого реестра официальных сайтов организаций культуры. Обосновывается необходимость цифровой маркировки таких сайтов. Описывается механизм противодействия интернет-торговле билетами в театры, музеи, концертные площадки и т.п. через сайты субъектов, не имеющих разрешения на осуществление такой деятельности.

Ключевые слова: интернет-мошенничество, сайты-двойники, сайты-зеркала, интернет-продажа билетов на зрелищные мероприятия, единый реестр официальных сайтов организаций культуры, реестр запрещенной информации.

В числе наиболее распространенных киберугроз утечки персональных данных и онлайн-мошенничество занимают ведущие позиции. Угроза незаконного сбора и использования персональных данных,

как правило, возникает когда их владелец в результате неосмотрительного поведения самостоятельно и «по доброй воле» передает злоумышленникам личную информацию. Схемы интернет-мошенничества постоянно модифицируются, подстраиваясь под актуальные информационные события, политические, экономические и культурные тренды. Значительную роль в реализации интернет-схем незаконного получения информации играет психологическое воздействие на «жертву» путем введения в заблуждение, запугивания наступлением возможных негативных последствий, обещания экономических выгод или преференций и т.д. Главным принципом интернет-мошенничества является создание ложной атмосферы доверия, когда предоставляемая информация выглядит правдиво и убедительно, сайты-двойники и сайты-зеркала практически невозможно отличить от оригинальных, а психологическая манипуляция создает впечатление свободного проявления воли.

Законодательство, устанавливающее меры защиты от такого рода противоправных деяний, развивается последовательно и достаточно активно.

Еще в 2015 году был сформирован Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных, целью которого является ограничение доступа к информации в сети Интернет, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных [1].

Необходимые изменения были внесены и в законодательство об административной ответственности. Так, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за распространение недостоверной информации в Интернете (ч. ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ), за нарушение требований законодательства в области персональных данных (ст. 13.11 КоАП РФ) в части обработки персональных данных и выполнения обязанностей операторов, осуществляющих такую обработку [2].

Однако помимо общей регуляtorики, важны отраслевые решения. В частности, речь идет об одном из самых емких сегментов интернет-мошенничества – лжесайтов попродаже билетов на зрелищные мероприятия.

В соответствии с положениями ст. 36² Основ законодательства Российской Федерации о культуре [3] (далее – Основы законодательства РФ о культуре) к зрелищным мероприятиям, проводимым организациями исполнительских искусств и музеями, относятся театрально-зрелищные, культурно-просветительные или зрелищно-развлекательные мероприятия, в том числе публичное представление музейных предметов и музейных коллекций.

В настоящее время действующее законодательство разрешает реализацию билетов на зрелищные мероприятия организаций исполнительских искусств и музеев самим организациям и музеям, уполномоченным ими лицам на основании договоров, а также другим лицам, которым уполномоченное лицо передало права на реализацию билетов. Таким образом, реализация билетов без договора с организацией культуры и уполномоченным лицом (за исключением однократной продажи гражданином билета в личных целях) запрещена. За нарушение указанных положений предусмотрена административная ответственность статьей 14.4³ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Несмотря на законодательный запрет реализации билетов лицами, не имеющими разрешения на осуществление такой деятельности, в сети «Интернет» идет бойкая торговля билетами практически на любые зрелищные мероприятия. Как правило мошенники создают так называемые «сайты-зеркала», которые по внешнему виду достаточно сложно отличить от официальных сайтов театров и музеев. Сегодня сайты-двойники есть почти у каждой организации культуры. При этом сайты-зеркала, как правило, находятся в топе выдачи поисковых систем, так эта услуга оплачивается их создателями дополнительно. Цена билетов на зрелищные мероприятия, реализуемые через такие ресурсы

в десятки раз превышает их официальную стоимость. Кроме того, достаточно часто интернет-мошенники продают поддельные билеты, в том числе и на несуществующие спектакли. Дополнительная опасность таких сайтов – незаконный сбор персональных данных граждан, включая информацию о банковских картах.

К сожалению, лиц, незаконно реализующих билеты, достаточно сложно привлечь к ответственности. Значительная трудность состоит в определении субъекта административного правонарушения. Чаще всего перекупщики билетов используют доменное имя «com» зарегистрированное за границей, что делает практически невозможным установление надлежащего субъекта ответственности.

Предпринимаемые организациями культуры попытки по закрытию сайтов неуполномоченных лиц в судебном порядке имеют низкую эффективность, поскольку из-за растянутости процедуры во времени к моменту вступления в силу судебного решения вместо сайта, в отношении которого вынесено судебное решение, возникает новый, аналогичный заблокированному, но с иным (зачастую схожим) доменным именем.

Следует отметить, что одним из факторов, способствующих распространению мошеннических схем по продаже билетов на зрелищные мероприятия, является низкий уровень информированности посетителей организаций культуры о наличии перечня лиц, официально уполномоченных распространять билеты, о возможности приобрести билеты на через официальный сайт или личный кабинет. До тех пор, пока информация о возможности легального приобретения билетов на культурные мероприятия не станет привычной и легкодоступной, недобросовестные лица будут предпринимать постоянные попытки ввести граждан в заблуждение, создавая все более изощренные способы для перенаправления посетителей на мошеннические сайты.

В качестве решения указанной проблемы необходимо создать единый реестр официальных сайтов организаций исполнительских искусств и музеев, размещенный на официальном сайте Министерства

культуры Российской Федерации. Реестр официальных сайтов поможет верифицировать информационные ресурсы организаций культуры. Для реализации такого механизма при вводе в поисковой системе слов, содержащих название театра, музея, концертной площадки оператор поисковой системы должен обозначить официальный сайт искомого субъекта специальной отметкой, различимой и понятной для пользователя.

Указанное информирование пользователей о включении таких сайтов в Реестр официальных сайтов должно также содержать ссылку на сам Реестр. Таким образом, посетитель сможет убедиться, что покупает билеты на официальном сайте театра или музея. Кроме того, благодаря механизму верификации официальных сайтов организаций культуры в сети «Интернет» потенциальный посетитель сможет получить достоверную информацию не только об официальном сайте организации исполнительских искусств или музея, но и о лицах, уполномоченных ими на реализацию билетов. Так, в соответствии со статьей 36² Основ законодательства Российской Федерации о культуре организации исполнительских искусств и музеи обязаны размещать на своих официальных сайтах в сети «Интернет» информацию о лицах, уполномоченных ими на реализацию билетов, о других лицах, которым переданы права на реализацию билетов, включая сведения о сайтах в сети «Интернет», через которые такие лица осуществляют реализацию билетов. На этом основании пользователь официального сайта организации исполнительских искусств или музея сможет получить исчерпывающие сведения о субъектах, с которыми организация исполнительских искусств или музей заключили договоры о продаже билетов.

Введение указанного механизма потребует внесение соответствующих изменений в действующее законодательство, в частности, в Основы законодательства Российской Федерации о культуре.

Кроме того, для оперативного пресечения незаконной продажи билетов в сети «Интернет» потребуются внесение поправок в Феде-

ральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4] в части включения в «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (далее – Реестр запрещенной информации) сведения о ресурсах, на которых осуществляется реализация билетов на зрелищные мероприятия неуполномоченными лицами.

Таким образом, при обнаружении в сети «Интернет» информации о продаже неуполномоченным лицом билетов на зрелищные мероприятия, уведомление об этом направляется в Министерство культуры Российской Федерации. В свою очередь Минкультуры России изучает ситуацию и при необходимости принимает решение о признании этого ресурса не соответствующим требованиям, о чем незамедлительно сообщает в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. На основании указанного решения Минкультуры России Роскомнадзор включает интернет-ресурс, на котором незаконно реализуются билеты, в Реестр запрещенной информации. Одновременно с этим Роскомнадзор определит провайдера хостинга, обеспечивающего размещение в сети «Интернет» указанного сайта, направит провайдеру хостинга и владельцу сайта в сети «Интернет» уведомление о включении сайта в Реестр запрещенной информации и внесет в реестровую запись сведения о провайдере хостинга и владельце сайта в сети «Интернет». Реализация приведенных законодательных предложений соответствует общему направлению развития российского законодательства, регулирующего единое информационное пространство, в контексте открытости, прозрачности, максимальной информативности для пользователей, а также персонализации ответственности владельцев интернет-ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 21.07.2014 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» // Официальный интернет-портал правовой информации [режим доступа] <http://publication.pravo.gov.ru>, 22.07.2014].
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

NECESSARY LEGISLATIVE MEASURES TO COUNTERACT INTERNET FRAUD WHEN SELLING TICKETS TO ENTERTAINMENT EVENTS

I. Rukavishnikova

ABSTRACT

The article deals with the problem of the spread of fraudulent schemes for the sale of tickets to entertainment events by unauthorized persons. Legislative solutions are proposed regarding the creation and maintenance of a unified register of official websites of cultural organizations. The necessity of digital labeling of such sites is justified. The mechanism of countering the online sale of tickets to theaters, museums, concert venues, etc. through the websites of entities that do not have permission to carry out such activities is described.

Keywords: Internet fraud, lookalike sites, mirror sites, online ticket sales for entertainment events, unified register of official sites of cultural organizations, register of prohibited information

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 342

Поступила: 25.08.2022г.
Сдана на рецензию: 26.08.2022г.
Подписана к печати: 30.08.2022г.

ДЕУНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И НОВЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ: В ПОИСКАХ БАЛАНСА МЕЖДУ ИНТЕГРАЦИЕЙ И УВАЖЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Э.Э. Баринов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

emil.barinov@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется проблема защиты конституционной идентичности в условиях процессов правовой глобализации и принудительного насаждения универсальных либеральных ценностей. Заявленная проблематика рассматривается как в контексте внутригосударственных, так и в контексте международных политических, экономических и социокультурных процессов. В качестве одного из способов противодействия террору универсальных ценностей автор видит интеграцию стран бывшего СССР на базе ценностей цивилизационного характера, имеющих свой конституционно-правовой эквивалент. Обосновывая важность такого типа интеграции, автор обращает внимание и на объективные сложности, стоящие на пути такого типа объединения, цели и направления деятельности которого могут выходить далеко за рамки исключительно экономического сотрудничества.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, конституционная идентичность, правовая глобализация, цивилизационная идентичность

Последние десятилетия в России отмечены пристальным вниманием к проблемам конституционной идентичности, что привело к формированию полноценного научного направления конституционно-правовой науки и появлению значительного количества работ, посвященных охране конституционного суверенитета и обеспечению конституционной безопасности. Одной из основных задач «нового направления» стало противодействие развернутому в последние десятилетия «террору» универсальных ценностей, откровенно противопоставляющих себя национально-культурным особенностям различных государственно-правовых систем.

Тот факт, что современное российское общество переживает кризис доверия к универсальным либеральным общедемократическим ценностям, не вызывает сомнения. Долгое время балансировавшее между «национальным» и «универсальным» современное Российское государство все чаще обращается к традиционным консервативным национальным ценностям не только на уровне политической риторики, но и на уровне конституционно-правового законодательства. Одна из причин – отсутствие авторитета у универсальных ценностей среди большей части рядовых россиян, другая – реальные проблемы социально-экономического, политического и, в первую очередь, идеологическо-ценностного характера, существенным образом затрудняющие полноценное функционирование основных институтов публичной власти гражданского общества в современной России.

Принципиально новый набор конституционных ценностей, изначально предназначавшийся для замены «морально устаревших» идеологических, нравственных государственно-правовых стратегических ориентиров бывшего СССР, создавался в условиях острого политического кризиса и частичного непонимания национальных особенностей

объективно сложившегося правового менталитета россиян. Конституция РФ, по степени своей универсализации оставившая далеко позади конституции многих государств, в том числе бывшего СССР, на определенном этапе выступила не как средство фиксации объективно сложившихся государственно-правовых реалий, а как «абстрактно-универсальный» государственно-правовой ориентир для дальнейшего демократического и либерально ориентированного развития. Многочисленные чужеродные «заимствования» не дали населению почувствовать себя полноправным участником конституционно-правовой жизни. Обновление «идейных оснований государственного права», которое во всех случаях должно протекать значительно дольше и сложнее [1], в конечном итоге не привело к образованию нового типа конституционной культуры, как минимум на уровне обыденного сознания. Повсеместное распространение идей конституционно-правового нигилизма наглядно обэтом свидетельствует.

Обозначенная ситуация не могла остаться вне сферы внимания современной юридической науки. Оставляя за скобками (но не принимая их важности) многочисленные работы по теории государства и права, философии права, сравнительному правоведению, политологии и др., отметим, что наиболее важным направлением по изучению соответствующей проблематики в рамках конституционного права стала конституционная аксиология. В отличие от общетеоретического понимания всего блока сопутствующих проблем, именно конституционная аксиология предложила реальные конституционно-правовые механизмы противодействия правовой глобализации и нивелированию национальных особенностей государственно-правовых систем. В рамках конституционной аксиологии были предложены основные подходы к пониманию системы конституционных ценностей, их иерархии и нормативно-правовому обеспечению как на уровне правотворчества, так и на уровне судебного конституционного производства.

Не ставя себе задачей полноценное рассмотрение системы конституционных ценностей современной России, их иерархии и возможных способах защиты, в рамках настоящей работы обозначим преобладающие на сегодняшний день тенденции в данной сфере.

Во-первых, на передний план в настоящий момент выходят конституционные ценности, затрагивающие правовой суверенитет Российского государства как полноправного субъекта геополитических и международных отношений. Проблема защиты своего геополитического суверенитета, свобода в принятии решений на международной арене, независимость во внутренней политике от «центров принятия решений» западного мира – это базовый набор геополитических ценностей, защита которых во все времена рассматривалась Россией в качестве основных, однако сегодня их актуальность значительно возросла. Сюда же можно отнести обеспечение неприкосновенности границ территории Российской Федерации от внешних посягательств и борьбу с санкционным давлением, которое может использоваться нашими геополитическими противниками как непосредственно в сфере международных политических отношений, так и по линии ограничений экономического, производственного, информационного, социального и культурного характера. Откровенные попытки недружественных стран, которые мы наблюдаем в последнее время, лишить Россию возможности выступать в качестве полноценного участника современных международных процессов во всех сферах межгосударственного взаимодействия, значительно актуализировали проблему ценностей геополитического характера, выведя ее из общего ряда проблем, стоящих перед современной Россией, на первый план.

Во-вторых, все больше актуализируются конституционные ценности гуманитарного и морально-нравственного характера, характеризующие современный этап развития российской государственности в русле следования ее национальным консервативным особенностям и традициям. Особенностью данной группы ценностей выступает име-

ющая место нормативная неопределенность их формально-юридического содержания. Это не отрицает возможности их частичного или полного закрепления на уровне Основного Закона страны и действующего законодательства. Однако, даже в ситуации их частичного присутствия в формально-юридическом пространстве, реальное содержание и наполнение этих ценностей значительно шире их нормативного содержания. Это следует понимать и учитывать. Также необходимо помнить, что Россия – огромная многонациональная и многоконфессиональная страна. В этой связи обращение к метаюридическим аспектам системы конституционных ценностей требует особой осторожности и обязательного учета соображений, в том числе политической целесообразности. Высокий удельный вес величин морально-нравственного характера, характеризующих, как это принято говорить, особый генетический код россиян, не исключает неоднородности социокультурного пространства. Отдельные различия межконфессионального характера видны невооруженным взглядом на примере брачно-семейных отношений. Кроме того, всегда остро стоит проблема соотношения интересов различных возрастных и социальных групп.

В-третьих, конституционные ценности, отвечающие за базовые основы российской государственности, которые на уровне конституционного текста и в теории конституционного права получили обозначение в виде основ конституционного строя, сегодня требуют своей коррекции, в том числе в процессе последующих этапов конституционно-правовых реформ в России. Речь идет о том, что современная российская Конституция так и не смогла выполнить свою базовую функцию – консолидировать общество на основе принципиально новой системы государственно-правовых ценностей. Рассмотрение Конституции в контексте идеи общественного договора также не встречает энтузиазма – формально-юридические содержательные характеристики Основного Закона на уровне обыденного понимания выглядят достаточно неоднозначно. Возможно, значительной части проблем можно было бы избежать, в свое время пойдя по пути создания не

«общедемократической» и «универсальной», а национально-ориентированной конституции, в которой национально-культурный аспект был выражен в значительно большей степени. Однако история, в том числе конституционно-правовая, не знает сослагательного наклонения.

Конституционная реформа 2020 года в качестве одной из своих задач заявляла защиту традиционных национальных ценностей. Однако, как мы помним, решения о пересмотре системообразующих и центральных глав Конституции РФ принято не было, и именно по этой причине реальные возможности законодателя радикальным образом реформировать систему национально-государственных ценностей и обратить их лицом к населению России были существенным образом ограничены. Таким образом, на сегодняшний день Конституция России все еще представляет яркий образец максимально унифицированного и универсализированного подхода, национальная ориентированность которого вызывает серьезные вопросы. Вне всякого сомнения, обозначенные проблемы достаточно успешно преодолеваются на уровне системы конституционного судопроизводства, однако здесь важно понимать, что на уровне обыденного сознания основное внимание, как правило, обращается на формальные характеристики Основного Закона, а не систему правовых позиций Конституционного Суда РФ. И именно к содержанию Конституции РФ у большей части населения России существуют серьезные претензии.

Важно отметить, что проблема защиты конституционной идентичности может решаться как на внутригосударственном уровне, так и на уровне консолидации усилий в рамках регионального международного взаимодействия. Проблема принудительной универсализации социокультурного и правового пространства по вполне понятным причинам актуальна не только для России, но и для ее партнеров по Европейскому экономическому союзу. В частности, в специальных научных исследованиях отмечается, что в настоящее время армянская государственность переживает наплыв «разношерстных мнимых ценностей», которые «неприемлемы с точки зрения местных национальных

традиций, менталитета, характера мышления и правил бытия» [2]. В этой связи особую актуальность и все большую популярность приобретает идея региональной интеграции на базе общности цивилизационной идентичности. Как справедливо отмечают консервативно ориентированные исследователи, современные глобализационные процессы отличаются, во-первых, однополярностью, а во-вторых, преследуют цель агрессивной унификации цивилизационного пространства [3]. Вовлеченность в этот процесс максимального количества территорий, стран и их населения выступает первоочередной задачей унификации и универсализации глобального мирового пространства. В таких условиях одна из задач региональной интеграции, наряду с политической и экономической, – противодействие чужеродным конституционно-правовым ценностям совместными скоординированными усилиями. Однако, если рассмотрение региональной интеграции как средства и способа противодействия процессам конституционной универсализации вполне допустимо, то само по себе «противодействие», без соответствующего идейного обеспечения, не может лежать в идеологической основе интеграции.

Для решения соответствующей задачи необходим набор ценностей объединяющего характера, которые можно обозначить как «цивилизационные ценности». Цивилизационные ценности – это такой набор морально-нравственных, этических, идеологических установок, который может объединять относительно разнородные по географической, этнической, конфессиональной, социальной и иной принадлежности человеческие группы. Именно цивилизационную идентичность необходимо рассматривать как важнейший структурный элемент евразийской социокультурной интеграции, олицетворяющий, в том числе, одно из ее мировоззренческих оснований [4]. Одновременно отметим, что необходимость выделения базового набора цивилизационных ценностей – это не только задача региональной интеграции, но и основное условие существования многонационального много-

конфессионального государства, что делает соответствующие механизмы употребимыми как на внутригосударственном, так и на международно-региональном уровнях.

Использование термина «цивилизация» в данном случае не случайно. Исследованию феномена цивилизационной идентичности посвящены труды виднейших представителей исторической и социологической наук, в частности А. Дж. Тойнби и С. Хантингтона. Что же касается работ отечественных авторов по вопросам евразийской цивилизационной идентичности, то они сформировали относительно самостоятельное направление отечественной философии права.

Цивилизация – это социокультурная общность наиболее высокого порядка. Цивилизационный уровень занимает промежуточное положение между национальным (в политическом смысле) и мировым (общечеловеческим). Базовый набор общих черт цивилизационной идентичности может включать язык, историю, религию, обычаи, общественные и политические институты. Важным элементом цивилизационной идентичности является фактор субъективной самоидентификации, обусловленный отнесением того или иного индивида (группы людей) к «своим» или «чужим». Одновременно цивилизационная идентичность прочно связана не только с субъективным осознанием своей принадлежности к тому или иному типу «цивилизации», но и предопределена такими объективными обстоятельствами, как географическое расположение, политическое устройство, исторический период, традиционные ценности, этнонациональные традиции, историческая память и др.

Актуальные на сегодняшний день процессы избирательной евразийской интеграции должны быть основаны на четком понимании отсутствия возможности обособления единой евразийской цивилизации как таковой. Важно четко представлять, где интеграция может быть основана на идее социокультурной общности, а где она должна быть объективно ограничена факторами экономического и геополитического характера. Последнее соображение не отрицает целесообразности

объединения конституционного потенциала стран – участников интеграционного проекта, предполагающего консолидированные усилия России и дружественных стран в направлении «усиления» и актуализации общих составляющих конституционно-правового пространства.

На сегодняшний день соответствующий проект евразийской интеграции реализуется на уровне стран постсоветского пространства, которые в наибольшей степени обнаруживают свою ментальную связь на уровне конституционно-правовой идентичности, по причинам долгого времени нахождения в составе единого территориально-государственного образования, что предопределило и особенности общей исторической памяти. Как правило, на постсоветском пространстве выделяются следующие цивилизационные ценности: естественный консерватизм, коллективизм, ценность традиции (духовной традиции), преемственность в развитии. Особое внимание уделяется противопоставлению ценностей общества потребления и индивидуализма – ценностям коллективизма и всеобщего блага. Однако необходимо учитывать и объективные особенности неоднородности современного постсоветского пространства, в том числе делающие в отдельных случаях затруднительными, а зачастую невозможными попытки вернуть те или иные территориальные группы в лоно единой цивилизации.

Нельзя не признать, что за годы, прошедшие со времен распада Советского Союза, значительное количество связей цивилизационного характера было разрушено. В частности, «русский язык» уже не выполняет своей консолидирующей функции, как это было во времена СССР. Многие из стран, даже участвующих в ЕАЭС, достаточно неоднозначно позиционируют себя в связи с бывшим историческим прошлым, отчетливо ощутимы результаты процессов декоммунизации и десоветизации (в этом смысле показательны даже изменения названий улиц в республиках бывшего СССР). В этих условиях актуализируется проблема поиска новых и восстановления старых связей, способных оказать серьезное консолидирующее влияние на процессы

евразийской кооперации. Ситуация значительным образом усложняется значительным расширением этнического и конфессионального охвата состава участников строящегося сообщества. В этих условиях важен конструктивный диалог, с одной стороны, направленный на поиск объединяющих ценностей, с другой – не допускающий полного изоляционизма в соответствующей сфере, что ограничило бы идею евразийской интеграции исключительно соображениями экономического и геополитического взаимодействия. Как отмечал в свое время А.С. Панарин, рассматривая конфессиональную составляющую проблемы евразийской интеграции, единственно возможной и реальной альтернативой «суперэкуменизму» является выработка особых евразийских религиозно-культурных универсалий [5].

Следует согласиться с тем, что у бывших «территорий» Российской империи, а затем – СССР, значительно больше объединяющих факторов, определяемых принадлежностью к «общей большой Родине», непрекращающимися контактами на уровне человеческого общения и отдельными знаниями особенностей этнонационального менталитета, которые являются ментальным стержнем евразийской интеграции. Не следует игнорировать историческое и культурное наследие народов бывшего СССР в наиболее чувствительных для исторической памяти сферах. В частности, в исторической памяти народов постсоветского пространства особое место занимает феномен Великой Отечественной войны, результатом которой стала

«совместная Великая победа» [6]. Вне всякого сомнения, память о ВОВ – объединяющий и консолидирующий фактор, существующий вне времени. Пересмотр истории Великой Отечественной войны, инспирируемый прозападными недружественными силами, одной из целей ставит окончательный разрыв дружеских связей между бывшими народами СССР и затруднение интеграции на евразийском пространстве, чего допустить, безусловно, нельзя. Так, в российскую Конституцию уже внесены соответствующие изменения в ходе конституционной реформы 2022 года.

Однако, как мы уже отметили, обращаться с советским культурно-историческим наследием необходимо со значительной степенью осторожности. На уровне новой евразийской интеграции, в рамках ЕАЭС, не следует беспричинно и бессистемно реинкарнировать потерявшие свою актуальность в новых политико-правовых исторических реалиях и утратившие свое консолидирующее предназначение идеи и символы прошлых лет. Соответствующая «реабилитация» может привести к обратным последствиям в ходе построения символической модели евразийской интеграции. Основное внимание следует сосредоточить на поиске новых механизмов согласования общезначимых значений евразийской символической модели большинством населения государств-членов [7]. При этом важно учитывать постоянный эффект смены поколений. Базовый набор цивилизационных ценностей должен быть «одобрен» и подрастающим, и еще не рожденным поколением всех государств-членов в сравнительно долгосрочной перспективе.

Неоценимую помощь в этом могут и должны оказать политические элиты. Именно на уровне национальных элит должен быть опосредован концепт новой евразийской интеграции. Однако, по мнению многих исследователей, именно политические элиты не спешат обращаться к социокультурным унифицирующим факторам новой евразийской интеграции. Это касается как полного невосприятия возможности отказа от идеи общества потребления, так и отсутствия сколь-нибудь значимых идеолого-политических обоснований особенностей публично-властного управления [8]. В этой связи в науке актуализируется проблема слабой развитости идеи «стратегической культуры», которая рассматривается как часть политической и подразумевает культуру политических элит [9].

Чтобы подстегнуть политические элиты к принятию «необходимых» решений, в процессе межгосударственного взаимодействия в формате ЕАЭС следует разработать полноценную стратегию, направленную на поиск и развитие идеи цивилизационной идентичности и ее

конституционно-правовой составляющей. Это касается сферы научных исследований, образовательных программ, совместных культурно-политических проектов и др. В рамках разработки действующих механизмов защиты конституционной идентичности можно рассмотреть идею создания системы надгосударственного судебного контроля на уровне евразийского интеграционного проекта, в ситуации, когда традиционные, в частности европейские механизмы, становятся все более геополитически ангажированными. Отметим, что на настоящий момент функционирует Суд Евразийского экономического союза, однако его компетенция и полномочия ориентированы в большей степени на цели и задачи именно «экономического союза». На наш же взгляд, идея евразийской интеграции должна последовательно и поступательно переходить на принципиально иной уровень и последовательно трансформироваться в нечто большее, нежели сотрудничество в экономической сфере.

В заключение отметим, что в нелегких геополитических и потенциально конфликтогенных, с точки зрения разнородности этноконфессионального пространства, условиях на представителей публичной власти всех уровней возлагается особая задача по аккумуляции консолидированной воли различных поколений, национальностей и конфессий, представителей различных политических и идеологических блоков стран – участников ЕАЭС.

Аналогичные задачи возлагаются и на основные институты гражданского общества соответствующих государств. В противном случае может образоваться значительный дисбаланс в «официальной» и реально действующей системе «новых» евразийских ценностей, как и реальном уровне общекультурной и конституционно-правовой интеграции, что существенно затруднит формирование новой евразийской идентичности в рамках ЕАЭС, сделав возможные экономические и политические выгоды от подобного сотрудничества минимальными. В любом случае поиск новой Евразийской конституционно-правовой

идентичности не должен восприниматься как элемент культурно-философской рефлексии на тему бывшего СССР и уж тем более как «фантомные боли». В этой связи необходимо сосредоточиться на поиске новых смыслов и символов как на уровне культурного, так и на уровне правового взаимодействия. В конечном итоге речь идет о пересоздании консолидирующего социокультурного кода на базе унифицированных ценностей евразийской цивилизации, имеющих свой конституционно-правовой эквивалент.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арановский К.В.* Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 12.
2. *Вардумян Г.Д., Вардумян С.Д.* Цивилизационные ценности армянского общества в ответ на глобальные вызовы человеческой цивилизации // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2018. № 4. С. 63.
3. *Саркисян О.Л.* Осмысление победы в Великой Отечественной войне в контексте современных интеграционных процессов // *«Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки*. 2015. № 1 (19). С. 14.
4. *Мохов А.В., Сениюшкина Т.А.* Цивилизационная идентичность как фактор евразийской интеграции // *Политическое пространство и социальное время: правда и ложь в политике и искусстве: сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума*. Симферополь: Ариал, 2019. С. 169.
5. *Панарин А.С.* Евразийский проект в постиндустриальную эпоху // *Евразийский проект модернизации России: «за» и «против»*. М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 1995. СС. 17–27.
6. *Саркисян О.Л.* Осмысление победы в Великой Отечественной войне в контексте современных интеграционных процессов // *«Вестник Российско-армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки»*. 2015. № 1 (19). С. 16.
7. *Тен Ю.П.* Символический подход к анализу формирования евразийской идентичности // *Коммуникология*. Т. 10. 2022. № 2. С. 111.

8. *Петрушак В. Л.* Евразийство как ценностно-мировоззренческое основание цивилизационной интеграции Северной Евразии // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 1. История и археология. Философия. Политология. Т.13. 2021. № 2. С. 110.
9. *Саркисян О.Л., Биджоян Т.С.* О некоторых аспектах соотношения понятий «стратегическая культура» и «политическая культура» // «Вестник Российско-Армянского университета». № 16 (№ 1/ 2014). СС. 25–32.

**DEUNIVERSALIZATION OF CONSTITUTIONAL IDENTITY
AND NEW EURASIAN CIVILIZATION PROJECT: IN SEARCH
OF A BALANCE BETWEEN INTEGRATION AND RESPECT
OF NATIONAL CULTURAL TRADITIONS**

E. Barinov

ABSTRACT

The article analyzes the problem of the constitutional identity defense in conditions of the legal globalization processes and the forced implanting of universal liberal values. The stated problems are considered both in the context of intra-State processes as well as in the context of international political, economic and sociocultural processes. The author sees integration of the former Soviet Union countries based on the civilizational character values, having their own constitutional and legal equivalent, as one way of universal values terror countering. Justifying the importance of this type integration, the author also pays attention to objective difficulties, standing in the way of this type unification, whose purposes and directions of activity may go far beyond exclusively economic cooperation.

Keywords: civilizational identity, constitutional identity, Eurasian Economic Union, Eurasian integration, legal globalization

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 340

Поступила: 25.08.2022г.
Сдана на рецензию: 25.08.2022г.
Подписана к печати: 29.08.2022г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕГО ВЛИЯНИЯ НА ГАРМОНИЗАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ЕАЭС

Р.Г. Непранов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

donvine@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются ключевые проблемы процессов гармонизации национальных правовых систем Евразийского экономического союза в условиях сохранения государственно-правовой идентичности стран-участниц. Оцениваются внешние факторы негативного влияния на защиту экономических интересов государств, входящих в Союз. Определяются ключевые силы и рычаги внешнего противодействия развитию экономического потенциала и защиты национальных интересов стран-участниц. Предлагаются способы преодоления негативного воздействия.

Ключевые слова: гармонизация национальных правовых систем ЕАЭС, государственность, национальная идентичность.

Процессы формирования государственности в странах, входящих в Евразийский экономический союз, характеризуются многослойностью и многоаспектностью политико-правовых взаимоотношений,

исторически возникших в условиях конкуренции Востока и Запада. С одной стороны, они являются результатом внутреннего развития государственных и политических институтов, формировавшихся в автономном режиме, что создало у каждого государства уникальную социокультурную и политико-правовую идентичность. С другой стороны, на определенных этапах развития государственности Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России создавалась единая орбита общей государственности. На протяжении нескольких столетий это происходило как в имперской, так и советской парадигме. На самых ранних стадиях совместного формирования общей государственности были заложены принципы сохранения идентичности каждого из народов. На эту особенность указывали многие дореволюционные исследователи. Например, М.Н. Катков так определял характер взаимоотношений между присоединенными этносами и стержневой русской нацией: «Призыв быть членами единой русской семьи не обязывает их ни к какому насилию над собой. Их вера, их обычаи, даже их предрассудки, их хорошее и дурное – все может остаться при них. Никто не требует, чтобы они переродились и перестали походить на себя. Государственное требование, которому они призываются способствовать, нестеснительно, просто и ясно» [1].

Такого же мнения придерживался и выдающийся мыслитель прошлого века И.Л. Солоневич: «Русский “империализм” наделал достаточное количество ошибок. Но общий стиль, средняя линия, правило заключались в том, что человек, включенный в общую государственность, получал все права этой государственности. Министры поляки (Чарторыйский), министры армяне (Лорис-Меликов), министры немцы (Бунге) в Англии невозможны никак. О министре индусе в Англии и говорить нечего. В Англии было много свобод, но только для англичан. В России было меньше, но они были для всех» [2]. Нельзя не отметить, что в эти периоды общая государственность была конкурентоспособной по отношению не просто отдельных стран Европы, но и всего европейского сообщества вместе взятого. Этот фактор был

сохранен и в советский период. Так, например, экономика Советского Союза занимала второе место в мире, а, по мнению профессора В.Г. Скобова, по некоторым показателям даже превосходила экономику США [3]. Равно как и по стратегической мощи с Советским Союзом не могла конкурировать ни одна страна Европы. Это стало одним из источников формирования концепции «коллективного Запада». В результате чего был создан Североатлантический альянс (НАТО) [4]. Он продолжил средневековую европейскую политику подчинения, подавления и колонизации других цивилизаций. Как сделали англы и саксы, истребив и поработив бриттов и кельтов, первоначально населявших Британские острова. Та же участь постигла североамериканских индейцев, когда во время колонизации была уничтожена целая раса коренных жителей Северной Америки [5]. К сожалению, можно привести и другие примеры.

С распадом Советского Союза на появившемся постсоветском пространстве начинается этап формирования независимых государств. Но и на этом этапе оказалось, что создание единой экономической зоны является необходимостью не только для успешного экономического конкурентирования государств в геополитическом пространстве, но и для обеспечения суверенной национальной безопасности и сохранения социокультурной и политико-правовой идентичности. Сегодня, когда международная конкуренция вышла на новый уровень, сохранение данных параметров является ключевым в трансцендентальном процессе сбережения и приумножения всего исторического и культурного наследия и передачи его последующим поколениям.

Российская Федерация в настоящее время выступает одним из ключевых игроков международных процессов, характеризующихся переориентацией с американской однополярной модели к многополярной сбалансированной международной системе. Понятно, что в этих условиях многие ключевые игроки геополитической системы недовольны тем, что ускользает возможность стать «мировым жандармом», и пытаются навязывать свою волю каждому государству. Об

этом еще в Мюнхенской речи говорил Президент РФ Владимир Владимирович Путин. Он подчеркнул, что формирование однополярной модели во главе с США является тупиковым путем развития [6]. Последний опыт строительства государственности многих стран показал, что система разделения власти в государстве является основой предотвращения злоупотребления посягательства на права человека. Она препятствует созданию режимов, которые будут замедлять темпы общественного развития, блокировать передовые общественные институты и нивелировать принцип свободного развития общества и личности в условиях равенства. Экстраполируя в геополитический масштаб, можно отметить тоже самое: однополярный мир неизбежно приведет к стиранию национальной идентичности и созданию мировой колониальной системы.

В таких условиях очевидно, что необходимы несколько полюсов, на которых должна базироваться мировая экономика и паритетная координация взаимодействия мирового сообщества. Евразийский экономический союз является одним из полюсов такой силы.

«Коллективный Запад» пытается навязывать свои условия, но последний саммит G-20 вновь проявил его двойные стандарты. Официально странами Западной Европы и США был взят курс на изоляцию России, а в рамках неформального общения одним из самых востребованных министров иностранных дел саммита стал Сергей Лавров. Это показывает, что попытка создать монополистический мир, в котором бы были стерты государственно-правовые идентичности всех стран и создана единая унифицированная система, в угоду американским интересам проваливается [7]. Данные процессы связаны с устранением монополизации американского доллара. Поэтому действующий министр финансов США Джаннет Йеллен выражает «крайнюю озабоченность» и угрожает «жесткими мерами» в отношении «нарушителей мирового финансового порядка» [8]. К сожалению, следует согласиться с экспертом И. Даниловым, в том, что: «Все привилегии, которые Соединенные Штаты получают благодаря тому, что доллар –

главная мировая валюта, связаны с двумя факторами. Первый: на доллары есть огромный спрос вне США и второй – Штаты целенаправленно уничтожают тех политиков (иногда вместе с их странами), которые пытаются идти по пути дедолларизации своих внешнеторговых связей. Эту ситуацию можно сформулировать очень грубо, но наглядно: вся суть мировой финансовой системы за последние 50 лет свелась к тому, что только наличие долларовых облигаций в валютных резервах является гарантией сохранения ценности конкретной национальной валюты, а значит, страны, желающие иметь стабильную валюту, буквально были вынуждены кредитовать американский бюджет, причем не всегда на выгодных условиях» [9].

Как показала практика, Соединенные Штаты Америки, установив в качестве мировой финансовой валюты доллар США, стали существенно злоупотреблять этими возможностями. Это выразилось в увеличении государственного долга, который в настоящее время насчитывает почти 30 триллионов долларов, и увеличивается, примерно, на 2 млн. долларов в минуту [10]. Эта астрономическая сумма указывает на то, что Соединенные Штаты, создав «коллективный Запад», желают не просто управлять в финансовом мировом пространстве, а использовать все остальное человечество как способ извлечения прибыли, невзирая на провозглашенный Организацией Объединенных Наций принцип, определяющий человека как высшую ценность [11]. Этот принцип является общепризнанным и нашел свое отражение во Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Дальнейшую конкретизацию получил во многих конституциях государств мира, в том числе и в Конституции Российской Федерации. Поэтому спикер Государственной думы Российской Федерации В. Володин указал, что в настоящее время запущен процесс преодоления монополизации американского доллара. Он привел пять причин, по которым доллар США утратит свое главенство в мировой финансовой системе. В качестве третьей причины спикер указал изменения в геополитической карте и отметил,

что в настоящее время развивается запрос на многополярность, соответственно, нужна альтернатива доллару. В. Володин считает, что этот процесс реализуется в увеличении взаиморасчетов в национальной валюте [12]. Данный тренд актуален для Евразийского экономического союза, потому что посредничество доллара США требует определенных издержек для национальных экономик, а переход на национальные валюты будет способствовать укреплению экономики, соответственно, увеличит благосостояние народов стран-участниц Союза.

Российская Федерация на протяжении последних 20 лет позиционировала себя как надежный экономический партнер для любой страны. Все те государства, которые вели и ведут честный открытый диалог с Россией, и в настоящее время подчеркивают, что выполняются все договоренности в полном объеме. Это важная черта в условиях надвигающегося всемирного экономического кризиса, о котором говорят многочисленные эксперты, как западных средств массовой информации, так независимых источников. Как подчеркнул помощник Президента РФ М. Орешкин, в основе данного кризиса будет лежать продовольственный кризис [13]. Россия является одним из крупнейших производителей и поставщиков зерна в мире, и антироссийские санкции приведут к дефициту продовольствия, в особенности в развивающихся странах. Это неизбежно вызовет цепную реакцию других кризисов и негативно повлияет на всю мировую экономику. В данных условиях взаимодействие в экономическом пространстве Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России является важным как для соблюдения общих интересов, так и для защиты интересов каждого отдельно взятого государства. Именно это и закрепил «Договор о Евразийском экономическом союзе» от 29 мая 2014 года [14].

Тем не менее в процессе реализации данного договора возникает ряд вопросов, связанных с необходимостью гармонизации правовых процессов стран – участниц ЕАЭС и соблюдением критериев государственной идентичности, вытекающей из особенностей правовых систем.

Страны-участницы Евразийского экономического союза – все бывшие страны СССР. Это обстоятельство в некоторой степени облегчает формирование единого правового пространства, так как правовые системы всех государств прошли эволюционный путь от советской правовой системы к современным либерально- демократическим правовым системам. Они входят в романо-германскую правовую семью, а, следовательно, обладают тождественными источниками права и сходными ключевыми правовыми институтами, методами правового регулирования и принципами функционирования правоохранительных и судебных органов. Однородность правового фундамента позволила принять целый ряд общих документов (договоров, меморандумов, а также актов и приложений к ним). Это дало возможность сформировать сбалансированную систему органов управления ЕАЭС, состоящую из Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного экономического совета, Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза.

Правовое регулирование деятельности данных органов должно коррелировать с юридическими механизмами государств-участниц в режиме интеграции правового пространства. Гармонизация законодательства имеет своей целью установление однородного нормативного правового регулирования в конкретных экономических сферах для выработки идентичных механизмов правового регулирования в сфере экономического взаимодействия и сопутствующих им процессов. Следует отметить, что на пути достижения данной цели стоит целый ряд препятствий, так как на практике национальные правовые системы стран Евразийского экономического союза демонстрируют несоответствие. Это требует правовой работы для того, чтобы заключенный «Договор о Евразийском экономическом союзе» имел реальные юридические механизмы реализации в режиме универсального функционирования. Во-первых, требуется правовая координация для того, чтобы исключить запараллеливание процессов правового развития и

обеспечить их интеграцию для создания единой взаимосвязанной системы. Основными проблемными сферами являются: транспортная, таможенная, миграционная, инвестиционная, производственная, торговая, налоговая. Причем, как верно подчеркивает исследователь Е.Ч. Мурзагалиев, эти процессы должны иметь динамичный характер, но следует избегать искусственной интенсификации [15]. Поэтому можно согласиться с исследователями В.В. Елистратовой и Н.А. Абрякиной в том, что в настоящее время актуальны процессы развития комплексной модели гармонизации правовых актов государств – членов ЕАЭС [16]. Эта модель должна учитывать одновременно и процессы развития внутри национальной правовой системы, и процессы развития надгосударственных отношений с целью эффективного регулирования совместной деятельности стран-участниц. Гармонизация должна выражаться в последовательном системном сближении правовых систем и их отдельных отраслей, имеющих наибольшее значение для функционирования Союза. Здесь проблемой выступает необходимость согласования воли отдельных государств. Это сложно реализовать в режиме давления извне на Евразийский экономический союз, потому что политические силы других регионов понимают, что концепция Х.Дж. Макиндера в ее евразийском варианте [17] реализации может привести к тому, что экономики Запада не выдержат конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катков М.Н. Имперское слово. М.: Изд-во журнала «Москва», 2002. С. 234.
2. Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2003. С. 117.
3. Скобов В.Г. Сравнение экономики США, СССР и России // Экономические стратегии. 2007. Т. 9. № 2 (52). СС. 16–25.
4. Ксенофонов В.В. Североатлантический альянс – угроза безопасности России и ее союзникам в современном мире: социально-философский анализ // Военный академический журнал. 2021. № 2 (30). СС. 87–92.
5. Говард З. Народная история США. М.: Весь мир, 2006. С. 77.

6. *Алексеев В.Ю.* Роль мюнхенской речи В.В. Путина в конкретизации внешней политики России // Альманах мировой науки. 2019. № 10 (36). СС. 63–64.
7. Саммит G20 [режим доступа: <https://www.rbc.ru/tags/?tag=саммит%20G20>]
8. В США пригрозили жесткими мерами «нарушителям» мирового порядка [режим доступа: <https://iz.ru/1366844/2022-07-19/v-ssha-prigrozili-zhestkimi-merami-narushiteliam-mirovogo-poriadka>].
9. Началось. Китай дал первый залп по США в мировой финансовой войне [режим доступа: <https://ria.ru/20200907/kitay-1576839460.html>].
10. Госдолг США в реальном времени [режим доступа: http://fincan.ru/articles/13_gosdolg-ssha-v-realnom-vremeni/].
11. Всеобщая декларация прав человека [режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml].
12. Вячеслав Володин назвал пять причин дедолларизации в мире [режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/55011/>].
13. Орешкин заявил об угрозе мирового голода к концу 2022 года [режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6286403c9a7947e750cf7ad8https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6286403c9a7947e750cf7ad8>].
14. Официальный сайт Евразийского экономического союза режим доступа: [<http://www.eaeunion.org/#about>]
15. *Елистратова В.В., Абрякина Н.А.* Гармонизация правовых актов как технология в правовой политике Евразийского экономического союза // «Правовая политика и правовая жизнь». 2018. № 2. СС. 146–147.
16. *Макиндер Х.Дж.* «Географическая ось истории» // Географический журнал. 1904. № 23. СС. 421–437. URL: *Mackinder, H.J.* «Географическая ось истории», в *Democratic Ideals and Reality*, Вашингтон, округ Колумбия: Изд-во Национального ун-та обороны, 1996. СС. 175–194.
17. *Мурзагалиев Е.Ч.* Проблема гармонизации национальных законодательств в повышении уровня конкурентоспособности стран-членов Евразийского экономического союза // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7–2. СС. 26–28.

**CURRENT CONSERVATION ISSUES STATE-LEGAL IDENTITY
IN THE CONDITIONS OF EXTERNAL INFLUENCE
ON THE HARMONIZATION
OF THE NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF THE EAEU**

R. Nepranov

ABSTRACT

The article discusses the key problems of the processes of harmonization of the national legal systems of the Eurasian Economic Union, in the conditions of preserving the state-legal identity of the participating countries. External factors of negative impact on the protection of the economic interests of the member states of the Union are assessed. The key forces and levers of external counteraction to the development of economic potential and protection of the national interests of the participating countries are determined. The ways of overcoming the negative impact are proposed.

Keywords: harmonization of the national legal systems of the EAEU, statehood, national identity.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 336.1, 336.2

Поступила: 16.05.2022г.
Сдана на рецензию: 16.05.2022г.
Подписана к печати: 29.05.2022г

ПОДХОД К КОРЕННОЙ РЕФОРМЕ ПРЯМОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ)¹²

Э.М. Сандоян, Е.Г. Петросян

Российско-Армянский (Славянский) университет

edward.sandoyan@rau.am, heghineh18@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, снова заставил ученых и исследователей задуматься об эффективности нынешней налоговой системы и необходимости ее изменения. Изучение международного опыта показывает, что уже ряд стран приступили к реализации этих реформ. Одним из ярких примеров является изменение системы налогообложения

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта No «21Т-5В254». Название темы: «Политика преодоления последствий пандемии COVID-19 и войны в Республике Армения».

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта No «21Т-5В238». Название темы: «Подходы к краткосрочному преодолению экономического спада путем модернизации денежно-кредитной политики и банковского регулирования в РА».

прибыли организаций в Эстонии и Грузии. **Целью** данной статьи является представление эффективных реформ в прямом налогообложении на примере Республики Армения. Исходя из цели, в рамках статьи изучено влияние пандемии COVID-19 на налоговые поступления, проанализированы системы налога на прибыль организаций в Эстонии, Грузии и Армении, проведен сравнительный анализ поступлений по данному виду налога. В заключение авторами предложена реформа прямого налогообложения в Армении и осуществлена попытка оценки ее регулятивного воздействия на макроэкономические показатели с использованием неоклассической динамической модели общего равновесия.

Ключевые слова: эффективность налоговой системы, налог на прибыль организаций, налоговые поступления, COVID-19.

Введение

Еще после кризиса 2007–2008гг. начали говорить о неэффективности действующей системы налогообложения и необходимости ее модернизации. Однако, если ранее об этом упоминалось лишь в работах некоторых экономистов, то в период кризиса, вызванного пандемией COVID-19, неэффективность действующих систем налогообложения стала еще более очевидной. Многими авторами выдвигаются идеи изменения не только существующих налогов, но и внедрения их новых видов. На сегодняшний день налоговые органы, правительства и политики начали уделять больше внимания мерам немедленного реагирования с помощью изменений в налогово-бюджетной политике с целью краткосрочного смягчения последствий кризиса [1]. При этом в современных условиях ускоренной цифровизации бизнес-процессов изменения в налоговой системе должны, наряду с фискальными эффектами, обеспечивать также совместимость и адаптивность к изменениям в бизнес-моделях и технологиях [2].

Некоторые обобщения последствий кризиса, вызванного пандемией COVID-19, позволяют отметить, что влияние кризиса на налоговые поступления происходит по следующим основным каналам [3]:

- Замедление экономической активности и занятости привело к сокращению или отсрочке сбора подоходного налога, выплат социального страхования и налога на прибыль. Причем поступления от налога на прибыль в будущем могут оставаться на низком уровне в течение некоторого времени, поскольку любые убытки, возникшие в 2020 году, перейдут на будущие периоды.
- В результате принятых мер по сдерживанию распространения коронавируса наблюдается спад в потреблении, последнее, в свою очередь, в сочетании со сдвигом спроса в сторону потребления товаров первой необходимости, которые часто не облагаются налогом или освобождаются от НДС, что приведет к сокращению поступлений от налога на потребление и, в частности, доходов от НДС.
- Налоги на имущество затронуты меньше всего, поскольку они не связаны напрямую с экономическим циклом.
- Учитывая спад в сфере туризма, может произойти спад в налоговых поступлениях от туризма и гостиничного бизнеса, причем убытки как прямые – в виде снижения налогов на туризм, авиацию и проживание, так и косвенные – за счет снижения поступлений от НДС.

Исходя из вышеотмеченного, и учитывая, что, согласно исследованиям, наиболее чувствительным видом налога к внезапному сокращению экономической активности является налог на прибыль организаций [4], возникает вопрос: нет ли необходимости в изменениях традиционной системы налогообложения прибыли?

На наш взгляд, в современной экономике наиболее рациональным можно считать инновационный подход, применяемый в Эстонии с 2000 года, а также в Грузии с 2017 года, предусматривающие осво-

бождение (применение нулевой ставки налогообложения) от налогообложения прибыли по отношению к нераспределенной ее части. Рассмотрим подробнее опыт этих стран.

Налог на прибыль организаций в Эстонии

Первой страной, отказавшейся от традиционной системы налогообложения прибыли, стала Эстония. Согласно эстонской модели налогообложения прибыли, вся нераспределенная корпоративная прибыль не облагается налогом – вне зависимости от вида доходов (активный (например, торговый)) или пассивный (например, дивиденды, проценты, роялти)) [5]. Не облагается налогом также прирост капитала от продажи всех типов активов, включая акции, ценные бумаги и недвижимое имущество. Налогообложение корпоративной прибыли откладывается до тех пор, пока прибыль не распределена в качестве дивидендов. Налогообложению подлежат также следующие виды операций [6]:

- в случае корректировок трансфертного ценообразования;
- расходов и платежей, не связанных с деловой активностью компании;
- дополнительных льгот, подарков, пожертвований;
- представительских затрат.

Распределенная прибыль облагается двумя ставками: стандартная ставка составляет 20%, а сниженная – 14%. Причем распределенная прибыль облагается по принципу 20/80 от чистой суммы распределения прибыли. Например, компания, имеющая прибыль в размере 100 евро, которая доступна для распределения, может распределять дивиденды в размере 80 евро, с которых она должна уплатить налог в размере 20 евро.

Сниженная налоговая ставка в размере 14% применяется к компаниям, регулярно распределяющим прибыль. Выплата дивидендов в сумме, которая меньше или равна сумме облагаемых налогом дивидендов,

дендов, выплаченных в течение трех предыдущих лет, будет облагаться налогом по ставке 14% (ставка налога на чистую сумму составляет 14/86 вместо обычных 20/80).

Налог на прибыль организаций в Грузии

Начиная с 1 января 2017 года Грузия перешла на новую систему налогообложения прибыли, согласно которой прибыль не облагается налогом до тех пор, пока не будет распределена. Стандартная ставка в размере 15% применяется к следующим операциям [7]:

- Распределение прибыли;
- понесенные расходы, не связанные с хозяйственной деятельностью;
- Превышение предельных представительских расходов;
- Бесплатное предоставление товаров/услуг.

До 1 января 2023 года по старой системе налогообложения будут облагаться коммерческие банки, кредитные союзы, страховые компании и микрофинансовые организации [8].

При данной системе налогоплательщикам больше не нужно определять налогооблагаемую валовую прибыль и необходимые вычеты, чтобы получить налогооблагаемую прибыль. Необходимо учитывать, что отмеченный режим направлен не на освобождение прибыли от налогообложения, а на отсрочку момента налогообложения.

Распределенная прибыль предполагает любое распределение прибыли предприятия партнеру в виде дивидендов в денежной или неденежной форме.

Представительские расходы, превышающие установленный лимит, который составляет 1% от общих доходов компании или расходов, понесенных в предыдущем календарном году, также облагается налогом.

К расходам, не связанным с хозяйственной деятельностью, относятся:

- Бездокументарные расходы;
- Расходы, целью которых не является получение прибыли, дохода или компенсации;
- Проценты, уплачиваемые за кредит (ссуду), выше годовой процентной ставки, установленной Министром финансов Грузии (т.е. 24%);
- Некоторые операции, относящиеся к некоммерческим расходам (платежи за приобретение акций/долей предприятия-нерезидента или взносы в капитал предприятия-нерезидента; предоставление кредита физическому лицу или нерезиденту).

Бесплатное предоставление товаров/услуг или перевод денежных средств также облагаются налогом на прибыль [9].

Налог на прибыль организаций в Армении

Согласно 12-ой статье Налогового кодекса РА, стандартная ставка налога на прибыль составляет 18% [10]. Налогооблагаемый доход определяется как разница между валовым доходом налогоплательщика и вычитаемыми расходами.

Валовой доход включает в себя все доходы, полученные налогоплательщиком от всех видов экономической деятельности, за исключением доходов, освобожденных от налогов в соответствии с законом.

Расходы, подлежащие вычету, включают все необходимые и документально подтвержденные расходы, которые напрямую связаны с ведением бизнеса, за исключением случаев, когда конкретное положение закона ограничивает вычет. Также для некоторых видов деятельности и уровня дохода, не превышающего установленного законом, применяются другие ставки.

Однако законодательное закрепление прав и обязанностей недостаточно для выполнения их со стороны физических и юридических лиц, так как, согласно проверкам Налоговой службы РА, 75% выяв-

ленных нарушений приходится на налог на прибыль, при расчете которого организации представляют недостоверную информацию о сумме валового дохода, сумме расходов, вычитаемых из валового дохода для расчета налогооблагаемой прибыли, сумме износа и амортизации и т.д. [11].

Сравнительный анализ

Далее рассмотрим долю налога на прибыль в суммарных налоговых поступлениях и изменения в поступлениях по налогу на прибыль в отмеченных странах. Как представлено на Рис. 1 доля налога на прибыль значительно отличается в отмеченных странах. В частности, среднее значение показателя за рассматриваемый период в Эстонии составило 6.0%, в Грузии – 28.5%, в Армении – 11.6%.

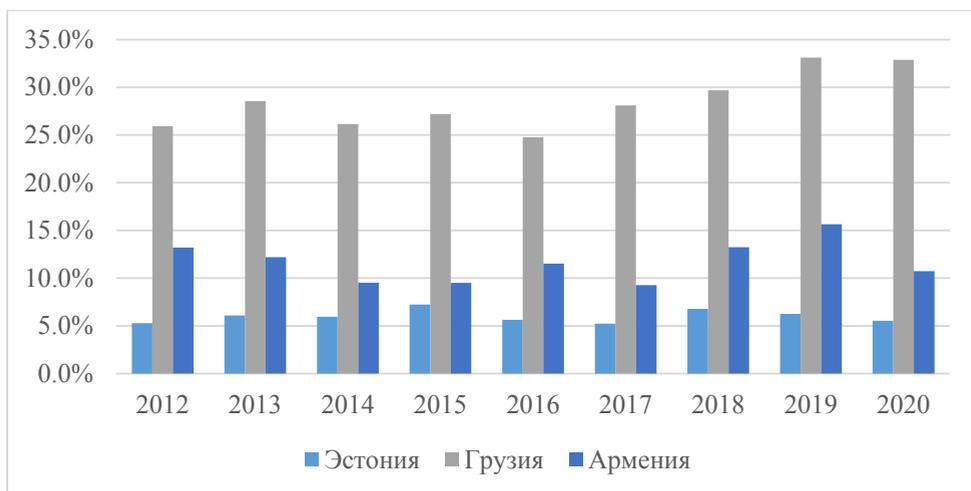

Рисунок 1. Доля налога на прибыль в суммарных налоговых поступлениях Эстонии, Грузии и Армении (в %), 2012–2020гг. [12], [13], [14].

Отметим, что доля налога на прибыль в суммарных налоговых поступлениях в Грузии увеличилась после внедрения новой системы

налогообложения, что связано с увеличением поступлений по данному виду налога (см. Рис. 2).

На Рис. 2 представлен темп прироста налога на прибыль в Эстонии, Грузии и Армении в периоды с 2012 по 2020гг. Как видно из Рис. 2 наибольший спад в поступлениях по налогу на прибыль за 2020 год был в Армении, который составил 36.4%, в то время как за тот же промежуток времени данный показатель в Грузии составил 3.8%, в Эстонии –11.7%. Очевидно, что, по сравнению с Грузией, спад в поступлениях по налогу на прибыль в Армении был практически в 10 раз больше, а с Эстонией – в 3 раза. И необходимо отметить, что в первый год после внедрения новой системы налогообложения в Грузии поступления по налогу на прибыль увеличились на 27.7%, а в последующие годы рост составил 13.9% в 2018 году, 11.2% в 2019 году. До внедрения новой системы налогообложения прибыли средний рост поступлений по налогу на прибыль за период 2012–2017 года в Грузии составил всего 5.5%.

Рисунок 2. Темп прироста поступлений по налогу на прибыль в Эстонии, Грузии и Армении (в %), 2012–2020гг. [15], [16], [17].

Успех и изъяны применяемых в Эстонии и Грузии систем налогообложения прибыли, а также наши многолетние наблюдения и

собственный эмпирический опыт позволяют нам выдвинуть новый, на наш взгляд, значительно более эффективный подход к коренной модернизации системы прямого налогообложения, основанный на реализации комплексной системы, состоящей из следующих основных подсистем:

- система всеобщего декларирования имущества и доходов физических лиц;
- отмена (ликвидация) налога на прибыль юридических лиц;
- налогообложение дивидендов при распределении прибыли по обычной ставке налога на доходы физических лиц.

С целью оценки возможных последствий регулятивного воздействия предлагаемых изменений в системе прямого налогообложения в Республике Армения мы применили неоклассическую динамическую модель общего равновесия.

Структура модели общего равновесия схожа с моделью, разработанной Funke, Strulik [18], и представлена в дискретном времени согласно Masso, Meriküll [19]. Оценка воздействия соответствующих реформ в системе налогообложения в Эстонии и Грузии также была осуществлена нами (проверена) на основании данной модели и доказала свою достоверность (см. исследования Masso, Meriküll [20] и USAID [21], соответственно). Исходя из представленной в данных исследованиях модели, мы рассчитали влияние реформы налога на прибыль юридических лиц на экономику Армении [22].

Согласно проведенным расчетам, при применении данной модели ожидаются следующие изменения в макроэкономических показателях Армении:

- увеличение выпуска на 1.56%;
- увеличение уровня частного потребления на 0.84%;
- увеличение запаса капитала на 3.5% и чистых инвестиций на 2.8%;
- снижение уровня государственных доходов по части налогов на 4.24%.

Снижение уровня государственных доходов предполагается возместить за счет внедрения упомянутой выше системы всеобщего декларирования имущества и доходов, что, в свою очередь, приведет к увеличению налоговых поступлений по части подоходного налога.

Кроме представленных изменений в макроэкономических показателях, отметим иные достоинства данной модели:

- значительное упрощение администрирования со стороны налоговых органов и исключение конфликта интересов между налоговыми инспекторами и налогоплательщиками в виду отсутствия мотивации у последних в сокрытии доходов и увеличения расходов с целью минимизации налогооблагаемой базы прибыли, следовательно – значительное сокращение масштабов коррупции;
- упрощение бухгалтерского учета и финансовой отчетности в организациях и т.д.

Заключение

С одной стороны, традиционные системы налогообложения уже не способны быстро адаптироваться и реагировать на возникающие кризисы, в результате чего в периоды спадов наблюдается острый недостаток поступлений средств в государственный бюджет, с другой стороны, затраты на администрирование налогов, особенно по части прямого налогообложения, достаточно высоки. В результате появляется необходимость пересмотра традиционных систем налогообложения, что уже сделали некоторые страны по части налога на прибыль.

Как показал проведенный в рамках данной статьи анализ, модель налогообложения прибыли Эстонии и Грузии в кризисный период проявила себя намного эффективней с точки зрения поступлений по налогу на прибыль, чем традиционная модель, применяемая в Армении. В частности, наибольший спад в поступлениях по налогу на прибыль за 2020 год был у Армении, который составил 36.4%, в то время

как за тот же промежуток данный показатель в Грузии составил 3.8%, в Эстонии –11.7%.

Исходя из представленного анализа, предлагаем внести следующие изменения в прямом налогообложении Армении:

- Внедрение системы всеобщего декларирования имущества и доходов физических лиц;
- Отмена налога на прибыль организаций как результата нераспределенной прибыли, которая остается в компании и не облагается налогом, а распределенные дивиденды подлежат налогообложению обычным подоходным налогом с физических лиц.

Согласно проведенным расчетам, при применении данной модели ожидаются следующие изменения в макроэкономических показателях Армении:

- увеличение выпуска на 1.56%;
- увеличение уровня частного потребления на 0.84%;
- увеличение запаса капитала на 3.5% и чистых инвестиций на 2.8%,
- снижение уровня государственных доходов по части налогов на 4.24%.

Снижение уровня государственных доходов предполагается заполнить за счет внедрения системы всеобщего декларирования имущества и доходов, что, в свою очередь, приведет к увеличению налоговых поступлений по части подоходного налога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Corbett T.* The impact of COVID-19 on VAT/GST regimes: Five areas that could change. PWC Ireland. 2021. [режим доступа: <https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/publications/the-impact-of-covid-19-on-vat-gst-regimes.html>].
2. World Bank Group; PWC. Paying Taxes 2020. The changing landscape of tax policy and administration across 190 economies [режим доступа:

- <https://www.pwc.com/gx/en/paying-taxes/pdf/pwc-paying-taxes-2020.pdf>]. Ք. 37
3. OECD. Tax and Fiscal Policy in Response to the Coronavirus Crisis: Strengthening Confidence and Resilience. Published by OECD. May 2020. https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=128_128575-o6rakte0aa&title=Tax-and-Fiscal-Policy-in-Response-to-the-Coronavirus-Crisis Ք. 36
 4. *Dudine P. and J.Tovar Jalles*. How Buoyant is the Tax System? New Evidence from a Large Heterogeneous Panel. IMF Working Papers, Vol. 17/04, 2017. [режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2017/01/20/How-Buoyant-is-the-Tax-System-New-Evidence-from-a-Large-Heterogeneous-Panel-44551>, дата обращения: 4 апреля 2020].
 5. PWC. Estonia. Corporate – Taxes on corporate income. August 2021. <https://taxsummaries.pwc.com/estonia/corporate/taxes-on-corporate-income>
 6. Deloitte. International Tax. Estonia Highlights 2019 [режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-estoniahighlights-2019.pdf>]. Ք. 1
 7. Tax Code of Georgia [режим доступа: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/1043717?publication=175>].
 8. PWC. Georgia. Corporate - Taxes on corporate income. July 2021. [режим доступа: <https://taxsummaries.pwc.com/georgia/corporate/taxes-on-corporate-income>].
 9. Deloitte. International Tax. Georgia Highlights 2021. Ք.1. [режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-georgiahighlights-2021.pdf>]
 10. ՀՀ հարկային օրենսգիրք [режим доступа: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=127335>].
 11. ՀՀ պետական եկամուտների կոմիտե [режим доступа: <http://www.petekamutner.am/Content.aspx?itn=tsTIY2015>].
 12. Statistics Estonia. Statistical database. [режим доступа: https://andmed.stat.ee/en/stat/majandus__rahandus__valitsemissektori-rahandus__maksud/RR01].
 13. National Statistics Office of Georgia. Government Finance Statistics. [режим доступа: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/91/government-finance-statistics>].
 14. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե . Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-տնտեսական վիճակը 2020 թվականի հունվար-դեկտեմբերին [режим доступа: <https://armstat.am/am/?nid=81&id=2359>].

15. Statistics Estonia. Statistical database. [режим доступа: https://andmed.stat.ee/en/stat/majandus__rahandus__valitsemisspektori-rahandus__maksud/RR01].
16. National Statistics Office of Georgia. Government Finance Statistics. [режим доступа: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/91/government-finance-statistics>].
17. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե: Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-տնտեսական վիճակը 2020 թվականի հունվար-դեկտեմբերին [режим доступа: <https://armstat.am/am/?nid=81&id=2359>].
18. *Funke M., Strulik H.* Taxation, growth and welfare: Dynamic effects of Estonia's 2000 income tax act. Bank of Finland. Institute for Economies in Transition. BOFIT Discussion Papers. 2003. PP. 11-21. [режим доступа: <https://pdfs.semanticscholar.org/58d8/97667b7fb3034ebdf1e2d54b999f7d5cd3bd.pdf>].
19. *Masso J., Meriküll J.* Macroeconomics effects of zero corporate income tax on retained earnings. *Baltic Journal of Economics*, 11(2), 2011.. PP. 81-99. [режим доступа: <https://doi.org/10.1080/1406099X.2011.10840502>].
20. Там же.
21. USAID. Governing for Growth (G4G) in Georgia. Regulatory Impact Assessment on Estonian CIT model implementation in Georgia. Deloitte Consulting LLP; 2016. PP. 21–22.
22. *Sandoyan E.M., Petrosyan H.G.* Abolishment of Profit tax Effects in the Republic of Armenia. *Finance: Theory and Practice*, 23(1), 2019. PP. 96–105 [режим доступа: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-1-96-105>].

APPROACH TO THE ROOT REFORM OF DIRECT TAXATION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA)

E. Sandoyan, H. Petrosyan

ABSTRACT

The economic crisis caused by the COVID-19 pandemic has again prompted scientists and researchers to reflect on the effectiveness of the current tax system and the need to make changes in it. The study of international experience shows that a number of countries have already begun to implement these reforms. One of the

striking examples is the change in the system of taxation of the profits of organizations in Estonia and Georgia. The purpose of this article is to present effective reforms in direct taxation using the example of the Republic of Armenia. Based on the goal, within the framework of the article the impact of the COVID-19 pandemic on tax revenues has been studied, the systems of corporate income tax in Estonia, Georgia and Armenia have been analyzed, and a comparative analysis of revenues from this type of tax has been carried out. At the end of the article, the authors propose a reform in direct taxation in Armenia and present the changes in macroeconomic indicators made due to this reform using the neoclassical dynamic general equilibrium model.

Keywords: efficiency of tax system, corporate income tax, tax revenues, COVID-19.

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 338

Поступила: 29.05.2022г.
Сдана на рецензию: 29.05.2022г.
Подписана к печати: 27.06.2022г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АРМЕНИИ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2009–2020ГГ.¹²

А.Б. Егиазарян

Российско-Армянский (Славянский) университет

yeghiazaryan_armen@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

За 30 лет независимости Республика Армения пережила три экономических кризиса: 1991–1993, 2009гг. и коронавирусный кризис, начавшийся в 2020 году. В связи с этим в рамках данной статьи рассмотрены основные изменения в финансовой системе, структуре кредитования, процентных ставках ЦБ, показателях бюджетной системы и государственного долга, внешнего финансирования, а также изучены отраслевые источники экономического роста в Армении и изменения в них в периоды с 1991 по 2021 года. Рассмотрена налогово-бюджетная и денежно-кредитная политики Армении и некоторых других стран, проводимые в кризисные периоды. На основании проведенного анализа оценена эффективность проводимой антикризисной политики Армении в 2009 и 2020 годах по сравнению с антикризисной политикой, примененной в мире.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта № «21Т-5В254». Название темы: «Политика преодоления последствий пандемии COVID-19 и войны в Республике Армения».

² Объемы внешнего финансирования рассчитываются как суммы торгового баланса. Предполагается, что если баланс отрицательный, страна считается получателем внешнего финансирования, если он положительный, то страна является поставщиком внешнего финансирования.

Ключевые слова: экономический кризис, коронавирусный кризис, отраслевые источники ЭР, антикризисная политика.

Республика Армения пережила 3 экономических кризиса за 30 лет после независимости – 1991–1993, 2009 гг. и коронавирусный кризис, начавшийся в 2020 году, и, по итогам 9 месяцев 2021 года, экономический рост, скорее всего, восстановится в 2021 году.

Основные черты экономики Армении

Первая особенность – это внешнее финансирование экономики, которое было основным фактором обеспечения развития экономики на протяжении всей истории независимой Армении³:

Таблица 1.

Внешнее финансирование Армении в 1990–2020 гг., в текущих ценах, млн. долларов США [1].

	1990-1993	1994-1997	1998-2003	2004-2008	2009	2010-2014	2015-2017	2018-2019	2020	1990-2020
Внешнее финансирование	-1092	-1838	-3219	-7497	-2366	-11206	-3430	-3531	-1180	-35359
ВВП	6799	6020	12953	35730	8648	52753	32627	26070	12645	194245
% к ВВП	-16,1	-30,5	-24,8	-21,0	-27,4	-21,2	-10,5	-15,9	-9,3	-18,2

Как видно из Табл., зависимость экономики Армении от внешнего финансирования остается высокой, хотя с 1997 года она снизилась,

³ Объемы внешнего финансирования рассчитываются как суммы торгового баланса. Предполагается, что если баланс отрицательный, страна считается получателем внешнего финансирования, если он положительный, то страна является поставщиком внешнего финансирования.

достигнув минимума в 2015–2017 годах, снова увеличившись в 2018–2019 гг., показав самый низкий уровень в 2020 году.

Другой особенностью является наличие большой диаспоры и постоянной эмиграции, что определяет огромную роль частных денежных переводов как одного из основных факторов в обеспечении внешнего финансирования и экономического роста страны. Если рассматривать страны, из которых получаются денежные переводы, Россия (45–60% от общего объема переводов) и США (около 15% от общего объема переводов) играют доминирующую роль⁴.

Рисунок 1. Частные переводы в Армению в 1994–2021 гг., млн. долларов США, в текущих ценах [2].

*Первый квартал 2021 года.

⁴ В России работают два фактора: многочисленная и растущая диаспора и сезонная миграция резидентов Армении в Россию для работы. В США в основном действует первый фактор. Первый фактор имеет более стабильный характер, а второй – переменчивый и зависит от экономического положения принимающей страны и спроса на рабочую силу. Что касается беспрецедентного роста частных трансфертов в 2020 году, то он был обусловлен второй Арцахской войной.

Другой особенностью Армении является система финансового посредничества, где за 30 лет, несмотря на существование всей институциональной системы, необходимой для этого рынка⁵, не сформировалась система рыночной капитализации компаний: Фондовый рынок⁶, который в современной экономике является вторым по величине источником финансирования экономики после банковской системы.

Кроме того, в случае экспансионистской денежно-кредитной политики, которая преобладала в развитых странах с 2009 года, фондовый рынок⁷, поглощая избыточные денежные ресурсы, способствует формированию антиинфляционных тенденций, которые сдерживают инфляцию в результате экспансионистской политики, в то же время приобретая все более спекулятивный, «пузырьковый» (bubble) характер, увеличивают вероятность экономических кризисов и их интенсивность.

В Армении нет «теневой» системы финансового посредничества⁸: инвестиционных банков, хедж-фондов, паевых инвестиционных фондов и т.д. Таким образом, система финансового посредничества в Армении в настоящее время состоит из 4-х подсистем: банковские учреждения, кредитные организации, страховые компании, институциональные инвесторы⁹, где банки играют доминирующую роль: по состоянию на 2019 год банки предоставили 95,3% внутреннего кредитования.

⁵ Фондовая биржа, регулирующее законодательство и управляющий орган: Центральный банк РА.

⁶ Основной показатель фондового рынка: рыночная капитализация компаний, которая в 2018 году в России составила 34,5% ВВП, в США – 147,9%, в Китае – 45,5%, в Германии – 44,3%, в странах со средним уровнем доходов – 47%, в странах с высоким уровнем дохода – 139%. В Армении этот показатель близок к 0.

⁷ Наряду с рынками недвижимости и энергетических сырьевых ресурсов.

⁸ Институты финансового посредничества, которые до 2009 года не регулировались центральными банками, так как не имели права на привлечение депозитов.

⁹ Институциональными инвесторами в Армении являются пенсионные фонды и фонд страхования военнослужащих, которые, по имеющимся у нас сведениям, не осуществляют инвестиций в частном секторе экономики.

Рисунок 2. Финансовая система Армении в 1994–2020 гг., основные показатели [3].

Как видно из Рис 2, развитие системы финансового посредничества разделено на две части: 1994–2003гг., когда темпы развития системы были ниже, чем общие темпы развития экономической и международной финансовой системы, и в 2004–2020гг., когда система развивалась быстрее, чем экономика, и Международная экономическая система постепенно стала основным внутренним источником финансирования экономики. Так, в 2003г. доля системы финансового посредничества в ВВП составляла 1,4%, кредитование частного сектора – 5,6% ВВП, что составило 7,5% от среднемирового показателя по сравнению со средним мировым показателем в 15,2% от ВВП на душу населения. Уже в 2019г. доля системы финансового посредничества в ВВП составляла 6% (в кризисном 2020 году – 6,7%) кредитование частного сектора – 57,1% ВВП (в 2020 году 67,1%), что было в среднемирового 63,4% по сравнению с 40,4% среднемирового ВВП на душу населения.

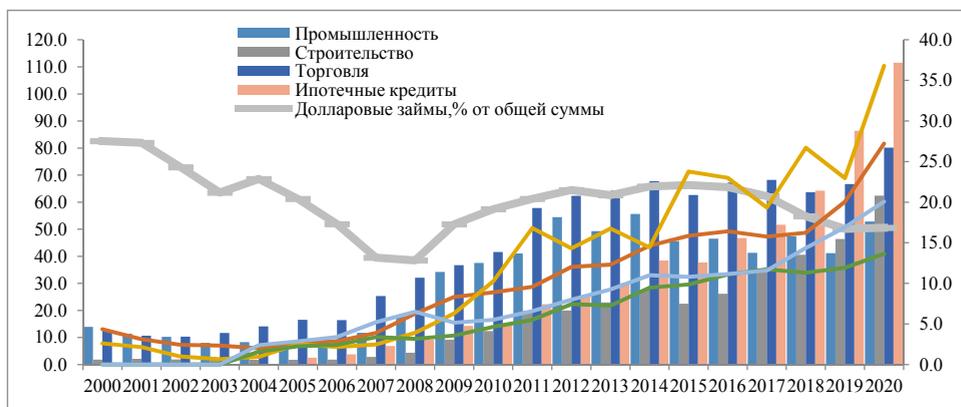

Рисунок 3 □ Структура кредитования экономики Армении в 2000–2020 гг.

* в текущих ценах [4].

* Промышленность, торговля, строительство, сельское хозяйство (левая ось), транспорт и связь (левая ось), сектор услуг (левая ось) с процентами на добавленную стоимость сектора, потребительские кредиты (левая ось): с процентами к конечному потреблению домохозяйств, ипотечные кредиты: с процентами к добавленной стоимости строительства.

Как показано на Рис. 3, в 2004 году объемы отраслевого кредитования экономики стали постепенно расти: промышленность (включая энергетику) с 8,3% в 2004 году до 52,8% в 2020 году, сельское хозяйство с 2% до 27,2%, строительство 1,8. с 62% до 62,4%, транспорт с 0,9% до 36,8%, торговля с 14,1% до 80,2%, сфера услуг¹⁰ с 1,6% до 11,9%. До 2004 года система финансировалась исключительно за счет предложения.

В 2004 году начали использовать потребительские кредиты для финансирования спроса, а в 2005 году – ипотечные кредиты. Объем потребительских кредитов в номинальном выражении в 2004–2020 гг. увеличился в 23,6 раза, а ипотечных кредитов в 2005–2020 гг. в 43,3

¹⁰ Сфера обслуживания: все другие отрасли экономики, которые не представлены на рисунке отдельно.

раза¹¹. В 2004 году потребительские кредиты составили 2,4% конечного потребления домашних хозяйств, в 2019 году – 16,9%, а в 2020 году – 20,1%. В свою очередь, ипотечные кредиты в 2005 году составили 2,5% добавленной стоимости в строительном секторе, достигнув 86,4% в 2019 году и 111,5% в 2020 году.

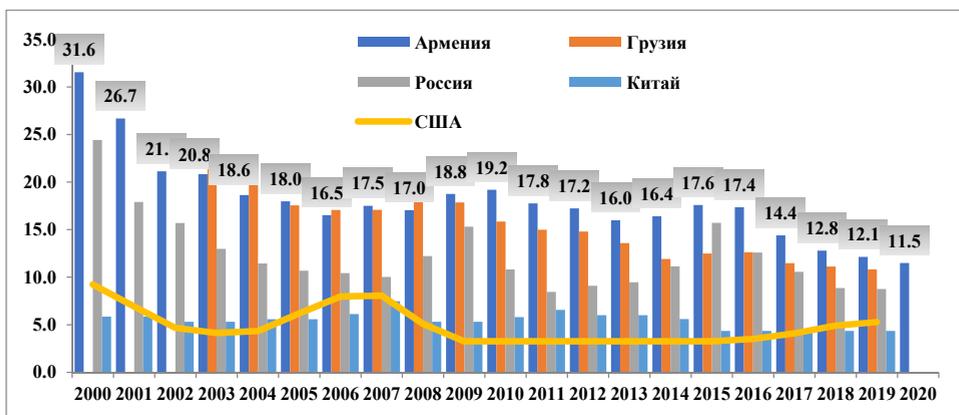

Рисунок 4. Номинальные процентные ставки по кредитованию экономики в 2000–2020гг. [5].

Следующая особенность системы финансового посредничества Армении – это «дорогие» кредиты. Как показано на Рис. 4, кредитные ставки в Армении с 2009 года были выше, чем в Грузии¹², значительно выше, чем в России, США и Китае¹³. Несмотря на то, что кредитные

¹¹ Для сравнения: общий объем кредитования увеличился в 2004–2020гг. в 28,5 раза, а в 2005–2020гг. – в 20,8 раза. Что касается конечного потребления домашних хозяйств, то за 2004–2020гг. он вырос всего в 2,8 раза.

¹² Экономические характеристики, включая инфляцию, внешнее финансирование, структуру экономики, темпы развития в Грузии сопоставимы с Арменией.

¹³ Россия и Китай в 2000-2019 годах имели заметные избытки торгового баланса, США самый большой дефицит торгового баланса в мире, инфляция была самой высокой в России по сравнению с остальными четырьмя странами, а в США и Китае – самой низкой.

ставки в Армении снизились почти в 3 раза за 20 лет, возможности экономического развития через финансовую систему более ограничены, а долговые обязательства выше, чем во многих других странах. «Дорогие» кредиты объясняются антиинфляционной денежно-кредитной политикой, проводимой ЦБ Армении, которая оставалась неизменной на протяжении всего периода, за исключением кризисного 2009 и 2020 гг. и была основана на поддержании макроэкономической стабильности. Фискальная политика правительства на 2009–2020 гг. также носила антициклический характер: расходы увеличивались на фоне снижения налогов. Эта политика привела к растущему расширению кредитной политики в Армении с 2009 года, поощряя правительство к ускорению развития системы финансового посредничества, в основном за счет субсидирования ставок по ипотечным и сельскохозяйственным кредитам, что позволяет значительно увеличить объем кредитования без соответствующего снижения процентных ставок.

Такие события, в частности, субсидирование рынка недвижимости в течение последних нескольких лет, создают риск «пузыря» на этом рынке и дальнейшего кризиса. В 2018–2020 гг. среднерыночные цены на недвижимость в Ереване выросли на 32,2%¹⁴, в 2020 году на 7,5%, в отличие от 2009 года, когда они снизились до 265,8 тыс. драмов против 296,3 тыс. драмов в 2008 году. Согласно некоторым исследованиям [6], [7] поступательный рост цен на активы, приобретенные за счет кредита, свидетельствует о формировании «пузырей» и возможном дальнейшем кризисе в этой сфере.

Кризис 2009 года и события 2010–2019 гг.

В 1994–2008 годах в Армении наблюдался непрерывный экономический рост со среднегодовыми темпами около 9%, что было зна-

¹⁴ Для сравнения номинальный рост ВВП составил 11,1%.

чительно выше, чем средние темпы роста мировой экономики, составлявшие около 3,3 за тот период, что позволило восстановить уровень экономики 1990 года, с 2004 года увеличить ВВП примерно в 3,5 раза¹⁵. Однако глобальный экономический кризис из США достиг Армении в 2009 году, что оказало большое влияние на армянскую экономику: ВВП упал на 14,1%¹⁶, из которых около 55% произошло за счет сокращения строительства на 41,6%. К другим секторам, которые сократились из-за кризиса, относятся: промышленность – около 6%, торговля – 3,6%, услуги – 21,8%. Примечательно, что когда кризис в США и ряде других развитых стран начался на рынке недвижимости¹⁷, затем распространился на систему финансового посредничества, а затем – на реальный сектор экономики. Финансового кризиса в Армении не было по той простой причине, что не было массового ипотечного кредитования¹⁸.

Ипотечное кредитование в 2008 году покрыло 9,2% добавленной стоимости строительства, в 2019 году – 86,4%, в 2020 году – уже 111,5%. Что касается действий правительства после кризиса 2009 года, поскольку в Армении не было финансового кризиса, а также риск банкротства системообразующих предприятий, меры количественного смягчения (*quantitative easing*) или политики приобретения активов

¹⁵ К концу кризиса 1993 года.

¹⁶ Мировая экономика в 2009 году сократилась на 1,68%, а откуда и возник кризис в США, он длился 2 года: в 2008 году ВВП сократился на 0,13%, а в 2009 году на 2,53%.

¹⁷ Основной причиной кризиса стало искусственное поощрение приобретения недвижимости в США (*subprime mortgage crisis*), которое было обусловлено дерегулированием инвестиционной деятельности и возникающим из-за этого все более растущим числом домашних хозяйств путем привлечения на рынок недвижимости, растущая часть которых не была платежеспособной. Весь процесс был основан на ожиданиях прогрессивного роста цен на недвижимость. В награду за увеличение числа неплатежеспособных кредиторов цены начали снижаться, что и заложило основы финансового кризиса.

¹⁸ В 2009 году добавленная стоимость системы финансового посредничества в Армении сократилась на 1,6%, объемы кредитования выросли на 8 млрд. драмов, а проценты кредитования в 2008 году 17% достигли 18,8%.

(bail out)¹⁹ не были реализованы. Реализованы меры по увеличению дефицита бюджета в связи с неизбежным сокращением доходов и в связи с необходимостью увеличения расходов (дефицит государственного бюджета в 2009 г. составил 7,5% ВВП против 0,7% в 2008г.), а также адресные меры по поддержке отдельных пострадавших секторов.

Таблица 2.

**Отраслевые источники экономического роста
в Армении в 1994–2019 гг. в сопоставимых ценах,
млн. долларов США 2019г. [8]**

	1994- 1997	1998- 2003	2004- 2008	2009	2010- 2013	2014- 2017	2018- 2019	1994- 2019
Денежный экономический рост	674,6	2360,1	4342,5	-1449,1	1632,6	1586,3	1589,7	10736,6
из которых:								
Промышленность	109,4	382,8	135,3	-87,0	462,1	447,5	363,7	1813,7
Добывающий	3,6	56,6	22,1	6,75	81,25	186,0	15,5	371,9
Обрабатывающий	56,6	300,1	60,0	-39,6	314,9	260,5	324,2	1276,8
Энергетика	49,2	26,0	53,2	-54,2	65,9	0,95	24,1	165,2
Сельское хозяйство	29,8	257,7	436,0	82,2	189,3	137,9	-219,3	913,6
Строительство	49,4	500,7	1200,8	-798	-134,2	-180,3	40,6	679,0
Торговля	203,6	306,0	386,6	-52,3	144,8	216,7	255,0	1460,5
Услуги	114,9	626,2	1541,9	-327,9	636,5	930,7	948,1	4470,3
Добавленная стоимость	507,1	2073,4	3700,5	-1182,9	1298,4	1552,5	1388,3	9337,3
Чистые налоги	167,5	286,7	642,0	-266,2	334,2	33,8	201,4	1399,3

¹⁹ Центральный банк приобретает ценные бумаги частных финансовых организаций без учета их реальных процентных ставок, предоставляя им соответствующие финансовые средства – bail out: приобретение доли соответствующих финансовых или нефинансовых организаций при условии его последующей выкупа организацией с выделением на это финансирования.

Примечательно, что наиболее быстрорастущие отрасли экономики Армении пострадали от кризиса 2009 года, и в результате преодоления кризиса сформировалась новая структура экономики с новыми движущими силами развития.

Как видно из Табл. 2, рост в 1994–1997 гг. был вызван в основном возвращением к нормальным условиям жизни, а не особенно увеличением инвестиций и основан на перезапуске существующих мощностей, а инвестиции были направлены на перезапуск производственной инфраструктуры (например, перезапуск ААЭС в 1996 году). Высокая доля чистых налогов в экономическом росте была связана с введением НДС на импорт с 1997 года.

Таблица 3.

**Отраслевые источники экономического роста
в Армении в 1994–2019 гг., в процентах [9].**

	1994-1997	1998-2003	2004-2008	2009	2010-2013	2014-2017	2018-2019	1994-2019
Денежный экономический рост	100,0	100,0	100,0	-100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
из которых:								
Промышленность	16,2	16,2	3,1	-6,0	28,3	28,2	22,9	16,9
Добывающий	0,5	2,4	0,5	0,5	5,0	11,7	1,0	3,5
Обрабатывающий	8,4	12,7	1,4	-2,7	19,3	16,4	20,4	11,9
Энергетика	7,3	1,1	1,2	-3,7	4,0	0,2	1,5	1,5
Сельское хозяйство	4,4	10,9	10,0	5,7	11,6	8,7	-13,8	8,5
Строительство	7,3	21,2	27,7	-55,1	-8,2	-11,4	2,6	6,3
Торговля	30,2	13,0	8,9	-3,6	8,9	13,7	16,0	13,6
Услуги	17,0	26,5	35,5	-22,6	39,0	58,7	59,6	41,6
Добавленная стоимость	75,2	87,9	85,2	-81,6	79,5	97,9	87,3	87,0
Чистые налоги	24,8	12,1	14,8	-18,4	20,5	2,1	12,7	13,0

Во второй фазе восстановительного роста (1998–2003гг.) наблюдается значительная, растущая инвестиционная составляющая, строительство начинает становиться основной движущей силой развития страны, опережая промышленность, сельское хозяйство и торговлю, уступая только сектору услуг (см. Табл. 3, в которой показан вклад каждого сектора в денежном экономическом росте).

В 2004–2008 годах в структуре экономики основные источники экономического роста изменились: строительство и услуги вместе обеспечили 63,2% общего экономического роста по сравнению с 47,7% в предыдущий период, а общий вклад промышленности и сельского хозяйства составил всего 13,1% до 27,1% к предыдущему периоду по сравнению с 27,1% в предыдущем периоде. Доля строительства в ВВП в 1994г. достигла 5,8% до 18,7%, в 2008г. промышленность с 26,1%, снизилась до 13,2%, а сельское хозяйство с 22,6% до 13,6%. В этот период было обеспечено самое быстрое развитие страны, в результате чего ВВП увеличился почти в 2 раза за 4 года.

Та модель развития страны, где неторговые отрасли преобладали над отраслями (non-tradeables) с потенциалом для экспорта или импортозамещения, основанная на позитивных ожиданиях роста цен на недвижимость²⁰, стала жертвой финансового кризиса 2008–2009гг., во время которого, как обычно, во время кризисов, инвестиции в рынки развивающихся стран, включая Армению, резко сокращаются из-за повышенного риска (бегства инвестиций).

Цепочка девелопмента, увеличившая объем инвестиций в период положительных ожиданий способствует основному развитию (в данном случае – строительству) сфер услуг – строительные материалы, деревообработка, производство металла и т.д., а также связанный

²⁰ Среднерыночные цены на недвижимость в Ереване в 2004 году составили 122,5 тыс. драмов, а в 2008 году – 296,3 тыс. драмов, сократившись в 2009 году до 265,8 тыс. драмов. В то же время количество сделок в Ереване в 2009 году сократилось на 23,5% по сравнению с 2008 годом.

с этим рост импорт, если ожидания изменятся, начнет работать в обратном направлении, что стало причиной отраслевых сокращений, имевших место в 2009 году, в основном из-за беспрецедентного спада в строительстве. И чем сильнее связь этих сфер с основной развивающейся сферой, тем больше размер сокращения. Цепочка развития, которая при положительных ожиданиях увеличивала объем инвестиций и способствовала развитию основных развивающихся (в данном случае – строительства) и обслуживающих его сфер: строительных материалов, дерева, производства металлов и т.д, как и в связи с этим ростом импорта, в случае изменения ожиданий начинает работать в противоположном направлении, чем и были обусловлены те отраслевые сокращения, которые произошли в основном из-за беспрецедентного спада в строительстве в 2009 году. И насколько сильнее была связь этих сфер с основной развивающейся сферой, тем выше размер сокращения.

2010–2013гг. стали периодом выхода из кризиса, в котором темпы роста неизбежно снижались из-за оттока инвестиций, начала формироваться новая структура экономики, где услуги оставались основной движущей силой развития, принесли определенное экспортное направление, а строительство продолжало снижаться.

В 2014–2017гг. экспортное направление экономики сохранилось, но роль услуг как основного источника экономического роста возросла, их вклад стал больше, чем денежный вклад других секторов.

Роль услуг как основной движущей силы экономического роста в 2018–2019гг. усилилась, поскольку спад в сельском хозяйстве, начавшийся в 2016 году, продолжился из-за снижения относительной рентабельности сельского хозяйства, отсутствия эффективной системы поддержки сельского хозяйства.

Таблица 4.

**Источники экономического роста в Армении
в 1990–2019 годах в сопоставимых ценах,
млн. долларов США 2019г. [10].**

	1991- 1993	1994- 1997	1998- 2003	2004- 2008	2009	2010- 2013	2014- 2017	2018- 2019	1994- 2019
Изменение ВВП	-3288	674,5	2360	4342,5	-1449	1633	1586	1590	10737
Конечное потребление, домашние хозяйства	-1817	791	1622	2765,1	-359	1295	313	2202	8630
Конечное потребление, государство	62	6,5	183	479,9	-14,2	195	12,6	112	1118
Валовое накопление	-42	388	665,5	2240	-1109	-322	21	441	2288
Общее внутреннее потребление	-1797	1186	2470	5484	-1482	1169	347	2755	12035
Экспорт товаров и услуг	-1129	-324	1400	-242	-195	1187	1655	610	4092
Внешнее финансирование	-362	-187,5	-1510	-900	228	-723	-416	-1775	-5391

Таблицы 4–5 показывают источники экономического роста/кризиса в зависимости от их местоположения: внутреннее использование или экспорт, а также финансовые связи экономики с внешним миром во время роста/кризиса.

Как видно из таблиц, с 1994 года Армения сильно зависела от внешнего финансирования, которое в среднем финансировало половину экономического роста. Зависимость от внешнего финансирования была максимальной в 2018–2019гг., когда рост внешнего финансирования превышал рост ВВП на 11,7%, была самой низкой в 2004–2008гг., когда внешнее финансирование обеспечивало около 20% экономического роста. В 2014–2017гг. 26,6% экономического роста было обеспечено за счет внешнего финансирования.

Таблица 5.

**Источники экономического роста в Армении
в 1990–2019 гг., в процентах [11].**

	1991- 1993	1994- 1997	1998- 2003	2004- 2008	2009	2010- 2013	2014- 2017	2018- 2019	1994- 2019
Изменение ВВП	-100,0	100,0	100,0	100,0	-100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Конечное потребление, домашние хозяйства	-55,3	117,3	68,7	63,7	-24,8	79,3	19,8	138,5	80,4
Конечное потребление, государство	1,9	1,0	7,7	11,1	-1,0	12,0	0,8	7,1	10,4
Валовое накопление	-1,3	57,6	28,2	51,6	-76,6	-19,7	1,3	27,7	21,3
Общее внутреннее потребление	-54,7	175,8	104,7	126,3	-102,3	71,6	21,9	173,3	112,1
Экспорт товаров и услуг	-34,3	-48,0	59,3	-5,6	-13,4	72,7	104,3	38,4	38,1
Внешнее финансирование	-11,0	-27,8	-64,0	-20,7	15,7	-44,3	-26,2	-111,7	-50,2

Экспорт был важным источником экономического роста в 1998–2003гг., когда на экспорт приходилось около 1/3 экономического роста, и в 2014–2017гг., когда весь экономический рост обеспечивался за счет экспорта. Валовое накопление в 2004–2008гг. внесло максимальный вклад в экономический рост, обеспечив в этот период двузначные показатели экономического роста.

**Экономический кризис 2020г. и структурные изменения
в экономике**

Экономический кризис 2020 года, как кризис 2009 года, носил мировой характер, но искусственное происхождение в основном был обусловлено ограничениями экономической деятельности (lockdowns), в

частности, в сферах торговли и обслуживания, требующих человеческих контактов, в сфере пассажирских перевозок, гостиничной и ресторанной сферах и др. Во второй половине 2020 года, когда эти ограничения начали ослабевать, глубина кризиса уменьшилась, и после их ликвидации в основном в 2021 году во всем мире, а также в Армении начался восстановительный экономический рост.

Табл. 6 показывает, что глубина кризиса 2020 года была заметно ниже, чем в 2009 году, поскольку к 2020 году не было основной движущей силы такой экономики, как строительство, которая в 2004–2008гг. обеспечила 27,7% общего экономического роста и отвечала за 55,1% спада. С другой стороны, изменения будущих структурных и экономических драйверов роста экономики из-за кризиса в 2020 году также будут менее выраженными, чем в 2010–2019гг.

Таблица 6.

**Отраслевые характеристики кризиса 2009г.:
отраслевая структура [12].**

	2009	2020	2021*		2009	2020	2021*
ВВП	-14,1	-7,4	5,0**	Проживание и общественное питание	23,5	-43,3	62,5***
Сельское хозяйство	5,9	-4,1	6,8***	Культура, развлечения, отдых	3,4	-21,3	-36,1***
Промышленность, из которой	-6,4	-1,7	2,1***	Образование	2,2	1,3	6,9(1)
Добывающий	6,3	8,4	7,2***	Здоровье	-5,4	6,9	42,6(1)
Обрабатывающий	-5	-3,6	-1,1***	Деятельность с недвижимостью	-20,7	-14,5	18,9(1)
Энергетика	-12	-1,2		Информация и связь	10,9	8,4	12,7***
Строительство	-41,6	-6,7	10,8***	транспорт	-28,3	-34,4	7,3***
Торговля	-5,3	-13,2	8,0****	Финансовая и страховая деятельность	-1,6	5,4	3,1***

* Январь-июнь 2021 г. ** индекс экономической активности *** валовой выпуск
**** Торговля (1) -Платные услуги.

В результате кризиса 2020 года из 4-х наиболее быстро развивающихся отраслей экономики: добывающая промышленность (среднегодовой рост в 2010–2019гг. $-14,5\%$ ²¹, удельный вес в ВВП в 2010 году $-1,69\%$, 2019 году $-3,25\%$), система финансового посредничества (среднегодовой рост в 2010–2019гг. $-13,9\%$, удельный вес в ВВП в 2010 году $-2,75\%$, 2019 году -6%), положение и общественное питание (среднегодовой рост в 2010–2019гг. $-15,4\%$, удельный вес (культура, развлечения, отдых) – (среднегодовой рост в 2010–2019гг. -27% , удельный вес в ВВП 2010 году $-0,92\%$, в 2019 году $5,55\%$) пострадали вдвое: проживание и общественное питание и культура, развлечения, отдых. Первое, судя по результатам первого полугодия 2021 года, имеет потенциал восстановления, который зависит от роста валового потребления домашних хозяйств (общественного питания) и увеличения объемов выездного и внутреннего туризма (услуги ВНЖ). Второе, судя по результатам первого полугодия 2021 года, скорее всего, перестанет быть движущей силой экономики.

Суммарный вклад этих секторов в экономический рост 2010–2019гг. составил $37,6\%$, а только сектор культуры, развлечений, досуга $-14,6\%$. С другой стороны, экономический спад в двух упомянутых секторах в 2020 году стал причиной $26,2\%$ экономического спада того года.

Таким образом, в результате кризиса 2020 года вполне вероятно, что структура экономики, в отличие от результатов кризиса 2009 года, существенно не изменится, а будет более сбалансированной, имея ряд задач развития, ни одна из которых будет играть доминирующую роль, например строительство в 2004–2008гг. По итогам первого полугодия 2020–2021гг. к вышеперечисленным растущим секторам можно добавить сектор информации и связи (среднегодовой рост в 2010–2020гг.

²¹ Средний темп роста ВВП в 2010–2019гг. составил $4,2\%$.

– 6,8%, доля в ВВП в 2010г. –2,64%, в 2020г. – 4,39%) здравоохранение (среднегодовой рост в 2010–2020гг. – 4%, доля в ВВП – 4,8% в 2010 г., 5,3% –в 2020 г.) и производственные секторы.

Таблица 7.

Характеристики использования ВВП в период кризисов 2009–2020гг. [13]

	2009	2020		2009	2020
ВВП:	-14,1	-7,4	Валовое накопление капитала	-25,4	-8,6
Валовое потребление, в том числе:	-4,0	-10,1	Экспорт товаров и услуг, в том числе:	-10,4	-32,4
Домохозяйства	-4,3	-13,8	Экспорт товаров	-34	-3,9
Государственные органы, в том числе:	-1,2	15,2	Экспорт услуг	33,5	-62,1
Удовлетворение индивидуальных потребностей	-2,7	8,7	Импорт товаров и услуг, в том числе:	-19,2	-31,7
Удовлетворение коллективных потребностей	2,6	25,6	Импорт товаров	11,7	-17,7
Услуги NGO домашним хозяйствам	27,7	-24,6	Импорт услуг	-43,2	-61,5
Валовые накопления	-30,9	-9,6			

Сравнение направлений использования ВВП в период кризисов 2009 и 2020гг. показывает, что валовое потребление в 2020 году сократилось примерно в 2,5 раза больше, чем в 2009 году, несмотря на сокращение объемов ВВП почти в два раза меньше. При этом это произошло за счет сокращения потребления домашних хозяйств: -13,8% или -789,8 млрд. драмов в текущих ценах, тогда как общий спад ВВП по тем же ценам составил лишь 361,6 млрд. драмов, что свидетельствует о неэффективности политики стимулирования спроса домашних хозяйств к

2020 году по сравнению с 2009 годом, когда при 14,1% сокращения ВВП потребление домашних хозяйств сократилось лишь на 4,3%.

Политика поощрения спроса правительства к 2020 году имела 3 компонента: (1) повышение зарплат, финансируемых государством, в размере 5,3%, которое должно было обеспечить дополнительный спрос домашних хозяйств в расчете на 200 000 работников в размере 21,6 млрд. драмов; (2) повышение возрастных пенсий в размере 8,9%, это должно было обеспечить дополнительный спрос домашних хозяйств на сумму около 464 000 пенсионеров в размере 19,4 млрд драмов; и (3) частичную компенсацию этой потери занятых в частном секторе лиц, потерявших трудовые доходы из-за lockdown.

Исходя из несоразмерного спада потребления домашних хозяйств, имевшего место в 2020 году, и учитывая, что доходы оплачиваемых государством лиц и пенсионеров выросли, становится очевидным, что программы поощрения сотрудников частного сектора были недостаточны как в плане покрытия, так и в плане объема.

Что касается роста потребления госучреждений, то он в основном был обусловлен двумя особенными обстоятельствами на 2020 год: эпидемией COVID-19, стоимость борьбы с которой можно оценить как минимум 57,3 млрд. драмов и второй Арцахской войной, оценка стоимости которой без уничтоженной военной техники и накопленных до 2020 года боеприпасов составляет не менее 111,8 млрд. драмов²².

Сокращение валового накопления в процентном плане было больше, чем сокращение ВВП, но примерно в 3 раза меньше, чем в 2009 году, в связи с беспрецедентным спадом объемов строительства, которое не произошло в 2020 году и отражает спад накопления в период кризиса, исходя из неопределенности будущего и негативных ожиданий.

Экспорт товаров и услуг в 2020 году сократился почти в 3 раза больше, чем в 2009 году, причем этот спад в основном произошел из-

²² Рассчитана разница в потреблении государственных учреждений, удовлетворяющих индивидуальным потребностям и удовлетворяющих коллективные потребности в 2019 и 2020 годах, соответственно.

за беспрецедентного спада экспорта услуг на 62,1% или на 1321 млн. долларов, 94% которого было обусловлено сокращением объема путешествий. Объем экспорта товаров сократился всего на 3,9%. Судя по результатам первого полугодия 2021 года, рост товарного экспорта на 23,2%, объемы товарного экспорта в 2019 году будут восстановлены уже в течение 2021 года.

Товарный импорт сократился к 2020 году на 17,7%, а импорт услуг составил 61,5% или 1490 млн. долларов, 79% из которых было обусловлено сокращением объема поездок. Судя по результатам первого полугодия 2021 года, рост товарного экспорта на 10,6%, в 2019 году объемы товарного экспорта будут восстановлены в течение 2022 года.

Что касается экспорта и импорта услуг, то восстановление их докризисных уровней во многом зависит от динамики выездного и въездного туризма.

Анализ социально-экономической политики Армении 2020г.

Сила экономического кризиса в разных странах была обусловлена, во-первых, силой lockdown и объемом их применения, во-вторых, структурой экономики стран²³ и в третьих, характером проводимой экономической политики, которая почти во всех странах носила антициклический характер и отличалась размерами стимулирования спроса и предложения и реализуемыми инструментами, только с применением налогово-бюджетной расширительной или налогово-бюджетной и денежно-кредитной расширительной политики правительства²⁴.

²³ В других равных условиях больший экономический спад зафиксирован в тех странах, где более высокий удельный вес этих услуг в ВВП

²⁴ Здесь собственная конвертируемая валюта и страны, имеющие возможность накопить долговые обязательства в этой валюте без инфляционных рисков: США, страны Евразии, использовали две политики вместе. Те страны, у которых не было такой возможности, использовали либо накопленные валютных резерв, либо увеличивали обязательства в конвертируемой валюте и внутренней валюте, включая Армению.

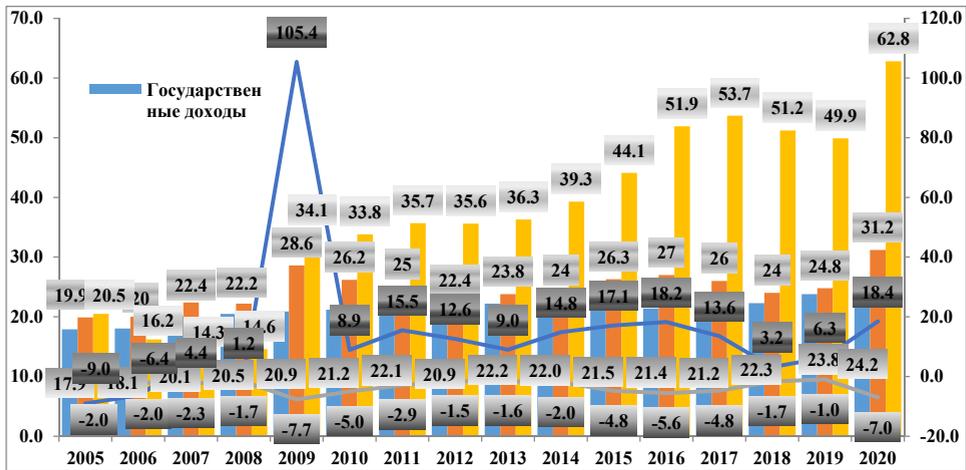

Рисунок 5. Основные показатели бюджетной системы и государственного долга Армении в 2000–2020гг., % к ВВП [14].

Процентный рост государственного долга и баланс правительства: левая ось.

В Армении, как и во многих других странах с ограниченной конвертируемой валютой²⁵, основным инструментом антикризисной антициклической политики была налоговая расширительная политика. Как показывает картина, эта политика использовалась и в кризисах 2009 и 2020 годов. Он предполагает резкий рост бюджетных расходов в условиях сокращения доходов, существенно увеличивая дефицит бюджета, который, в свою очередь, финансируется за счет роста внешних и внутренних обязательств.

Полученные таким образом доходы, как правило, используются по 3-м направлениям: (1) для компенсации потерь доходов, обусловленных кризисом, что позволяет не сокращать уже объявленные рас-

²⁵Здесь под ограниченной конвертируемостью понимается та валюта, которая не используется в международной торговле, а конвертируемой считается та валюта, которая выступает в международной торговле как платежное средство, используемое всеми.

ходы, а также производить дополнительные расходы, с помощью которых оживлять экономику; (2) посредством увеличения спроса и предложения.

В период кризиса 2009 года государственные доходы сократились на 75,1 млрд. Драмов или на 2,39% от ВВП, а расходы выросли на 103,6 млрд. драмов или на 3,3% от ВВП. Учитывая сокращение доходов, абсолютный рост расходов составил 178,8 млрд. драмов или 5,7% от ВВП. В период кризиса 2020 года государственные доходы сократились на 68,8 млрд. драмов или на 1,1% от ВВП, а расходы выросли на 187,4 млрд. драмов или на 3% от ВВП. Учитывая сокращение доходов, абсолютный рост расходов составил 256.2 млрд. Драмов или 4,14 % от ВВП.

Рис. 5 также показывает, что до и в посткризисные периоды налоговая политика носила сдерживающий характер, направленный на сокращение дефицита бюджета, более интенсивно в течение 2005–2008гг., 2010–2014гг. и в 2017–2019гг. Рост дефицита бюджета в 2015–2016гг. в основном был обусловлен развитиями в России, в результате чего в те годы темпы экономического роста в Армении существенно замедлились²⁶.

Особенность антициклической фискальной политики, которая проявляется во многих странах, которые ее применяют, в том числе и в Армении, заключается в том, что, несмотря на посткризисную динамику доходов, по разным, в основном политическим причинам, невозможно уменьшить абсолютную сумму государственных расходов, они продолжают расти, что приводит к неуклонному увеличению государственного долга в странах с хроническим бюджетным дефицитом. Начиная с 2009 года, государственный долг Армении увеличивался в среднем на 12,4% в номинальном выражении в 2010–2020гг., на 11,8% в 2010–2019гг. по сравнению со среднегодовым ростом номинального ВВП в 2010–2019гг.

²⁶ В 2015 году 3,2%, в 2016 году 0,2%

Что касается денежно-кредитной политики, основной целью которой является обеспечение стабильности цен в Армении путем применения инструмента таргетирования инфляции, то она обычно нейтральна с точки зрения роста в секторах экономического роста. Однако во время экономических кризисов он также приобретает характеристики антициклической экспансионистской политики, в течение которых он согласуется с фискальной политикой правительства.

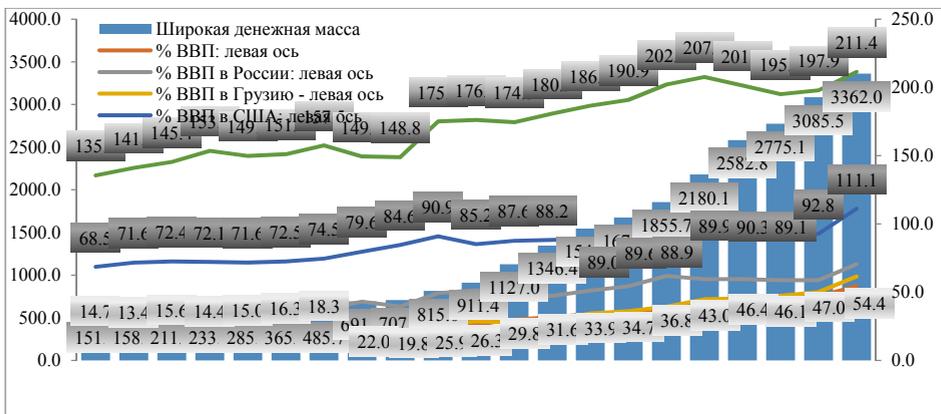

Рисунок 6. Динамика денежной массы: абсолютная (миллиард драмов) и ВВП в 2000–2020гг.²⁷

Картина показывает динамику денежной массы, характеризующей предложение денег, в периоды экономического роста и кризисов: и в период кризисов 2009 и 2020гг. денежная масса в ускоренном темпе выросла, включая Китай, где и в 2009 и 2020гг. был зафиксирован экономический рост: 9,4% и 2,3%. Рост денежной массы в Армении составил в 2009 году 15,1%, в 2020 году 8,9%. Таким образом, поведение денежной массы в отмеченных в таблице и во многих других странах имело выраженный в ходе этих кризисов антициклический характер и расширительное направление. Что касается межкризисного

²⁷Базы данных центральных банков Армении и указанных стран.

периода, то, согласно мнению специалистов Федерального резерва США, «Аналитики федерального резерва ... долгое время наблюдали за ростом предложения денег, полагая, что это влияет на экономическую активность и уровень цен. Тогда ФР добивалась стабильности цен, стабильного экономического роста и высокой занятости, влияя также на объемы денежного предложения. Однако в последние десятилетия связь между ростом предложения денег и развитием экономики США стала намного слабее, а также ослабло отношение к предложению денег в качестве руководства к денежной политике» [15]. Рис. 6 этот тезис достаточно четко доказывает.

Что касается политики расчетных процентных ставок центральных банков, которая, наряду с нормами обязательного резервирования и адекватности капитала, является основным инструментом регулирования кредитного рынка, то она, как свидетельствует Рис. 7, также носила антициклический характер, снижая процентные ставки и, следовательно, увеличивая кредитование и сокращая стоимость его обслуживания и в 2009 (кроме России) и в 2020 году (кроме Грузии).

Рисунок 7. Процентные ставки ЦБ в 2008–2020 гг.²⁸

²⁸ Базы данных центральных банков Армении и указанных стран.

Примечательно, что в результате антициклической налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики 2009 и 2020гг. инфляционного давления не было зафиксировано ни в 2009, ни в 2020 году²⁹. Примечательно также процентная политика ФРС США, где в 2009–2015гг. процентные ставки были близки к нулю: расширительная денежно-кредитная политика продолжилась еще после 5 лет кризиса, и та же ситуация в 2021 году. Более того, по состоянию на март 2020 года в США была обнулена норма обязательного резервирования. После 2020 года не увеличил процентную ставку и Центральный банк Китая.

Таким образом, развития в тех странах, которые в последнее время сохраняют близкие к нулю или отрицательные процентные ставки³⁰, показывают, что инфляционное финансирование, осуществляемое этими странами, по сути, не порождало инфляцию ни в тех странах, которые применяют инфляцию, ни в тех странах, где процентные ставки Центрального банка крайне положительны³¹.

Кроме того, возможности инструментария традиционной денежно-кредитной политики, включая денежное развитие и процентные ставки Центрального банка в этих странах исчерпаны и появляются новые инструменты: количественное облегчение (quantitative easing), приобретение проблемных активов центральными банками (bail out) и др. Пока не ясно, как эти изменения повлияют на инструментарий денежно-кредитной политики других стран. Тем не менее, есть определенные сигналы, и на примере Армении, что инклюзивная денежно-кредитная политика не приводит к увеличению инфляционного давления.

²⁹ В 2009 году дефлятор ВВП составил в мире 2,38%, к 2020 году –1,68%, в Армении –2,5% и 1,9%, в России –1,97% и 0,897%, в Грузии –2,136% и 6,9%, в США –0,762% и 1,21%, в Китае –0,21% и 0,672%.

³⁰ Центральный банк ЕС – нулевой расчетный процент с 2015 года, Центральный Банк Японии – 0,1% с 2016 года, Великобритания – 0,1% к 2020 году, Австралия – 0,1% к 2020 году, Канада – 0,25% к 2020 году и другие.

³¹ В 2019 году дефлятор ВВП в Японии составил 0,6%, к 2020 году – в Великобритании 5,67%, в Еврозоне – 1,197%, в Австралии –1,968%, в Канаде – 0,832%.

Подводя итоги, можно сказать, что налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика Армении в целом и в 2009 и 2020 гг. соответствовала подходам проводимой в мире антикризисной политики, носила антикризисный характер и имела достаточную эффективность.

Армения, как и другие страны, в 2020 году применила дополнительные целевые программы содействия бюджетному финансированию, общий объем которых по состоянию на 10 сентября 2020 года составил 163,4 млрд. драмов (340 млн. долларов США или 2,5% ВВП), а количество утвержденных программ составило 25³²□

Согласно заявлению премьер-министра Армении Н. Пашиняна на заседании правительства 12 августа, на этот день в рамках этих программ было потрачено 64 млрд. драмов, из которых 26,6 млрд. – на социальные программы, 17,5 млрд. – на экономические программы и 19,9 млрд. – на программы субсидирования банковских процентов.

Аналогичное предложение и программы, поощряющие спрос, приняли также ряд стран бывшего СССР. По данным IMF [16], в Азербайджане пакет этих программ к 2020 году составил 4,8% ВВП, в Грузии – 3,8%, в России – 3,5%, в Казахстане около 9%, в Киргизии около 7%, в Узбекистане около 2%. Таким образом, объемы этих программ в Армении были ниже, чем у большинства указанных стран. Что касается развитых стран, исходя из их более широких возможностей для проведения расширительной налогово-бюджетной политики, объемы указанных пакетов были более большими и более разнообразными по охвату [17]³³.

Следует также отметить, что направления расходования этих пакетов были примерно одинаковыми во всех странах, отличаясь количеством включенных сфер и объемами помощи. В сфере поощрения

³²Реагирование на кризис, связанный с пандемией COVID-19, в странах восточного партнерства, OECD, 13 октября 2020 г.

³³По данным за 2000 год, в Германии они составили 8,6% ВВП, во Франции около 8%, в Италии около 7%, в Испании 7,4%.

предложения этими направлениями были: (1) субсидирование кредитных процентов; (2) каникулы) временных кредитных процентов³⁴; (3) прямая помощь предприятиям за одновременный или определенный период времени³⁵, которые имели уменьшение объемов деятельности из-за Ковида для сохранения занятости и выплаты заработной платы, (4) временные налоговые каникулы или вычеты (включая платежи по социальному страхованию) COVID-19 для предприятий, пострадавших от ограничений³⁶; (5) субсидии для стратегических секторов, пострадавших от ограничений COVID-19; (6) предоставление грантов для вновь создаваемых предприятий, особенно в сферах оцифровки, зеленой энергии и высоких технологий³⁷; (6) предоставление крупномасштабных государственных кредитных гарантий от 50 до 100%, в частности, для предприятий-экспортеров³⁸.

Что касается поощрения спроса, то уже выше отмечалось, что результаты этого направления в Армении нельзя считать удовлетворительными, исходя из 13,8% спада потребления домашних хозяйств. В основном это обусловлено малыми объемами реализации программ, поощряющих спрос³⁹, чрезвычайно жесткими условиями отбора бенефициаров этих программ, а также их чрезвычайно большим количеством⁴⁰.

Тем не менее, учитывая возобновленный в 2021 году экономический рост и низкую вероятность повторения дальнейших lockdown, анализ этих программ и выявление недостатков утратили свою актуальность. Более актуальной является разработка новых подходов к социально-экономической политике с целью обеспечения в будущем

³⁴Последний (кредитные каникулы) в Армении осуществлялся за счет системы финансового посредничества.

³⁵ В Армении, в основном, одновременно.

³⁶ В Армении не применялось.

³⁷ В Армении не применялось.

³⁸ В Армении не применялось.

³⁹ Как уже отмечалось, суммарный объем этих программ по состоянию на 12 августа 2020 года составил всего 26,6 млрд. драмов.

⁴⁰13 из 25 программ носили социальный характер и были направлены на поощрение спроса в довольно узких сферах.

стабильного экономического роста и быстрого выхода из будущих экономических кризисов без ограничения или остановки экономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. База данных Всемирного банка, платежный баланс Армении [режим доступа: <https://data.worldbank.org/country/AM>].
2. Там же.
3. Там же.
4. База данных Центрального банка РА, Национальные счета РА, [режим доступа: <https://www.cba.am/am/SitePages/statrealsector.aspx>].
5. База данных Всемирного банка, платежный баланс Армении [режим доступа: <https://data.worldbank.org/country/AM>].
6. *Алан Гринспейн*. Карта и территория. Изд-во: Альпина Паблишер, М., 2015. С. 412.
7. *Рей Далио*. Большие долговые кризисы. Принципы преодоления. Издательство: Манн, Иванов и Фербер. Москва, 2021. С. 496.
8. Статистический комитет РА. Статистика национальных счетов Армении [режим доступа: <https://armstat.am/file/doc/99526988.pdf>].
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Статистический комитет РА. Статистика платежных счетов и национальных счетов Армении [режим доступа: <https://armstat.am/file/doc/99526988.pdf>].
14. IMF, World Economic Outlook, April, 2021 [режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021>].
15. Federal Reserve Bank of New York [режим доступа: <https://www.newyorkfed.org/aboutthefed/fedpoint/fed49.html>].
16. IMF, Policy Responses to Covid-19 as of July 21, 2020 [режим доступа: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19>].
17. Там же.

ECONOMIC POLICY OF ARMENIA DURING THE 2009-2020 ECONOMIC CRISIS

A. Yeghiazaryan

ABSTRACT

During the 30 years of independence, the Republic of Armenia has experienced three economic crises: 1991–1993, 2009 and the coronavirus crisis that began in 2020. In this regard, within the framework of this article, the main changes in the financial system, the structure of lending, interest rates of the Central Bank, indicators of the budget system and public debt, external financing are considered, as well as the sectoral sources of economic growth in Armenia and changes in them in the periods from 1991 to 2021. The fiscal and monetary policy of Armenia and some other countries, carried out in times of crisis, is also studied. Based on the analysis of the article, the effectiveness of the ongoing anti-crisis policy of Armenia in 2009 and 2020 was assessed in comparison with the anti-crisis policy applied in the world.

Keywords: economic crisis, coronavirus crisis, sectoral sources of economic growth, anti-crisis policy.

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 338.2

Поступила: 13.05.2022г.
Сдана на рецензию: 15.05.2022г.
Подписана к печати: 19.06.2022г.

THE INCREASED ROLE OF FISCAL POLICY DURING COVID-19 CRISIS – THE EFFECTIVENESS AND LIMITATIONS¹

G. Petrosyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

garik.petrosyan@rau.am

ABSTRACT

The Spread of COVID-19 and its negative economic consequences in the World and in Armenia caused increased need for macroeconomic policy reaction. This was also relevant to Armenian economy, where both fiscal and monetary policies reacted with the aim of promoting aggregate demand and mitigating the negative effects of the crisis. However, while contributing to economic recovery, fiscal policy measures negatively affect fiscal sustainability by increasing public debt. Thus, the aim of this paper is to reveal the effectiveness of the fiscal measures undertaken by Armenian government from the macroeconomic point of view, and to estimate the alternative policy scenarios, discussing the possible effectiveness and drawbacks of different policy choices.

Keywords: Fiscal Policy, COVID-19, anti-crisis measures.

Anti-crisis measures in the World and in Armenia

The Spread of COVID-19 followed by restrictions on economic activity in the World caused increased need for macroeconomic policy

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта No «21Т-5В254». Название темы: «Политика преодоления последствий пандемии COVID-19 и войны в Республике Армения».

reaction. Most of the countries significantly increased the government budget deficit-to-GDP ratio to help their economies in times of lockdowns and restrictions on many types of economic activities. In USA, the budget deficit as a share of GDP was increased by almost three times in 2020 compared to initially expected value. In Euro Area, the actual deficit-to-GDP ratio reached 7.2% in 2020 compared to initially expected value of 0.9%. In emerging markets and developing countries the fiscal reaction also was reflected in increase of budget deficit in average from 4.9% to 9.3% in 2020. In the following years almost all of the countries consider keeping the fiscal deficit higher compared to precrisis period, meaning that the anti-crisis fiscal measures continue to be implemented.

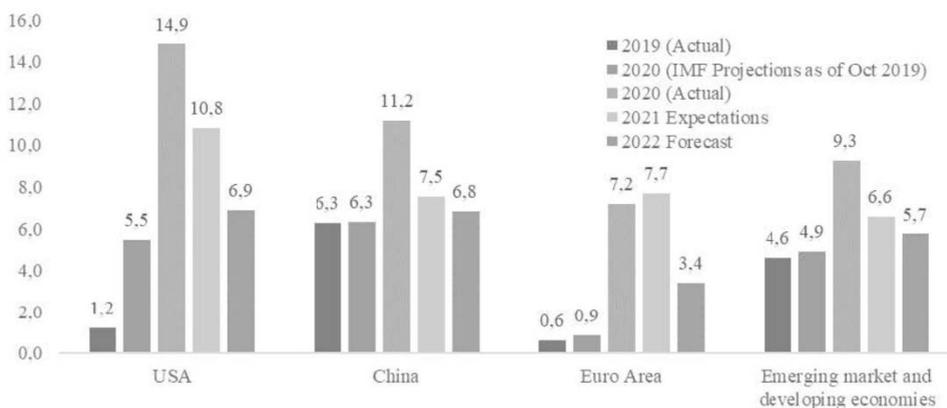

Figure 1. Fiscal Policy Measures (Overall budget Deficit)

Source: IMF.

The fiscal balance indicators shown in Figure 1, are driven not only by implementation of anti-crisis fiscal policy measures, but also by the decline of GDP. Thus, in order to analyze the discrete fiscal policy measures undertaken due to COVID-19, one should look at the anti-crisis measures, that are collected and published in IMF Fiscal monitor regular publications. Based on those numbers, the fiscal policy measures were much higher than just changes in fiscal balance. Especially in advanced countries, like USA,

UK, Germany etc., the discretionary fiscal measures went higher than 30-40% of GDP (see Figure 2), with the most part of these measures being liquidity support measures, which include equity injections, loans and public guarantees. The size of fiscal measures is significantly lower in developing countries.

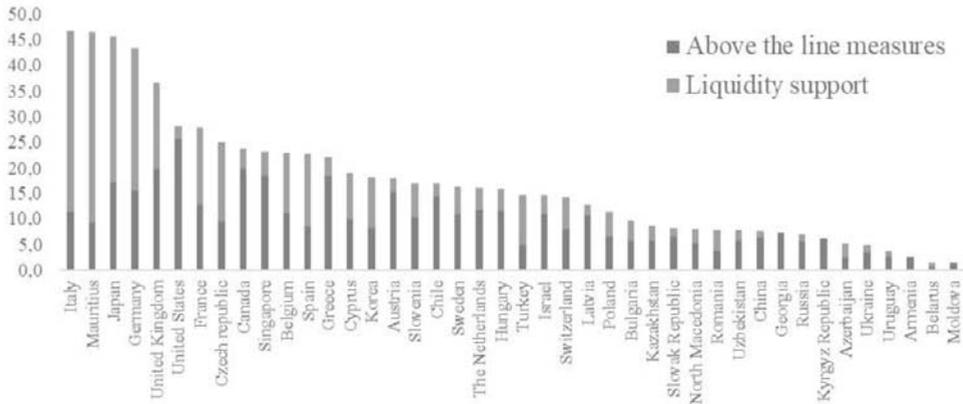

Figure 2. The fiscal policy measures in different countries.

Source: IMF Fiscal Monitor, October 2021.

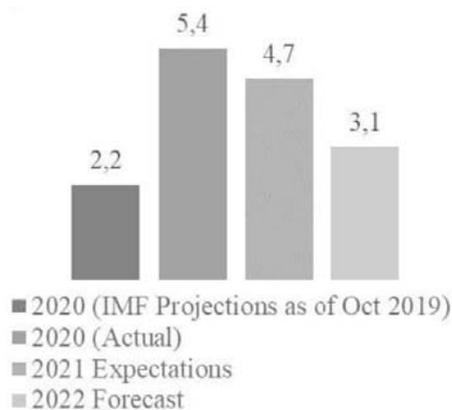

Figure 3. Overall budget Deficit in Armenia, % of GDP.

Source: IMF

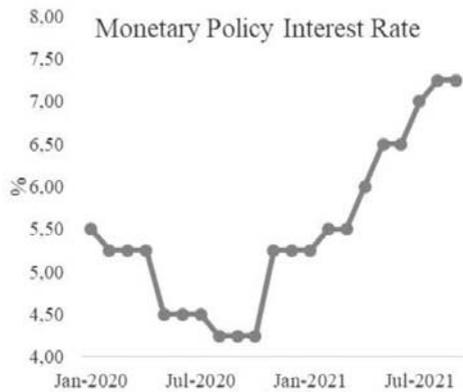

Figure 4. Monetary Policy Measures.

Source: Central Bank of Armenia.

In Armenia, the budget deficit reached 5.4% of GDP in 2020, being increased by more than two times compared to pre-crisis projections of that same year. Similar to other countries, in Armenia also, the drivers of increase of budget deficit-to-GDP ratio are not only fiscal discretionary measures, but also the decline of real GDP by about 7.4%.

The total size of discretionary fiscal policy measures in Armenia reached 2.1% of GDP in 2020, including both economic and social support measures. The economic support programs aimed at helping SMEs and includes subsidies for servicing loans, providing co-lending together with commercial banks or direct subsidies and grants. The social support programs amounted at 0.42% of GDP and included lump-sum transfers to the vulnerable population. Armenian government also implemented tax policy measures, the main part of which is the corporate income tax (CIT) reform and tax deferral for the second quarter of 2020.

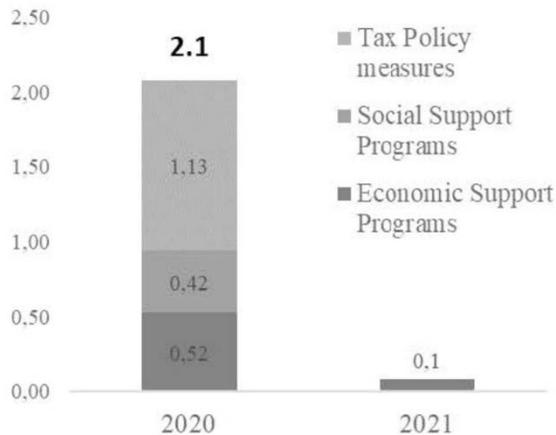

Figure 5. Discretionary Fiscal Policy measures aimed at mitigating the negative effects of COVID-19 crisis, % of GDP.

Source: Ministry of Finance of Armenia

Total amount of tax policy measure amount 1.1 percent of GDP, which include the decreased tax revenues due to CIT tax deferral in 2-nd

quarter of 2020 and also amendment of CIT prepayment system, mitigating the cashflow pressures for taxpayers². However, in 2021 the size of fiscal policy measures decreased significantly, reaching 0.1% of GDP as of September 2021. Moreover, there are no information about planned measures in the future. At the same time the expected deficit to GDP ratio in 2021 is significantly higher from pre-crisis numbers (in 2018-2019 years budget deficit averaged at 1.4% of GDP). Of course, part of the increase of the budget deficit is driven by the need for spending related to Artsakh war, and support for Artsakh Republic (about 57.2 bln AMD³, which amounts about 0.8% of expected nominal GDP of 2021).

It can be noticed from the information above, that the main anti-crisis expenditure measures undertaken by Armenian government can be classified as current expenditures, while the capital expenditures have not been increased. Moreover, the capital spending in 2020 declined to 3.7% of GDP from initially planned 4.1%. The decrease of public capital expenditures was a matter of implementation issue, rather than planned measure. The significant under execution of capital expenditures can be observed in recent three years, and it still in place in first half of 2021⁴.

The effectiveness of Fiscal Policy Measures in Armenia

Based on the calculations of the Ministry of Finance the total fiscal measures helped to cushion the decline of economic activity by 1.3

² The amendment of CIT prepayment system represents changes in the way the CIT prepayments are calculated. In particular, before the amendment, the prepayments for each quarter were calculated based on the previous year's actual profit. By this reform, the taxpayers, were granted opportunity, to calculate the prepayment for each quarter based on actual turnover of the entity in previous quarter. As the taxpayers' turnover, as well as profit in 2020 is most likely lower than 2019, the reform is aimed at helping them with cashflow issues raised because of the COVID-19 pandemic and economic restrictions.

³ Source: Armenian State Budget Report (nine months of 2021).

⁴ The execution of capital expenditures compared to adjusted budget plan was 78% in 2018, 73.3% in 2019, 84.6% in 2020 and 63.7% in first half of 2021. Source: State Budget report for the respective period.

percentage points, meaning that if there were no any policy actions, the recession would be that much deeper⁵. The calculations were done using a DSGE model that was structured and calibrated based on Armenian economic features, thus the estimation is quite reliable. Anyway, the fiscal impact was quite small, taking into account, that Armenia experienced one the deepest economic decline in 2020 compared to other countries in the region.

Our previous estimations show [1], that the increase of public capital spending in Armenia has higher impact on real GDP, than current expenditures. Moreover, capital spending has more persistent effect as it also increases the potential GDP. Specifically, a one-time shock to capital expenditures with a size of one percent of GDP causes increase of real GDP by 1.2 percent, and the positive effect remains in the long term. Thus, it is worth mentioning, that the allocation of resources on anti-crisis measures, would have greater positive effect, if the share of public capital expenditures among those was higher.

Below, it is shown two charts where we can see the GDP trend in 2021–2026 years based on current and alternative policy measures. The first chart, shows the pre-crisis predictions of the GDP trend versus the current one. Current fiscal policy measures are those, that are reflected in 2022 state budget design as well as in 2022–2024 MTEF program. It can be seen, that under current policy measures, the GDP trend is well below the pre-crisis projections, and the gap between them is even getting bigger, meaning that the long-term potential growth is estimated to slow down.

However, we have tried to rebuild the GDP projection taking into account the assumption, that government spend more on capital expenditures by 2 percentage points each year starting from 2021. In that scenario, taking into account also the long-term effects of capital expenditures, the GDP growth is accelerating, helping to catch up the pre-crisis trend by 2026.

⁵ Source: Armenian State Budget Report (annual 2020).

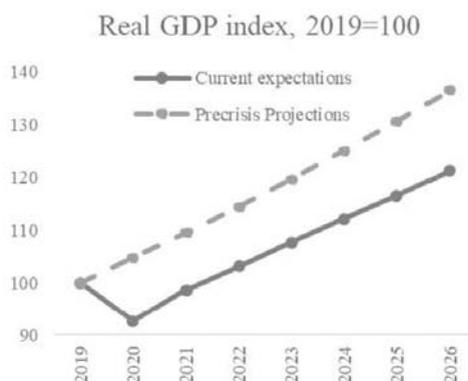

Figure 6. Economic Projections under current policy measures.

Source: Author's Calculations.

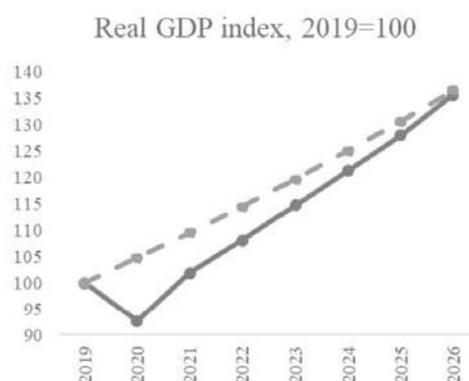

Figure 7. Economic Projections under increased capital expenditures (2% of GDP).

Discussion of the alternative fiscal policy measures

The alternative policy scenario described above, of course, is one of a fiscal policy options, which has its trade-offs. Authorities should choose a decision which considers the importance of the three goals: higher spending requirements, difficulty of raising taxes and debt sustainability. Higher capital expenditures will increase GDP growth, while at the same time increasing debt burden, and taking into account the increased public debt-to-GDP ratio in 2020, this policy measure should be chosen very carefully. At the same time, in post-pandemic conditions, the fiscal policy should not be too tight in order not to impede the economic recovery. Thus, another decision could be the reallocation of government spending from current expenditures to capital expenditures. That can be implemented by ensuring at decreasing share of current expenditures to GDP ratio and at the same time increasing capital expenditures share.

In order to be able to use the opportunities of the fiscal policy (in terms of increase of capital expenditures) the government should increase the

ability to maintain higher debt level. Thus, the main preconditions of the ability to hold higher debt burden should be analyzed.

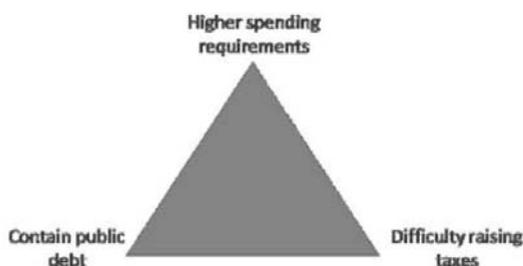

Figure 8. The Fiscal Policy Trilemma [2].

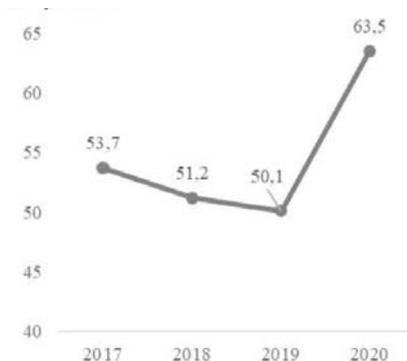

Figure 9. Government Debt in Armenia, % of GDP.

The IMF Fiscal Monitor [3] argues that increase of Government's credibility make it easier and cheaper for countries to finance deficits. According to IMF estimations, when budget plans are credible (as measured by how close professional forecasters' projections are to official announcements), borrowing costs can fall temporarily by as much as 40 basis points. And even for governments that do not borrow from markets, fiscal credibility can attract private investment and foster macroeconomic stability.

Blanchard and Summers [4] note, that while low neutral rates decrease the scope for using monetary policy, they increase the scope for using fiscal policy. Thus, while interest rates are low enough, fiscal policy should use its tools to support economy and increase potential GDP, which in turn will contribute to decrease of debt-to-GDP ratio in the long run. That means, a negative interest rate and GDP growth differential can help to decrease debt burden even without corrections in primary balance.

The experience of advanced economies, that have considerably higher debt levels, suggest that high budget revenues to GDP ratio is very

important, as it increases government's resources that can be allocated to debt service. Another feature of advanced countries' debt is the high share of domestic currency debt, that decreases the foreign exchange rate risks.

Main conclusions

The anti-crisis fiscal measures in Armenia had very small positive effects on the economy helping to mitigate the economic decline only by 1.3 percentage points. Considering the forecasts under current policy measures the real GDP trend corresponding to pre-crisis projections will not be achieved till 2026. Moreover, the gap between pre-crisis and current projections is bigger in the long run, which means that the COVID-19 crisis had "permanent damage" effects causing decrease also of potential GDP growth.

Fiscal Policy can positively affect this trend by increasing capital investment which will boost economic growth and increase potential GDP, helping to catch-up the pre-crisis trend by 2026. However, this policy will have negative effects on fiscal sustainability, making authorities to implement measures that increase government's capabilities to sustainably handle higher debt burden. Those measures can be increasing domestic currency debt share to mitigate exchange rate risk and improving fiscal credibility to be able to refinance debt easier. In addition, important measures toward increasing debt burden includes also the improvement the execution and effectiveness of capital expenditures, to ensure their positive effects on the economic growth.

REFERENCES

1. *G. Petrosyan, K. Grigoryan, K. Vardanyan, G. Avagyan*. "Assessment of the effects of public investment on GDP growth: case of Armenia", *Science of Europe*, Vol 2, September 2021. PP. 46-60.
2. IMF Regional Economic Outlook: Sub-Saharan Africa, One Planet, Two Worlds, Three Stories, October 2021.

3. Strengthening the credibility of public finances, IMF Fiscal Monitor, October, 2021.
4. Olivier J. Blanchard, Lawrence H. Summers “Rethinking Stabilization Policy: Evolution or Revolution?”, NBER Working Paper 24179, December 2017.

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА COVID-19 - ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Г.А. Петросян

АННОТАЦИЯ

Распространение COVID-19 и его негативные экономические последствия в мире и в Армении вызвали повышенную потребность в макроэкономической реакции. Это также было актуально для экономики Армении, где как фискальная, так и денежно-кредитная политика отреагировали для стимулирование совокупного спроса и смягчение негативных последствий кризиса. Однако, способствуя восстановлению экономики, меры налогово-бюджетной политики негативно влияют на фискальную устойчивость, увеличивая государственный долг. Таким образом, цель данной статьи – выявить эффективность фискальных мер, предпринятых правительством Армении с макроэкономической точки зрения, и оценить альтернативные сценарии политики, обсудив возможную эффективность и недостатки различных вариантов политики.

Ключевые слова: фискальная политика, COVID-19, антикризисные меры.

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 336

Поступила: 15.05.2022г.
Сдана на рецензию: 16.05.2022г.
Подписана к печати: 23.06.2022г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ БАНКОВСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Л.А. Мнацаканян, Г.Г. Навоян

Российско-Армянский (Славянский) университет

lida.mnatsakanyan@rau.am, hrunavo@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Вызванные потрясения COVID-19 в макроэкономической среде и в системе здравоохранения не могли не сказаться на финансовой системе Армении. В первую очередь пострадал именно банковский сектор страны, поскольку банковская система имеет более широкий спектр рисков, чем другие финансовые учреждения, кроме того, банки имеют сильную взаимосвязь с деятельностью экономических субъектов. Во многих странах с развивающейся экономикой, банки преимущественно способствуют быстрому экономическому росту, и ущерб процессу мобилизации средств может вызвать в этих странах значительные отрицательные экономические последствия. С учетом всех обстоятельств рассмотрим, какое влияние пандемия оказала на данный сектор и как повлияла на производительность банковской системы, выживанию и росту банков в развивающихся странах, особенно в тех, где банки играют доминирующую роль.

Ключевые слова: банковский сектор, финансовая система, COVID-19, экономический рост.

Пандемия COVID-19 вызвала огромные проблемы во всей глобальной экономической и финансовой сферах, поскольку она стано-

вится серьезным испытанием для финансовых систем со времени глобального финансового кризиса 2008–2009 годов. Азиатский банк развития прогнозирует, что глобальные экономические издержки пандемии, вероятно, составят от 5,8 до 8,8 трлн. долларов (примерно 6,4–9,7% мирового ВВП) [1].

Вызванные потрясения COVID-19 в макроэкономической среде и в системе здравоохранения не могли не сказаться на финансовой системе. Поскольку пандемия привела к замедлению совокупного спроса, производства, торговли и экономической деятельности, а безработицу привела к росту, финансовые учреждения почти во всех странах сталкиваются с растущими рисками и без соответственного государственного вмешательства в виде поддержки не могут обойтись [2].

Поскольку вызванный пандемией ущерб огромен и имеет продолжительный характер, он может привести к тому, что выживание и устойчивость финансовых учреждений, а также их финансовая стабильность и безопасность, будут находиться под угрозой [3].

В первую очередь пострадает именно банковский сектор страны, поскольку банковская система имеет более широкий спектр рисков (таких, как кредитный риск, риск ликвидности, рыночный риск и риск процентной ставки), чем другие финансовые учреждения, кроме того, банки имеют сильную взаимосвязь с деятельностью экономических субъектов (физических лиц, компаний и правительством) [4].

Процесс пандемии COVID-19 может привести к тому что, одновременно могут появиться экономически неблагоприятные процессы; например, массовый дефолт по кредитам, сокращение сбережений, снижение доступности заемных средств и, соответственно, сокращение спроса на инвестиции, высокие процентные ставки по заемным средствам, все это, в конечном итоге, приведет к затруднению возврата и получению средств [5].

Большая часть исследований указывает на то, что воздействие COVID-19 будет заключаться в увеличении неработающих кредитов и снижении качества активов банков [6].

В тех странах, где роль банков достаточно огромна, где финансовая система в основном развита именно за счет банковской системы – возникают проблемы с односторонностью развития финансовой системы, и этому причиной выступают такие факторы, как: отсутствие рынков ценных бумаг, отсутствие эффективной правовой инфраструктуры, отсутствие инновационных и необходимых финансовых инструментов. Данные факторы и говорят о недостаточно развитой финансовой системе [7].

Во многих странах с развивающейся экономикой, банки преимущественно способствуют быстрому экономическому росту, и ущерб процессу мобилизации средств может вызвать в этих странах значительные отрицательные экономические последствия.

С учетом всех обстоятельств пандемия может существенно угрожать производительности, выживанию и росту банков в развивающихся странах, особенно в тех, где банки играют доминирующую роль в экономике [8].

Крупнейшим участником финансового рынка Республики Армения является банковская система, на долю которой приходится 83,5% активов финансовой системы (по состоянию на 31.12.2019г.) [9]. Определив все возможные угрозы, которые может вызвать COVID-19 и важность банковской системы для развития экономики Армении, следует оценить влияние COVID-19 на банковский сектор Армении с помощью количественного и качественного анализа.

Начнем именно с количественного анализа, который будет проводиться на основе банковских показателей путем сопоставления стран-членов ЕАЭС.

Для проведения количественного анализа Армении для начала нам необходимо рассмотреть определенные показатели, связанные с банковской деятельностью, для этого была собрана база данных за период с 2010 по 2020гг., а также для количественной оценки необходимо было выполнить сравнительный анализ среди стран-членов ЕАЭС.

Таким образом, сначала следуют рассмотреть динамику изменения количества банков. Итак, по данным Евразийской экономической комиссии, в 2020г. наблюдается сокращение количества банков в России – на 37 банков меньше (427), в Казахстане – на 1 банк меньше (27), в Кыргызстане – на 2 банка меньше (23), в Армении – 17 и Беларуси – 24 (без изменений) (Рис. 1).

Значимым фактором сокращения количества банков в России является политика ЦБ, которая нацелена на то, чтобы расчистить банковский сектор от недобросовестных участников, т.е. лишение лицензий на осуществление банковской деятельности. Также к числу причин можно отнести банкротство, дефолт, добровольная сдача лицензии, слияние и поглощение банков [10]. Понятно, что пандемия COVID-19 ускорила вышеуказанные процессы.

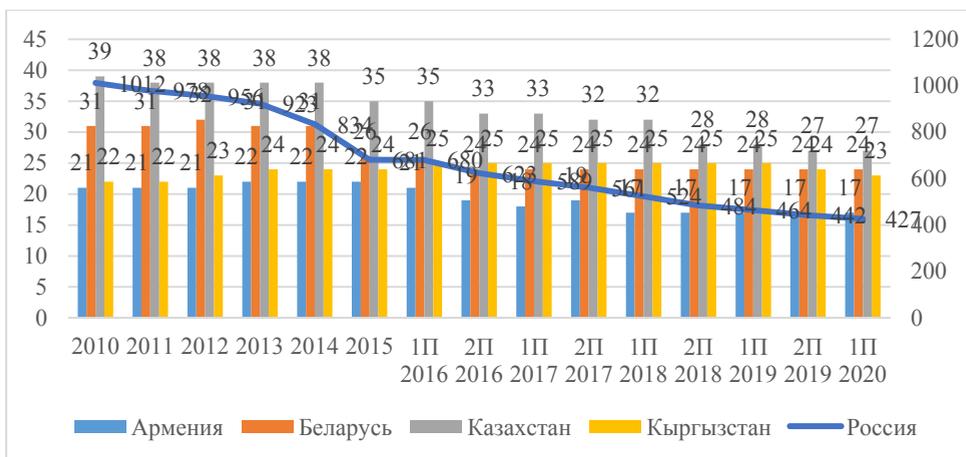

Рисунок 1. Количество банков (единиц).

Источник: составлено автором на основе данных

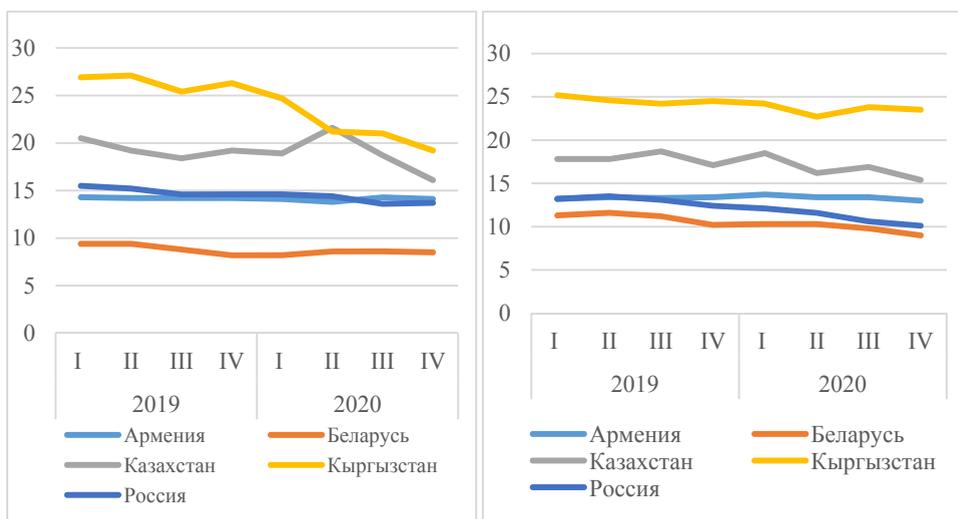
Евразийской экономической комиссии: www.eurasiancommission.org

Далее рассмотрим размер процентной ставки рефинансирования по состоянию на 2019г., где видно, что ставки рефинансирования сни-

зились во всех странах, кроме Казахстана, причиной этому стали высокие инфляционные риски со стороны внутреннего спроса. Снижение ставок рефинансирования привело к тому, что по передаточному механизму сократились ставки денежного рынка. В течение I квартала 2020г. в Армении, Беларуси и России ставки рефинансирования сократились на 25 базисных пунктов; данное решение было принято для того чтобы поддержать реальные и финансовые рынки с связи чрезмерным распространением COVID-19. В Казахстане и Кыргызстане этого сделать не удалось, наоборот, было принято решение повысить ставки рефинансирования, поскольку существовали высокие риски со стороны внешнего сектора и ситуации в мировой экономике; еще одной причиной выступает обесценение национальных валют [11]. В большинстве стран проводилась мягкая денежно-кредитная политика, в течение III квартала 2020г. ставки рефинансирования вновь сократились: для поддержания экономической активности на этот раз снизились на 25 базисных пунктов в Армении, Беларуси и России, на 50 базисных пунктов – в Казахстане, что касается Кыргызстана ставка рефинансирования осталась на том же уровне.

Средневзвешенные процентные ставки по краткосрочным кредитам, предоставленным физическим лицам в национальной валюте, в II квартале 2020 года по сравнению с тем же периодом прошлого года уменьшились в Кыргызстане и Казахстане. В России, Армении и Беларуси наблюдается незначительное уменьшение средневзвешенной процентной ставки. По долгосрочным кредитам в национальной валюте средневзвешенные процентные ставки уменьшились во всех странах на 2–3% (Рис. 2).

По краткосрочным кредитам, предоставленным физическим лицам в иностранной валюте, наблюдалось уменьшение средневзвешенной процентной ставки в России, Кыргызстане и Армении, а в Казахстане – обратная картина, причем здесь налицо серьезное увеличение средневзвешенной процентной ставки.

а) краткосрочные кредиты

б) долгосрочные кредиты

Рисунок 2. Средневзвешенные процентные ставки по кредитам, предоставленным физическим лицам в национальной валюте (%).

Источник: составлено автором на основе данных

Евразийской экономической комиссии: www.eurasiancommission.org

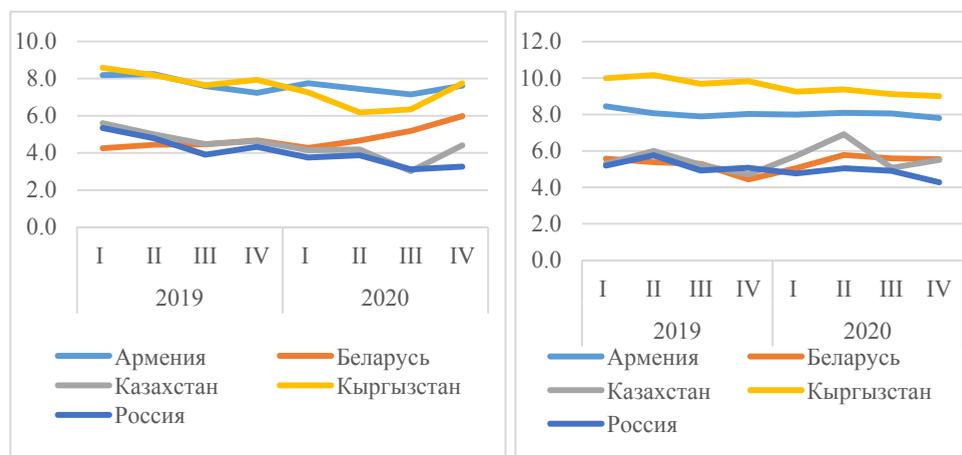
По долгосрочным кредитам в иностранной валюте наблюдалось уменьшение средневзвешенной процентной ставки в Армении и Кыргызстане более умеренными темпами, чем в России и Казахстане.

В Беларуси из-за низкого уровня финансовой грамотности населения было принято решение временно не предоставлять физическим лицам кредиты в иностранной валюте, однако характер данного решения перешел на постоянный. Таким образом, с октября 2009 года кредиты в иностранной валюте физическим лицам не предоставляются.

Средневзвешенная процентная ставка по краткосрочным кредитам, предоставленным юридическим лицам в национальной валюте, в странах Казахстан, Беларусь и Армения за рассматриваемый нами период практически находится на одном уровне, а в Кыргызстане и России наблюдается снижение, однако в России произошло существенное

сокращение процентной ставки. По долгосрочным кредитам в национальной валюте средневзвешенные процентные ставки имеют тот же тренд, что и по краткосрочным кредитам.

Как показано на Рис. 3, по краткосрочным и долгосрочным кредитам в иностранной валюте наблюдалось снижение средневзвешенных процентных ставок во всех странах.

а) краткосрочные кредиты

б) долгосрочные кредиты

Рисунок 3. Средневзвешенные процентные ставки по кредитам, предоставленным юридическим лицам в иностранной валюте (%).

Источник: составлено автором на основе данных

Евразийской экономической комиссии: www.eurasiancommission.org

Следующим показателем является просроченный кредит, если рассмотреть Рис. 4, то, по данным Всемирного банка по состоянию на 2019г., можно заметить увеличение NPL в Армении – 5,51%, Казахстане – 8,14%, Кыргызстане – 7,73%, а в России – 9,29% и Беларуси – 4,63% имеется незначительное уменьшение. Однако необходимо отметить, что влияние COVID-19 имеет продолжительный характер, понятно, что в долгосрочной перспективе данный показатель увеличится во всех странах.

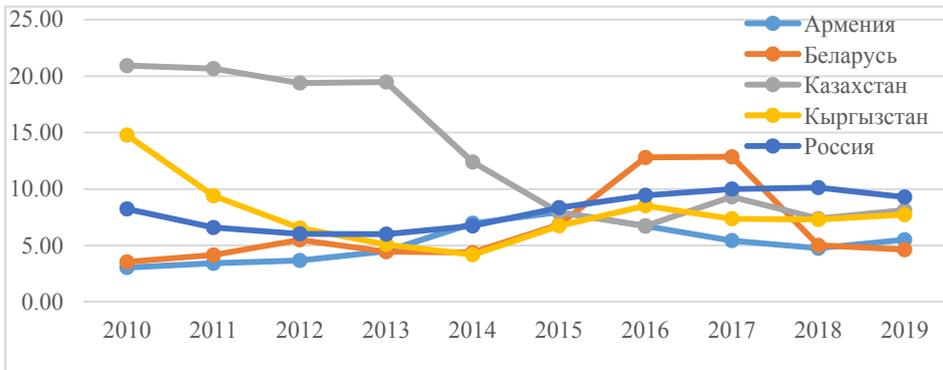

Рисунок 4. Неработающие кредиты в процентах от всех банковских кредитов (%) (NPL).

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка:
<https://www.worldbank.org/>

Рассмотрев общие показатели, влияющие на банковскую систему, следующим этапом в исследовательской работе необходимо будет провести *анализ состояния деятельности банков Армении*. Поскольку было отмечено что банки имеют крепкую взаимосвязь с физическими и юридическими лицами (компаниями), важно проанализировать состояние кредитов и депозитов физических и юридических лиц, а также рассмотреть основные показатели банковского сектора.

Таким образом, в 2020 году увеличился объем депозитов физических лиц по сравнению с прошлого года, наблюдается сокращение объемов выдаваемых кредитов, а общая задолженность по кредитам, соответственно, увеличилась. Объем жилищных кредитов имеет положительный рост, а задолженность по ним уменьшилась. Имеется просроченная задолженность по жилищным кредитам – тренд положительный (Рис. 5).

Массового оттока средств из банковской системы не наблюдается. На данном периоде сложно оценить влияние COVID-19, однако видно сокращение объемов выдаваемых кредитов: возможно, это и есть первоначальные сигналы.

Рисунок 5. Кредиты и депозиты физических лиц (млрд. драм) и просроченная задолженность по жилищным кредитам (правая ось – млрд. драм).

Источник: составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии: www.eurasiancommission.org

Согласно данным Евразийской экономической комиссии, по итогам первого полугодия 2020г., наблюдается явное снижение коэффициента рентабельности собственного капитала банков ROE – 4,87% и коэффициента рентабельности активов банков ROA – 0,71%, по сравнению с 2019г. показатели были на уровне ROE – 9,57%, а ROA – 1,43%.

Рентабельность активов учитывает эффективность использования активов и пассивов банка. Между ROE и ROA существует определенная зависимость, если банки увеличивают собственный капитал, то показатель ROE будет уменьшаться.

Если будет увеличение заемных средств, то показатель ROE будет расти, а ROA будет сокращаться. Активы и обязательства банков

увеличились, что касается капитала, то банки увеличивают собственный капитал (Рис. 6) [12].

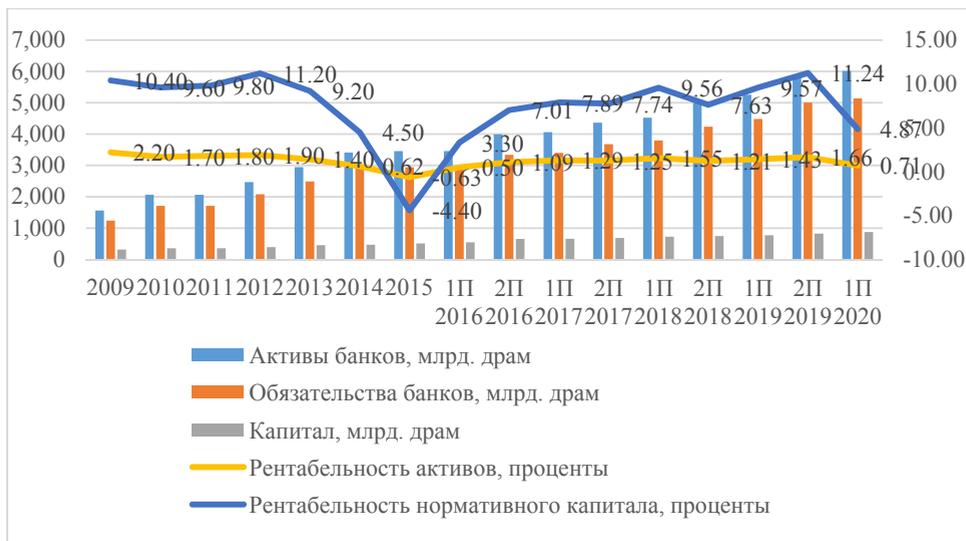

Рисунок 6. Основные показатели банковского сектора (млрд. драм) и ROE, ROA (правая ось – %).

Источник: составлено автором на основе данных

Евразийской экономической комиссии: www.eurasiancommission.org

Далее рассмотрим долю кредитов и активов банковского сектора в % от ВВП, по данным ЦБ РА, по состоянию на 2020г., наблюдается резкий рост активов, показатель составляет 108,2% (на 19,2% больше по сравнению с 2018г.), что касается кредитов то доля составляет 63,2% (на 11,1% больше). Необходимо отметить, что уже несколько лет как таких резких скачков не наблюдалось. Рост данных показателей позволяет утверждать, о развитии банковского сектора (Рис. 7).

Показатели достаточности и ликвидности капитала, которые характеризуют стабильность банковской системы, остались выше требуемого минимального уровня, Н1(2) – достаточность общего капитала составила 16,9% на конец 2020г. (минимальная величина – 12,0%).

Ликвидность банковской системы продолжила оставаться на уровне, почти вдвое превышающем требуемый минимальный уровень, что говорит о наличии достаточной ликвидности в банковской системе. На конец 2020 года нормативные показатели общей Н2(1) и текущей ликвидности Н2(2) коммерческих банков составили, соответственно, 25,6% и 108,8% (требуемые минимальные величины – 15,0% и 60,0%).

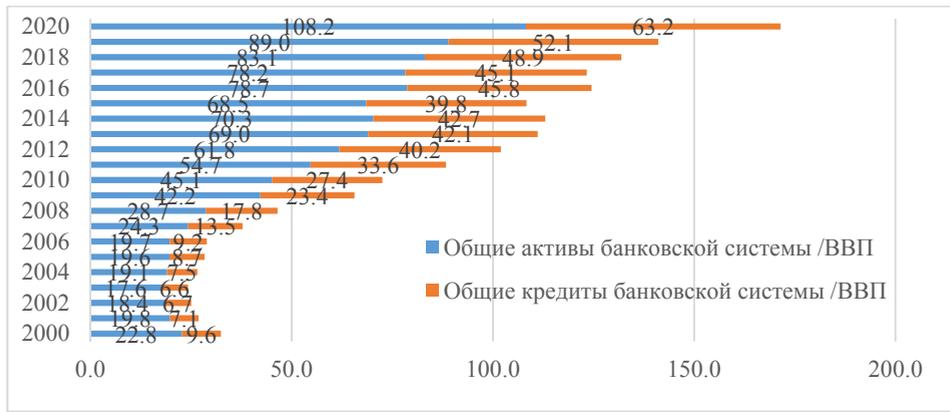

Рисунок 7. Доля кредитов и активов банковского сектора в ВВП (%).

Источник: составлено автором на основе данных Национального банка РА:

<http://www.cba.am/>

По состоянию на 2019г., прибыль коммерческих банков имела рост на 25,4%, по сравнению с 2018г., согласно расчетам Союза банков Армении. Однако из-за роста объема необслуживаемых кредитов и займов по отношению к совокупным кредитам и займам (NPL), по итогам 2020 года, совокупная чистая прибыль коммерческих банков сократилась примерно на 20%. Показатель NPL, по итогам 2020 года, составлял 6,6%. Увеличение доли неработающих кредитов обусловлено воздействием COVID-19.

Далее проведем качественную оценку и для этой цели воспользуемся методологией оценки страновых рисков банковской отрасли (BICRA).

Анализ BICRA разработан для оценки и сравнения глобальных банковских систем. BICRA сгруппирован по шкале от «1» до «10», то есть банковские системы с наименьшим риском (группа «1») до самого высокого риска (группа «10»). Методология BICRA состоит из двух основных аналитических компонентов: «экономический риск» и «отраслевой риск».

Анализ BICRA для страны охватывает все ее финансовые учреждения, которые принимают депозиты, предоставляют кредиты или участвуют в обоих видах деятельности. Кроме того, в анализе рассматривается отношение банковского сектора к финансовой системе и, более того, к ее суверенному государству.

Анализ «экономического риска» банковского сектора принимает во внимание структуру и стабильность экономики страны, включая гибкость макроэкономической политики центрального правительства; фактические или потенциальные экономические дисбалансы; и кредитный риск участников экономической деятельности касается в основном домашних хозяйств и предприятий.

Если говорить об «отраслевых факторах риска» в качестве и эффективности банковского регулирования, и о репутации властей в снижении уязвимости перед финансовыми кризисами, а также о конкурентной среде банковского сектора страны, включая риск-аппетит, структуру и эффективность отрасли, то возможны перекосы на рынке. Отраслевой риск также касается диапазона и стабильности доступных для банков вариантов финансирования, включая роль Центрального банка и правительства.

Часть анализа включает оценку тенденции правительств поддерживать частные банки в странах [13]. Рассмотрим экономические и отраслевые факторы риска и их дескрипторы для таких стран, как Армения, Беларусь, Казахстан и Россия. Как уже было отмечено, страны, которые находятся в 1 группе, имеют банковские системы с наименьшим риском, а страны, находящиеся в группе 10, соответственно, имеют банковские системы с самыми высокими рисками. При изучении

Табл. 1 видно, что банковский сектор Армении имеет довольно высокие риски, а именно: экономическая устойчивость – очень высокий уровень риска, кредитный риск – чрезвычайно высокий уровень риска. Из отраслевых факторов риска можно выделить институциональную основу и общесистемное финансирование, которые находятся на очень высоком уровне риска. Гос. поддержка здесь находится на неопределенном уровне.

Таким образом, Армения и Россия находятся в 8 BICRA группе, Казахстан – в 9 BICRA группе, а Беларусь – в 10 BICRA группе.

Таблица 1.

**Оценка страновых рисков в банковском секторе (BICRAs)
по состоянию на 25.02.2021г.**

Страна	Армения	Беларусь	Казахстан	Россия
Экономические факторы риска и дескрипторы				
BICRA группа	8	10	9	8
Экономическая устойчивость	очень высокий	очень высокий	высокий	очень высокий
Экономический дисбаланс	средний	очень высокий	очень высокий	высокий
Кредитный риск в экономике	чрезвычайно высокий	очень высокий	чрезвычайно высокий	очень высокий
Экономический риск / Тренд	8/ стабильный	9/ стабильный	9/ стабильный	8/ стабильный
Отраслевые факторы риска и дескрипторы				
Институциональная основа	очень высокий	чрезвычайно высокий	чрезвычайно высокий	очень высокий
Конкурентная динамика	высокий	очень высокий	очень высокий	высокий
Общесистемное финансирование	очень высокий	чрезвычайно высокий	высокий	высокий
Отраслевой риск / Тренд	8/ стабильный	10/ стабильный	9/ стабильный	7/ стабильный
Оценка гос. поддержки	неопределенный	неопределенный	поддерживающий	поддерживающий

Source: S&P Global Ratings. BICRAs - Banking Industry Country Risk Assessments.
Data as of Feb. 25, 2021.

Таким образом, в заключение можно сказать, что банковский сектор Армении остается стабильным, несмотря на трудности, которые вызвала пандемия COVID-19. Оценка влияния COVID-19 на банковский сектор Армении была реализована с помощью количественного и качественного анализа путем сопоставления стран-членов ЕАЭС. В качестве показателей количественного анализа были использованы основные показатели банковской системы, которые характеризуют ее стабильность и устойчивость. В качестве показателей качественного анализа был использован международный рейтинг, который с помощью методологии BICRA оценил страновые риски в банковской системе, используя экономические и отраслевые факторы риска.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Park C., Villafuerte J., Abiad A., Narayanan B., Banzon E., Samson J. et al.* An updated assessment of the economic impact of COVID-19. Asian Development Bank, 2020 [режим доступа: <https://doi.org/10.22617/BRF200144-2>].
2. IMF Global Financial Stability Report: Markets in the time of Covid-19. Washington DC: International Monetary Fund, 2020 [режим доступа: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/GFSR/2020/April/English/ext.ashx?la=en>]
3. *Beck T.* Finance in the times of coronavirus. In: Baldwin and di Mauro (eds) Economics in the time of COVID-19. CEPR Press, 2020. PP. 73–76.
4. *Stulz R.M., Carey M. (eds).* The Risks of Financial Institutions. University of Chicago Press, Chicago, 2006.
5. *Lagoarde-Segot T., Leoni P.* Pandemics of the poor and banking stability. J Bank Finance 37(11):4574–4583, 2013. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2013.04.004>
6. *Barua, B., Barua, S.* COVID-19 implications for banks: evidence from an emerging economy. SN Bus Econ 1, 19 (2021). <https://doi.org/10.1007/s43546-020-00013-w>
7. *Allen F., Carletti E., Gu X.* The roles of banks in financial systems. Oxford Handbooks Online, 2014.[режим доступа: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199688500.013.0002>].
8. *Damak M., Freue C., Chugh G., Yalovskaya N., Tan M., Tan I. et al.* (2020). Banks In Emerging Markets 15 Countries, Three COVID-19 Shocks. S&P Global [режим доступа:

- https://www.spglobal.com/_assets/documents/ratings/research/2020-05-26-banks-in-emerging-markets-15-countries-three-covid-19-shocks.pdf].
9. Данные Центрального банка РА [режим доступа: www.cba.am].
 10. Эксперты спрогнозировали сокращение числа банков в России на 5–8% в год [режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/15/01/2019/5c3e24199a79473139f8321b>, дата обращения: 17.04.2022].
 11. Мониторинг экономических показателей государств-членов ЕАЭС по состоянию на 2020г. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [режим доступа: www.eurasiancommission.org].
 12. Мнацакян Л.А., Каримян Д.В. Тенденции развития банковской системы // «Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета (серия: общественные и гуманитарные науки)», №1 (31), Изд-во РАУ, 2019. СС. 33–39.
 13. S&P Global Ratings / Отчет об оценке страновых рисков в банковской сфере: февраль 2021г [режим доступа: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/210225-banking-industry-country-risk-assessment-update-february-2021-11849707#ID9165>, дата обращения: 11.04.2022].

THE MAIN TRENDS IN BANKING REGULATION DURING THE PANDEMIC

L. Mnatsakanyan, H. Navoyan

ABSTRACT

The shocks caused by COVID-19 in the macroeconomic environment and in the healthcare system could not but affect the financial system of Armenia. First of all, it was the banking sector of the country that suffered, since the banking system has a wider range of risks than other financial institutions, in addition, banks have a strong relationship with the activities of economic entities. In many emerging economies, banks mainly contribute to rapid economic growth, and damage to the fund-raising process can cause significant negative economic consequences in these countries. Taking into account all the circumstances, let's consider what impact the pandemic had on this sector and how it affected the productivity of the banking system, the survival and growth of banks in developing countries, especially in those where banks play a dominant role.

Keywords: banking sector, financial system, COVID-19, economic growth.

ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 159.9.075

Поступила: 11.07.2022г.
Сдана на рецензию: 12.07.2022г.
Подписана к печати: 25.07.2022г.

ДИНАМИКА РАЗЛИЧНЫХ МОДАЛЬНОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРУЮЩЕГО ЭКСПЕРИМЕНТА

А.С. Берберян, Л. Г. Погосян

Российско-Армянский университет

aspsy@inbox.ru, poghosyan_lusin@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты психологического эксперимента с младшими школьниками. В исследовании показана взаимосвязь подвижных игр и репрезентативной системы, что доказывает единство сенсорно-перцептивной организации. Перцептивные процессы находятся в стадии активного развития на протяжении всего обучения в младшей школе. Поэтому мы считаем целесообразным формирование модальностей восприятия именно в этом возрасте.

Для развития восприятия мы выбрали подвижные и дидактические игры. Практическая ценность исследования заключается в том, что, благодаря сочетанию подвижных и дидактических игр, мы способствовали совершенствованию аудиального, визуального и общего восприятия, тем самым повышая эффективность учебной деятельности младших школьников.

Ключевые слова: младший школьник, сенсорно-перцептивная организация, модальности восприятия, подвижные и дидактические игры.

Введение

Начало школьного обучения кардинальным образом меняет жизнь ребенка. Он вовлекается в активный процесс приобретения знаний, навыков и умений, которые будет совершенствовать в течение всей жизни. Учебная деятельность меняет личность учащегося в интеллектуальном и психологическом плане. Она способствует развитию высших психических функций – качественных новообразований, которые формируются в процессе онтогенетического развития. Каждая из психических функций тесно связана с остальными, однако эта связь не остаётся неизменной: в определённом возрасте один из этих процессов становится ведущим.

Благодаря учебной деятельности в начальных классах развиваются психологические процессы непосредственного познания окружающего мира – ощущение и восприятие. Восприятие продолжает развиваться до старшего школьного возраста. Оно составляет основной компонент деятельности младших школьников и является регулятором коммуникативных, гностических, игровых и учебных действий.

Знание начинается с чувственного восприятия, а затем с помощью воображения переходит в память [1]. Я.А. Коменский писал, что при обучении, если возможно, объект надо предоставлять для восприятия чувствами: зрением, слухом и т.п. В восприятии принимают участие все познавательные психические процессы, но именно восприятие создаёт фундамент для их развития.

Теоретико-методологическая база исследования

Дети поступают в школу с достаточно развитыми перцептивными процессами. У шестилетних детей сильно развиты зрение и слух,

они хорошо определяют формы и цвета. Однако общее восприятие характеризуется как произвольное и дифференциальное. Процесс восприятия становится целенаправленным, управляемым и произвольным лишь на третьем году обучения [2].

Согласно Б.Г. Ананьеву, сенсорно-перцептивная организация выступает как единая система анализаторов всех без исключения модальностей [3]. Сенсорная организация является одним из факторов жизнеспособности и жизнестойкости, а восприятие выступает неотъемлемым компонентом всех видов деятельности человека.

Мы полагаем, что наиболее полное представление о восприятии описано в теории активного восприятия Ж. Пиаже. Восприятие развивается в течение всего детского возраста, постепенно обогащаясь опытом перцептивной деятельности преодолевая эффекты пространственного поля [4]. Пространственное поле формируется в связи с координацией движений ребенка в пространстве [5]. При этом развитие восприятия сохраняет ситуативность.

Восприятие классифицируют по форме существования материи (восприятие пространства, времени и движения) и принадлежности к определенной сенсорной системе (модальности восприятия). В зависимости от того, какой анализатор участвует в восприятии, выделяют следующие модальности восприятия: визуальная (зрительная), аудиальная (слуховая), кинестетическая (телесная) и дигитальная (логическая) [6]. Одна из перечисленных модальностей всегда бывает более развита, чем остальные. Доминирующая модальность называется ведущей и обусловлена индивидуальными особенностями: уровнем знаний, кругом интересов, эмоциональным состоянием и т. д. [7].

При обучении необходимо, опираясь на ведущую, развивать ресурсные модальности. Младшие школьники развиваются в игровой деятельности. У них сохраняется потребность в игре и движении, поэтому для пробуждения интереса к учебе, необходимо вводить игровые ситуации [8]. Развитие познавательных операций требуемых для реализации учебной деятельности обеспечивают дидактические игры [9].

А естественной формой физических упражнений как с физиологической, так и с психологической точки зрения являются подвижные игры. Следовательно, во время игры ребенок приобретает необходимые для учебной деятельности умения и навыки [10].

В результате анализа научной литературы, мы выдвинули **гипотезу** о том, что применение подвижных и дидактических игр в процессе занятий по физической культуре, способствует формированию перцептивных процессов у младших школьников.

Цель исследования: выявить динамику различных модальностей восприятия младших школьников в процессе формирующего эксперимента.

Методологическую базу нашего исследования составили следующие теоретические положения: концепция сенсорного развития Б.Г. Ананьева, гипотеза о ведущем типе деятельности А.Н. Леонтьева, теория активного восприятия Ж. Пиаже и классификация подвижных игр В.Г. Яковлева.

Методы исследования. В исследовании применялись методы анализа научной литературы, тестирование, формирующий эксперимент, количественный и качественный анализ данных.

Исследование проводилось в несколько этапов:

I этап – пилотажный эксперимент (осень 2015г.);

II этап – психодиагностика (осень 2016г.);

III этап – формирующий эксперимент (с декабря 2015 г. по апрель 2016г.);

IV этап – подтверждающий эксперимент (май 2016г.).

Были сформированы 2 экспериментальные и 2 контрольные группы с общим количеством участников 106 учеников: экспериментальные группы – 1–Э класс (29 учеников), 2–Э класс (26 учеников); и контрольные группы – 3–К класс (25 учеников), 4–К класс (26 учеников).

Контрольные группы в формирующем эксперименте не принимали участие.

Пилотажный эксперимент

Для того чтобы устранить грубые ошибки в формулировке гипотезы и убедиться в целесообразности методик мы провели пилотажный эксперимент, в котором приняли участие все учащиеся на тот момент. Таким образом, в пилотажном эксперименте участвовали ученики 1-го, 2-го и 3-го классов, которые позже были переименованы следующим образом:

- ✓ 1 класс – 2-ой экспериментальный (2–Э класс),
- ✓ 2 класс – 3-й контрольный (3–К класс),
- ✓ 3 класс – 4-й контрольный (4–К класс).

Участники 1–Э класса присоединились к исследованию на этапе психодиагностики.

Формирующий эксперимент (ФЭ) проводился на уроках физкультуры в течение 5-и месяцев в экспериментальных классах. Программа формирующего эксперимента направлена на развитие визуальной и аудиальной модальностей восприятия младших школьников, посредством сочетания подвижных и развивающих (дидактических) игр. В каждом классе было проведено 30 уроков по 40 минут. Основным методом организации эксперимента – игровой. Для каждого урока был составлен план, в соответствии с общими требованиями к уроку физкультуры в начальных классах, и в соответствии с целями нашего исследования, которые, естественно, не противоречат друг другу.

Для проведения ФЭ мы использовали:

1. подвижные игры с ориентировкой на визуальные и аудиальные сигналы («К своим флажкам», «Третий лишний», «День и ночь», «Вызов номеров», «Ориентировка по слуху и т.д.);
2. гимнастические упражнения в соответствии с учебным планом (кувырок вперёд, «Свечка», ходьба и лазание по гимнастической скамейке и т.п.);

3. дидактические игры для развития общего восприятия («Подбери кубики по цвету», «Подбери картинки», «Какого цвета», «Назови фигуры» и т.д.);

4. мелодии для формирования аудиального канала восприятия (Шаинский В. «Чунга-чанга», И. Дунаевский «Песня о весёлом ветре» и т.п.).

Пилотажный, диагностический и подтверждающий этапы исследования мы провели в одинаковом формате, с применением следующих методик: «Рисование по точкам» (А.А. Венгер), «Узор» (Л.И. Цеханская) и «Эталоны» (О.М. Дьяченко).

Методика для изучения визуального восприятия.

Для определения уровня развития визуального канала восприятия (ВК) мы выбрали проективную методику «Рисование по точкам» [11], [12]. Методика была создана А.А. Венгером в 1981г.; исследует уровень ориентировки на заданную систему требований и является комплексным диагностированием. Детям предлагается решить 6 задач, ориентируясь на зрительно воспринимаемый образец. На листке слева изображены геометрические фигуры, рядом с каждой нанесены своеобразные «точки», соединив которые необходимо получить изображенные слева фигуры. При этом существует множество фигур, которые можно получить, но правильно решить задачу можно только одним способом. Основным показателем выполненного задания является точность воспроизведения образца. Уровень развития ВК восприятия считается высоким, если ребёнок набрал 33–40 баллов, недостаточно высоким, если у него 19–32 балла, и низкий уровень – до 19 баллов.

Методика для изучения аудиального восприятия.

Для определения уровня аудиального канала восприятия (АК) мы выбрали стандартизированную диагностическую методику «Узор»

[13]. Методика была разработана Л.И. Цеханской под руководством А.Л. Венгера в 1978 году. Методика изучает умение ребенка слушать и выполнять указания взрослого. Задание выполняется под диктовку, а результат диктанта зависит от самоконтроля. Уровень развития АК восприятия играет первостепенную роль в решении этой задачи. Методика состоит из 4-х подходов, первый из которых является обучающим. Детям предлагается рисунок из геометрических фигур, расположенных в 3 ряда (верхний ряд – треугольники, средний ряд – кружочки, нижний ряд – квадраты). Задание состоит из четырёх серий, 1-я из которых является обучающей, и не входит в интерпретацию результатов. Суть задания состоит в том, чтобы под диктовку соединить треугольники с квадратами, сохраняя определенные правила. За каждое правильное соединение начисляется по 2 балла, за ошибки (лишние соединения и разрывы) вычитают по одному баллу. Уровень развития АКВ считается высоким, если стандартный балл составляет 10–13 баллов, средним – 6–9, низким – 2–5 баллов.

Методика для изучения общего восприятия.

Для диагностики общего восприятия, была выбрана методика «Эталоны» [14]. Разработанная О.М. Дьяченко под руководством А.Л. Венгера методика была стандартизирована в 1995г. Она нацелена на диагностику развития восприятия детей и содержит задачи, требующие соотнесения формы предметов с заданными образцами [15]. Детям предлагается набор картинок на 4-х страницах, изображающих 16 различных предметов (гриб, чаша, стул, пирамидка, лампа и т.п.). На каждой странице изображен эталон, который они должны использовать для сравнения с изображенными картинками. Набор картинок на всех страницах одинаковый, меняются только фигуры-эталоны. Дети должны внимательно рассмотреть картинки и отметить те, которые больше похожи на фигуру, изображенную отдельно, проделав это на

всех страницах. На правильный выбор картинок влияет общее восприятие и интеллект. Уровень развития восприятия считается высоким, если ребенок набрал от 27 до 32 баллов, средним – от 20 до 26 баллов и низким – до 19 баллов.

Результаты пилотажного эксперимента

На диаграмме 1 представлены результаты предварительного – пилотажного эксперимента. Мы видим, что визуальный канал восприятия в 1-ом классе слабо развит (18,8 баллов), затем во 2-ом и 3-ем классах показатель постепенно повышается до среднего уровня (соответственно, 25,1 и 32,5 баллов). Аудиальный канал восприятия также постепенно повышается, однако в 1-ом и 2-ом классах показатель – на среднем уровне развития (6 и 9,9 баллов), а в 3-ем классе – высокий (10,5 баллов). Несмотря на рост среднего показателя общего восприятия, во всех классах результат остается на среднем уровне: 1 класс – 20,9; 2 класс – 22,4; 3 класс – 22,9 баллов.

Согласно данным, все представленные модальности восприятия постепенно развиваются по мере взросления респондентов. Следовательно, в младшем школьном возрасте восприятие развивается в среднем темпе, без заметных скачков, в основном оставаясь на среднем уровне развития.

Основные результаты

Рассмотрим результаты количественного анализа полученных данных.

На диаграммах показаны результаты психодиагностики (II этап) и подтверждающего эксперимента (IV этап). Соответственно, это этапы исследований до формирующего эксперимента (до ФЭ) и после формирующего эксперимента (после ФЭ).

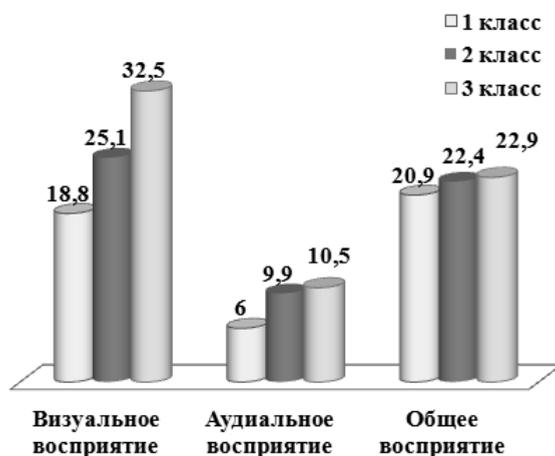

Диаграмма 1. Средние показатели пилотажного эксперимента.

На диаграмме 2 показаны средние показатели ВК восприятия младших школьников. До ФЭ визуальное восприятие постепенно развивается. Мы видим низкий уровень ВК в 1-Э классе, который составляет 16,4 балла, и средние показатели в остальных классах: 2-Э класс – 25,6; 3-К класс – 29,9; 4-К класс – 30,1. После ФЭ показатели во всех классах высокие: 1-Э класс – 35,7; 2-Э класс – 37,9; 3-К класс – 32,8; 4-К класс – 34,5 баллов. Почти во всех классах уровень визуального восприятия высокий. Несмотря на то, что визуальное восприятие в начале эксперимента недостаточно развито, после ФЭ присутствует положительная динамика. В экспериментальных классах (1-Э, 2-Э) после ФЭ уровень превышает показатели контрольных групп (3-К, 4-К). Как мы и предполагали, ФЭ способствовал развитию визуального канала восприятия младших школьников.

На диаграмме 3 представлены средние показатели АК восприятия. До ФЭ в 1-Э классе показатель средний – 8,2 балла, в остальных классах – высокий: 2-Э класс – 9,2 (близкий к среднему); 3-К класс – 11,8; 4-К класс – 11,5 баллов. После ФЭ, так же как и в диаграмме 1,

мы видим повышение уровня восприятия в экспериментальных классах: 1-Э класс – 12,2; 2-Э класс – 12,3 балла. В контрольных классах данные колеблются, но остаются на высоком уровне: в 3-К классе показатель снизился до 11,3 баллов, а в 4-К классе составил 11,8 баллов. При этом видна значительная динамика показателя в экспериментальных классах. Следовательно, ФЭ способствовал повышению уровня аудиального канала восприятия младших школьников.

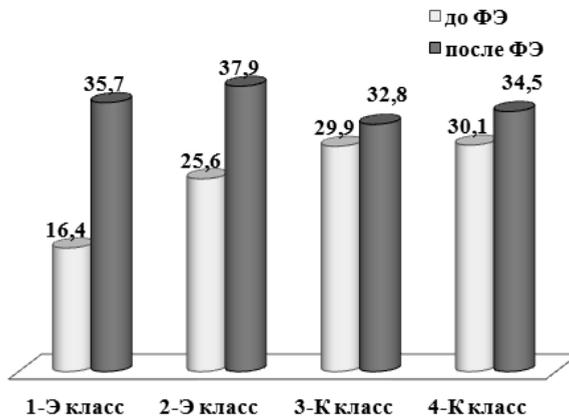

Диаграмма 2. Средние показатели визуального восприятия.

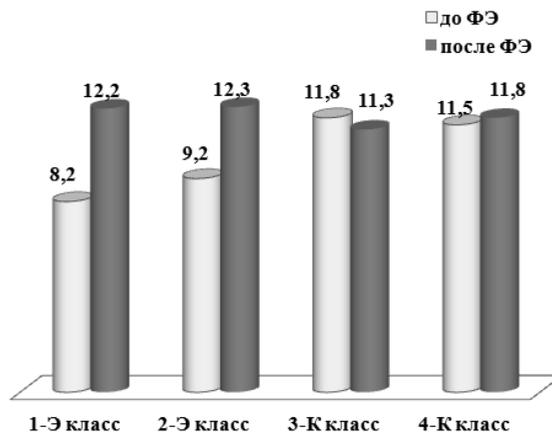

Диаграмма 3. Средние показатели аудиального восприятия.

Результаты диагностики общего восприятия показаны на диаграмме 4. Средние показатели восприятия в контрольных классах до и после ФЭ составляет средний балл. В 3–К классе, соответственно, 24,2 и 23,2 балла, в 4–К классе – 24,1 и 23,5 баллов. Как видим, к концу учебного года в контрольных группах восприятие школьников ухудшается.

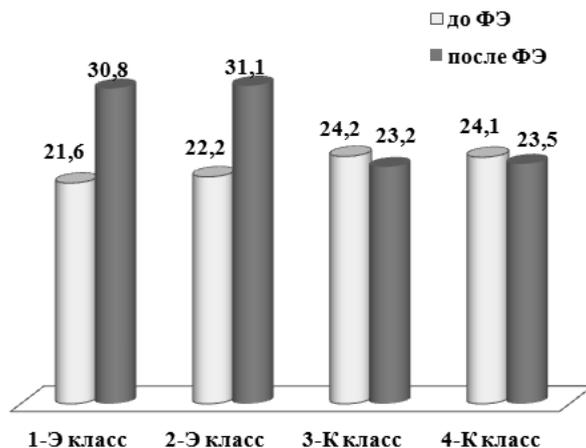

Диаграмма 4. Средние показатели восприятия.

В экспериментальных классах до ФЭ показатели средние: 1–Э класс – 21,6 баллов, 2–Э класс – 22,2 баллов. Однако после ФЭ показатели повышаются почти до максимального уровня, соответственно 30,8 и 31,1 балл. Здесь также присутствует значительная динамика, следовательно, ФЭ способствовал развитию общего восприятия младших школьников.

Обсуждение результатов

Согласно результатам исследования, в конце учебного года в контрольных группах уровень ВК восприятия повышается, уровень АК восприятия в 3-ем классе повышается, в 4-ом снижается, общее

восприятие также ухудшается. Данные указывают на отсутствии стабильного развития модальностей восприятия в 8–9 лет. Однако это противоречит общепринятым утверждениям, что восприятие совершенствуется в процессе всего младшего школьного возраста.

В экспериментальных классах до ФЭ показатели АК и ВК – низкие, а общего восприятия – средние. После ФЭ мы видим не только улучшение показателей, но и значительный скачок. Очевидно, что в возрасте 6–7 лет восприятие является ведущим психическим процессом. Поэтому необходимо развивать перцептивные процессы в начале обучения в младшей школе, т.е. в 1–2 классах.

Выводы

На основе теоретического анализа научной литературы, мы изучили особенности перцептивной организации и пришли к выводу о целесообразности развития различных модальностей восприятия на начальном этапе обучения в школе. Для этого мы организовали формирующий эксперимент, который провели на уроках физкультуры с младшими школьниками.

На основе экспериментального исследования, мы выявили динамику аудиального, визуального и общего восприятия младших школьников в результате формирующего эксперимента. Следовательно, наша гипотеза о том, что применение подвижных и дидактических игр в процессе занятий по физической культуре, способствует формированию перцептивных процессов у младших школьников, получила полное подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коменский Я.А.* Великая дидактика. Государственное Учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 321с. С. 168.
2. *Сапогова Е.Е.* Психология развития человека. Учебное пособие. Изд-во: Аспект Пресс, 2005, 460с.

3. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания (Сер.: «Мастера психологии»). СПб.: Питер, 2001. 272с.
4. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. Перевод А.М. Пятигорский. СПб., 2003. 192 с.
5. *Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р.* Психология восприятия. Издательство Московского университета, 1973. 180с., илл.
6. *Холодкова А.Е., Кузовенкова Е.В.* Учет модальности восприятия при обучении и подготовке к итоговой аттестации школьников // «Юный ученый». 2016. № 3. СС. 197–199.
7. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания. Изд.-во: Институт практической психологии, МОДЭЖ, 1996.
8. *Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М.* Возрастная и педагогическая психология: Учеб. пособие для студентов всех специальностей педагогических вузов. М.: Педагогическое общество России, 2003. 512с.
9. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. М.: Педагогика, 1983. 392 с., илл. Труды д. чл. и чл.-кор. АПН СССР).
10. *Былеева Л.В., Коротков И.М.* Подвижные игры: Учеб. пособие для ин-тов физической культуры. изд. 5-е, перераб. и доп. М.: «Физкультура и спорт», 1982. 224с., илл.
11. *Венгер А.Л., Цукерман Г.А.* Психологическое обследование младших школьников»: М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007.
12. *Гуткина Н.И.* Психологическая готовность к школе. Учебное пособие. 2004г.
13. *Цеханская Л.И.* Диагностика степени овладения некоторыми предпосылками учебной деятельности // Диагностика умственного развития дошкольников (Науч.-исслед. ин-т дошкольного воспитания Акад. пед. наук СССР). М.: Педагогика, 1978, 248с., илл.
14. *Венгер Л.А., Агаева Е.Л.* и др. Психолог в детском саду. Руководство для работы практического психолога, № 6, 2003.
15. *Андронникова Е.А., Заика Е.В.* Методы исследования восприятия, внимания и памяти. Руководство для практических психологов. Харьков, 2011. 161 с.

**DYNAMICS OF DIFFERENT MODALITIES OF THE PERCEPTION
OF PRIMARY SCHOOLCHILDREN IN THE PROCESS
OF A FORMATIVE EXPERIMENT**

A. Berberyan, L. Poghosyan

ABSTRACT

The article presents the results of a psychological experiment with primary schoolchildren. The study shows the relationship between movable games and the representative system, which proves the unity of the sensory-perceptual organization. Perceptual processes are in the stage of active development throughout the entire education in elementary school. Therefore, we consider it appropriate to form the modalities of perception at this particular age.

For the development of perception, we chose movable and didactic games. The practical value of the study lies in the fact that, thanks to the combination of movable and didactic games, we contributed to the improvement of auditory, visual and general perception, thereby increasing the effectiveness of the educational activities of primary schoolchildren.

Keywords: primary schoolchildren, sensory-perceptual organization, modalities of perception, movable and didactic games.

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 159.9

Поступила: 20.06.2022г.
Сдана на рецензию: 23.06.2022г.
Подписана к печати: 16.07.2022г.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ АРМЯН ИЗ МОНО- И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ (РА И РФ)*

С.А. Тепанян

Российско-Армянский университет

satenik_tepanyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследованы понятие и сущность идентичности. Рассмотрены различные определения феномена идентичности, выделены типы этнической идентичности. Раскрыты условия развития этнической идентичности и её формирования. Проанализирована взаимосвязь типов этнической идентичности и особенностей личности, а также различия в типах этнической идентичности и оценке выраженности этнической идентичности в различной социокультурной среде.

Ключевые слова: идентичность, типы этнической идентичности, особенности личности, взаимосвязь, армяне титульного этноса и диаспоры.

В контексте глобализационных процессов и роста миграции взаимовлияние культур и традиций, а также неизбежное обострение ме-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта № 10-2/217-03.

жэтнических противоречий оказывает влияние не только на международные отношения, но и на внутреннее состояние социума. В контексте глобальных изменений, протекающих в современном социуме, интерес к проблеме идентичности представителей социально-гуманитарных наук закономерен. Исследования этнической идентичности в условиях разной социокультурной среды вызывают закономерный интерес, поскольку множество этносов в современном мире проживают не только на исторической родине, но и в диаспорах.

В связи с этим проблема этнической идентичности и ее взаимосвязь с особенностями личности приобретает особую актуальность. **Актуальность** темы обусловлена значимостью стремления к самопониманию этнической идентичности и этнической принадлежности. Тема представляет теоретический и практический интерес в силу своей социальной значимости, поскольку в непрерывно трансформирующемся мире проблема идентичности и сохранения внутренней согласованности и устойчивости «Я» проявляется с особой силой.

Этническая идентичность является многокомпонентным психологическим феноменом. Этнической идентичности посвящены многочисленные исследования таких авторов, как Н.М. Лебедева, Г.У. Солдатова, В.Ю. Хотинец, А.Н. Татарко, Т.Г. Стефаненко, А.С. Берберян и др. Интерес вызывают исследования, занимающиеся рассмотрением причин роста осознания своей этнической идентичности представителями различных этнических групп.

Объектом данного исследования выступила взаимосвязь этнической идентичности и особенностей личности, а ее предметом – взаимосвязь этнической идентичности и особенностей личности у армян из моно- и полиэтнической среды (РА и РФ).

Целью исследования является определение взаимосвязи этнической идентичности и особенностей личности армян из моно- и полиэтнической среды (РА и РФ).

В настоящем исследовании нами были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1) мы предполагаем, что существует взаимосвязь между типами этнической идентичности и особенностями личности;

2) мы предполагаем, что существуют различия в типах этнической идентичности и оценке выраженности этнической идентичности у армянских респондентов в различной социокультурной среде (в титульном этносе и российской диаспоре).

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составили положения Э. Эриксона, Р. Фогельсона, Дж. Марсиа, Дж. Мида и А. Ватермана.

Философы XVIIв. определяли личностную идентичность как осознание индивидом непрерывности собственной личности и ее тождественности во времени [1]. А уже в XX веке выдающийся американский психолог и философ У. Джеймс высказал представление о личностной идентичности, определив ее как последовательность, непротиворечивость личности [2]. В современной психологии интерес к понятию личностной идентичности не ослабевает и продолжает активно разрабатываться и по сей день [3].

Термин «идентичность» закрепился в словаре социально-гуманитарных наук в середине – конце 70-х гг. XXв. [4, 5]. В широком понимании «идентичность» представляет собой «осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и основанием данного понятия является тождественность самому себе» [6]. Из чего следует, что «идентичность» – это термин, который отражает систему отношений, предполагающую обязательное наличие «другого» [7]. Это понятие детерминирует взаимоотношения двух или более связанных между собой сущностей, провозглашая или их равенство, или тождество [8].

Неопрровержимым является вклад в разработку концепта «идентичность» в психологии Э. Эриксона, согласно которому идентичность представляется процессом организации жизненного опыта в

«Я», который протекает в процессе жизнедеятельности человека и обладает определённой энергией, определяющей динамику развития личности [9]. На уровне индивидуального опыта Э. Эриксон выделяет несколько элементов идентичности:

1) чувство идентичности, которое представляет собой чувство исторической непрерывности личности или личностного тождества;

2) сознательное чувство личностной идентичности, которое основывается на восприятии себя как тождественного и осознании непрерывности собственного существования в пространстве и времени и восприятии факта признания другими своего тождества и непрерывности;

3) переживание чувства идентичности по мере развития личности и с возрастом усиливается: становится ощутимой возрастающая непрерывность между тем, что человек пережил в своем детстве, и тем, что он ожидает пережить в последующем; между тем, кем он хочет быть, и тем, как воспринимает ожидания других по отношению к самому себе [10].

Следовательно, идентичность выступает как некая структура, которая состоит из некоторых элементов и переживается субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной личности с восприятием других людей, как признающих эти непрерывность и тождество. Осознание идентичности сопровождается ощущением осмысленности и целенаправленности своей жизни и уверенности во внешнем одобрении [11].

Дж. Марсиа описывает идентичность как «структуру эго – внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории» [12]. Решение каждой, казалось бы, малозначительной жизненной проблемы привносит свою лепту в достижение идентичности. С принятием все более разнообразных решений касательно себя и собственной жизни развивается структура идентичности, повышается осознание слабых и

сильных сторон своей личности, осмысленности и целенаправленности собственной жизни. Дж. Марсиа признает, что развитие идентичности может включать множество других аспектов, однако конкретно данная модель основана на аспекте решения проблем [13]. Согласно Берберян и Тучиной, именно это предположение Дж. Марсиа о паттернах решения проблем, проявляющихся через указанную структуру, дает основание утверждать, что существует взаимосвязь проблем непосредственно саморазвития с этнической идентичностью [14].

В работах А. Ватермана большее внимание уделяется ценностно-волевому аспекту развития идентичности. А. Ватерман полагает, что идентичность связана с наличием чёткого самоопределения, которое включает выбор ценностей, убеждений и целей, которых человек придерживается в жизни. Эти три компонента и являются элементами идентичности по А. Ватерману. Они формируются в период кризиса идентичности как результат выбора среди множества альтернативных вариантов и выступают основанием для определения смысла жизни и жизненного направления [15, 16].

Что касается типов идентичности, Э. Эриксон выделяет следующие: эгоидентичность и более широкое понятие идентичности; позитивную и негативную идентичность [17]. Дж. Марсиа в своей статусной модели идентичности выделяет четыре статуса идентичности. Достигнутая идентичность наблюдается у человека, который прошел период кризиса и самоисследований и сформировал некую совокупность целей, ценностей и убеждений, значимых для него. Термин «мораторий» Дж. Марсиа применяет в отношении человека, который находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, путем применения различных вариантов. Преждевременная идентичность характерна для человека, никогда не переживавшего состояния кризиса идентичности, однако обладающего некоторым набором целей, ценностей и убеждений. Диффузная идентичность свойственна людям, не имеющим четких целей, ценностей и убеждений и даже активно не пытающимся их сформировать. В подобном

случае человек или никогда не находился в состоянии кризиса идентичности, или же не сумел решить возникшие на его пути проблемы. Отсутствие ясного чувства идентичности характеризуется рядом негативных состояний, в число которых входят: пессимизм, апатия, тоска, ненаправленная злоба, отчуждение, тревога, чувства беспомощности и безнадежности [18].

Э. Эриксон описывал развитие идентичности как взаимодействие биологических, социальных и эгопроцессов, в котором эго отвечает за интеграцию первых и вторых. По Э. Эриксону процесс развития идентичности представляет собой одновременно интеграцию и дифференциацию различных взаимосвязанных элементов (идентификаций). Процесс формирования идентичности, согласно Э. Эриксону, не заканчивается в юношеском возрасте, а протекает в виде восьми стадий развития идентичности. Каждой из этих стадий присуща своя центральная проблема, требующая разрешения [19]. Дж. Марсиа также полагал, что процесс развития идентичности протекает на всем протяжении жизни человека [20]. Схожее мнение разделял и А. Ватерман [21], рассматривавший формирование идентичности не как единый акт, а в качестве серии взаимосвязанных выборов, с помощью которых человек принимает собственные личные цели, ценности, убеждения.

Дж. Мид разграничивал осознаваемую и неосознаваемую идентичность. Если неосознаваемая идентичность основывается на неосознанно принятых нормах и привычках, то опознаваемая зарождается, когда человек начинает размышлять о самом себе и о своем поведении. Идеи Дж. Мида о наличии таких типов идентичности, как социально заданная и отражающая индивидуальное в человеке, получила развитие и в работах И. Гоффмана [22, 23], который выделял три вида идентичности:

- 1) социальная идентичность понимается как типизация личности человека другими людьми, основанная на атрибутах его социальной группы;

2) личная идентичность подразумевает индивидуальные признаки человека, а именно: все уникальные признаки данного человека (как, к примеру, отпечатки пальцев), а также уникальную комбинацию дат и фактов из истории его жизни;

3) «Я-идентичность» представляет собой субъективное ощущение индивидом собственной жизненной ситуации, своей непрерывности и своеобразия.

Личная идентичность также социальный феномен, поскольку восприятие личной идентичности человека происходит в случае, когда информация о фактах его жизни известна партнеру по взаимодействию. По мнению Дж. Мида, человек не обладает идентичностью от рождения. Она возникает в результате взаимодействия с другими людьми, его социального опыта. Развитие идентичности следует от неосознаваемой к осознаваемой идентичности [24].

Понятие этнической идентичности тесно связано с такими понятиями, как этничность, этническое самосознание, и самоидентификация, основанная на этнической принадлежности. Понятие идентичности в субъективном пространстве личности понимается как характеристика «Образа-Я». Если идентичность рассматривается как данность и для человека в социальном мире, и для групп, тогда самопонимание тоже существует как процесс, но в конкретных, соответствующих условиях. Таким образом, идентичность существует как потенциал, а самопонимание – как актуализация данного потенциала, в случае, когда внутренние, психологические, и внешние, социальные особенности трансформируются через собственное поле сознания и мировоззрения, объективируя идентичность в собственном понимании [25, 26].

Следовательно, попытка определения самопонимания этнической идентичности, приводит к цепочке логически взаимосвязанных понятий и рефлексивных действий личности, посредством которых происходит осознание субъектом аспектов своей идентичности в социокультурной среде: 1) актуализация особенностей идентичности, которая определяется как внутренними, так и внешними условиями, 2)

рефлексия этих особенностей идентичности, которая приводит к обретению ценностных оснований бытия личности в социокультурной среде и к самопониманию как поиску.

Таким образом, самопонимание предстает как осознание особенностей идентичности, которое детерминировано и внешними, и внутренними причинами, и их рефлексия на основе поиска и обретения ценностных оснований бытия личности в социокультурной среде. В таком случае самопонимание представляется как в процессуальном аспекте, так и в аспекте результата. В первом случае у человека происходят процессы взаимодействия и переживания мира в себе и когнитивных репрезентаций себя, а также формирование экзистенциального опыта посредством рефлексии. Во втором случае через самопонимание приобретает сущностное целое в различных ситуациях этнокультурного бытия, которое представлено в форме нарратива [27].

Понятие «этнической идентичности» широко представлено в современной социальной теории и понимается как набор устойчивых, пусть и не константных значений, придаваемых индивидом своему членству в этнической общности, к тем характеристикам, что связывают их с этой общностью и отличают от социального окружения [28, 29].

В 1992 году Дж. Финни выдвинул модель развития этнической идентичности, сочетающую в себе теоретические подходы Э. Эриксона и Дж. Марсиа. Главной особенностью данной модели явилось в трехстадийном формировании этнической идентичности в период от подросткового возраста до зрелости. И. Гоффман рассматривал данный вопрос как уникальный парадоксальный феномен, согласно которому личная идентичность выявляется через социальное взаимодействие, через социум. Множество современных учёных (Т.Г. Стефаненко, Г.Г. Шпет) выдвигают положение о рассмотрении идентичности как открытой потенциальной системы, имеющей интенцию на возможные выборы [30].

Согласно Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко, этническая идентичность – это психологическая категория, которая выражает представление субъекта о своей принадлежности к определенной этнической

общности наряду с эмоциональным и ценностным значением этого членства [31]. Этническая идентичность рассматривается также как динамическое явление, предполагающее взаимосвязь идентификационных особенностей личности [32, 33]. Этническая идентичность является динамическим образованием, на проявление которой социум накладывает свой отпечаток, зависящий от личностных особенностей и характеристик внешней среды: моно- или полиэтнической [34].

Развивая тему разнообразия форм идентичности, Р. Фогельсон выделяет четыре формы, переживаемые личностью [35]:

- 1) реальную идентичность – представление индивида о себе самом в своём текущем состоянии;
- 2) идеальную идентичность – представление человека об его идеале «Я», о том, каким бы он хотел быть;
- 3) негативную идентичность – представление человека о себе, каким бы он быть не хотел;
- 4) предъявляемую личность – идентичность, демонстрируемую другим людям с целью получения от них определенной оценки.

Очевидно, что эти формы идентичности не могут быть одинаковыми и, сочетаясь в личности, формируют между собой сложные отношения, описанные Фогельсоном как борьба идентичностей [36]. «Позитивная этническая идентичность с высокими ценностными показателями особенно важна для создания позитивного Образа-Я, и она предполагает позитивное ценностное отношение к другим этническим группам» [37].

Выделяются следующие типы этнической идентичности: моноэтническая, биэтническая и маргинальная. Моноэтническая идентичность характерна для индивидов, чьи родители являются представителями одной этнической группы, или же у индивидов, отождествляющих себя с культурой лишь одного из родителей. Биэтническая идентичность наблюдается у индивидов, осознающих сходство с двумя разными группами и имеющих признаки обеих культур. Маргинальная идентичность свойственна индивидам, балансирующим между

двумя культурами, при этом не овладевая в должной мере ценностями и нормами ни одной из них [38].

Самопонимание своей этнокультурной идентичности личностью является также процессом, состоящим в освоении ценностного потенциала этноса, этнокультурной традиции определенного народа, выстраивании своего понимания и своих собственных смыслов в рамках данной традиции. Самопонимание этнокультурной идентичности личностью является ценностно-смысловой конструкт, включающий следующие компоненты – это представления о ценностях этнокультурной традиции; представления о себе в ракурсе этнокультурных ценностей; и самопонимание этнокультурной идентичности в контексте личностных смыслов. Содержательные характеристики самопонимания личностью собственной этнокультурной идентичности меняются в зависимости от условий социокультурной среды – диаспоры или титульного этноса. Самоактуализация личности, ее «Образа-Я» в бытийном пространстве этноса сопряжена с переживаниями таких чувств, как патриотизм, гордость, ответственность и др., связанные с проявлениями сущностного ядра этнокультурной традиции, возможностью приобщения к нормам и ценностям, определяющих их типичность [39, 40].

В нашем эмпирическом исследовании нами был использован комплекс исследовательских методов: теоретический анализ научных источников, психодиагностические методы, математико-статистический анализ (дескриптивный, сравнительный).

В исследовании приняли участие 40 респондентов различных направлений и уровней профессиональной подготовки (средний возраст – 34,7), из них представители титульного этноса – 22 человека (55%), представители диаспоры – 18 человек (45%). Социодемографические характеристики могут быть представлены следующим образом: большинство респондентов (87%) были женского пола, остальные 13% респондентов – мужского; 57,5% респондентов – представители молодежи, 42,5% – среднего возраста. Респонденты являлись

этническими армянами из разной социокультурной среды. Респонденты предоставили информацию касательно своего пола, возраста, национальности, страны проживания, уровня образования и направления профессиональной деятельности, а также продолжительности проживания в указанной стране.

Методики исследования: «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой. Методика направлена на диагностику этнического самосознания и его трансформации. Опросник состоит из шести шкал, соответствующих шести типам этнической идентичности: этнонигилизму, этнической индифферентности, норме или позитивной этнической идентичности, этноэгоизму, этноизоляциялизму и этнофанатизму. Методика включает в себя 30 суждений-индикаторов, отражающих отношение как к своей, так и к другим этническим группам в контексте различных ситуаций межэтнического взаимодействия.

«Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью» Н.М. Лебедевой. Данная шкала может применяться для экспресс-диагностики эмоциональной окрашенности (валентности) этнической идентичности. Эта методика является шкалой оценки социальной установки, соответствующей типу шкал Лайкерта и оценивающей установку по отношению к своей этнической идентичности. Шкала экспресс-оценки призвана оценить позитивность этнической идентичности.

Особенности личности изучались с помощью теста «Большая пятерка» (Big Five) Р. МакКрае и П. Коста. Пятифакторный личностный опросник состоит из 75 пар противоположных по значению, стимульных высказываний, которые характеризуют поведение человека и свойства личности, которые проявляются в тех или иных житейских ситуациях. Посредством пятиступенчатой оценочной шкалы Лайкерта методика измеряет степень выраженности пяти факторов: экстраверсия-интроверсия, привязанность-обособленность, самоконтроль-импульсивность, эмоциональная неустойчивость-эмоциональная устойчивость, и экспрессивность-практичность.

В результате качественного и количественного анализа типов идентичности по методике «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) были получены следующие результаты: у большинства респондентов (82,5%) превалирует шкала «норма или позитивная этническая идентичность». У 12,5% респондентов превалирует шкала «этнофанатизм», у 7,5 опрошенных – шкала «этно-изоляция», и шкала «этническая индифферентность» превалирует лишь у 2,5%. Наименее представленными оказались шкалы «этно-нигилизм» и «этноэгоизм».

Экспресс-оценка чувств, связанных с этнической принадлежностью, показала, что у большинства респондентов (47,5%) наблюдается гиперпозитивная эмоциональная окрашенность этнической идентичности (гордость). 30% респондентов испытывают спокойную уверенность в отношении собственной идентичности, 10% не испытывают никаких чувств. Негативную оценку собственной этнической идентичности дали 12,5% респондентов, из которых 7,5% испытывают ущемление и униженность, а 5% – обиду.

В результате качественного и количественного анализа особенностей личности по тесту «Большая пятерка» (Р. МакКрае и П. Коста) выявлены характерологические особенности респондентов. У 36,6% респондентов титульного этноса наблюдаются высокие баллы по первому основному фактору «экстраверсия-интроверсия», еще 36,6% респондентов имеют средние баллы, а у оставшихся 27,2% опрошенных они низкими. По второму основному фактору «привязанность-обособленность» высокие баллы наблюдаются у 77,2% респондентов, в то время как у 18,1% и 4,5% они средние и низкие, соответственно. У большинства респондентов титульного этноса (81,8%) выявлены высокие баллы по третьему основному фактору «самоконтроль – импульсивность», 4,5% респондентов имеют средние баллы, а 13,6% – низкие. Выраженность четвертого основного фактора «эмоциональная устойчивость-эмоциональная неустойчивость» среди представителей титульного этноса является высокой у 54,5% респондентов. У 31,8% наблюда-

ются средние баллы, а у 13,6% – низкие. Пятый основной фактор «экспрессивность-практичность» имеет высокую выраженность у 72,7% респондентов из титульного этноса, среднюю у 18,1% и низкую – у 9%.

У большинства респондентов из диаспоры (61,1%) выявлены высокие баллы по первому основному фактору «экстраверсия – интроверсия», у 27,7% баллы средние, в то время как 11,1% имеют низкие баллы. Высокая выраженность второго основного фактора «привязанность-обособленность» наблюдается у 66,6% опрошенных представителей диаспоры, 22,2% и 11,1% имеют средние и низкие баллы, соответственно. По третьему основному фактору «самоконтроль-импульсивность» высокие баллы выявлены у 77,7% респондентов из диаспоры, средние баллы имеют 16,6%, а низкие – 5,5% опрошенных. Четвертый основной фактор «эмоциональная устойчивость-эмоциональная неустойчивость» имеет высокую выраженность у 83,3% и среднюю выраженность у 16,6% опрошенных представителей диаспоры, низкой выраженности обнаружено не было. Выраженность пятого основного фактора «экспрессивность-практичность» является высокой у 77,7% респондентов из диаспоры, средние и низкие баллы выявлены у 16,6% и 5,5% респондентов, соответственно. Статистических различий между представителями титульного этноса и респондентов из диаспоры выявлено не было.

Статистический анализ результатов исследования позволил выявить взаимосвязь между показателями «Типов этнической идентичности» и особенностями личности. В соответствии с первой гипотезой, нами установлена прямая корреляционная зависимость между шкалой «норма или позитивная этническая идентичность» и тремя основными факторами характерологических особенностей личности: «экстраверсия-интроверсия» ($r = 0,2737$), «самоконтроль-импульсивность» ($r = 0,2024$) и «эмоциональная неустойчивость-эмоциональная устойчивость» ($r = 0,2779$). Прямая корреляционная зависимость обнаружена также между шкалой «этнизационизм» и основными факторами особенностей личности «привязанность-обособленность» ($r = 0,319$) и

«эмоциональная неустойчивость-эмоциональная устойчивость» ($r = 0,2229$).

Также прямая корреляционная зависимость выявлена между шкалой «этнонигилизм» и основным фактором «эмоциональная неустойчивость- эмоциональная устойчивость» ($r = 0,2807$), а также между шкалой «этноэгоизм» и факторами «экстраверсия-интроверсия» ($r = 0,2147$), «привязанность-обособленность» ($r = 0,255$), и шкалой «этнофанатизм» и основным фактором «привязанность- обособленность» ($r = 0,2672$).

Помимо этого обратная корреляционная связь обнаружена между шкалой «этническая индифферентность» и двумя основными факторами: «привязанность-обособленность» ($r = -0,2498$) и «самоконтроль-импульсивность» ($r = -0,2005$).

В соответствии со второй гипотезой, нами установлены статические различия в типах этнической идентичности и оценке выраженности этнической идентичности у армянских респондентов в различной социокультурной среде (в титульном этносе и российской диаспоре). У респондентов титульного этноса превалирующей являлась шкала «норма или позитивная этническая идентичность» (в среднем – 14,8 баллов). Второй по выраженности оказалась шкала «этнофанатизм» (10,9 баллов), третьей – шкала «этническая индифферентность» (в среднем – 8,6 балла). Наименее представленной у респондентов титульного этноса стала шкала «этнонигилизм». У представителей диаспоры наиболее часто встречаемой стала шкала «норма или позитивная этническая идентичность» (в среднем – 15,7 баллов). Второй по выраженности стала шкала «этническая индифферентность» (в среднем – 10 баллов), третьей – этнофанатизм (в среднем – 8,8 балла). Наименее представленной у представителей диаспоры оказались шкалы «этнонигилизм» и «этноэгоизм».

Оценка выраженности этнической идентичности у респондентов показала, что у большинства представителей титульного этноса (54,5%) наблюдается гиперпозитивная эмоциональная окрашенность

этнической идентичности (гордость). 27,2% респондентов испытывают спокойную уверенность в отношении собственной идентичности, 9% не испытывают никаких чувств, в то время как еще 9% дали негативную оценку собственной этнической идентичности (ущемление, униженность). Ни один респондент из титульного этноса не испытывает обиды в отношении собственной этнической идентичности (0%). Среди представителей диаспоры также превалирует гиперпозитивная эмоциональная окрашенность этнической идентичности (гордость) – 38,8% респондентов. У 33,3% респондентов наблюдается нормальная эмоциональная окрашенность этнической идентичности (спокойная уверенность). Негативную оценку эмоциональной окрашенности этнической идентичности дали 16,6% респондентов, из которых 11,1% испытывают обиду, а 5,5 – ущемление, униженность. 11,1% опрошенных не испытывают никаких чувств, связанных с собственной этнической принадлежностью.

Гипотезы подтверждены. Рассмотрены понятие и сущность идентичности, а также различные определения феномена идентичности, выделены типы этнической идентичности. Изучены условия развития этнической идентичности и её формирования. В результате исследования проведена диагностика взаимосвязи типов этнической идентичности и особенностей личности, а также различий в типах этнической идентичности и оценке выраженности этнической идентичности в различной социокультурной среде.

1. На основе теоретического анализа можно констатировать, что понятие идентичность представляет собой некую многоуровневую структуру, состоящую из некоторых элементов и переживаемую субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной личности с восприятием других людей, как признающих эти непрерывность и тождество. Тождественность самому себе и есть идентичность, поскольку идентичность понимается как субъективное чувство и наблюдаемое качество личной самоидентичности и непрерывности. Идентичность представляется как сложное личностное образование, а самопонимание и осознание идентичности сопровождается

ощущением осмысленности и целенаправленности своей жизни и уверенности во внешнем одобрении.

2. На основе эмпирического исследования, проведенного нами, можно констатировать, что в соответствии с первой гипотезой между типами этнической идентичности и особенностями личности существует слабая взаимосвязь. В соответствии со второй гипотезой нами выявлены различия в типах этнической идентичности и оценке выраженности этнической идентичности у армянских респондентов в различной социокультурной среде (в титульном этносе и российской диаспоре).

В заключение хотелось бы отметить, что исследования взаимосвязи этнической идентичности и особенностей личности в моно- и полиэтнической среде являются необходимыми в современных условиях человеческого существования, поскольку множество этносов в мире проживают не только на исторической родине, но и в диаспорах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Локк Д. Сочинения: В 3 т. М., 1985. 668с.
2. Джемс У. Психология / Под ред. Л.А. Петровской. М., 1991. 368с.
3. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М., 2008. 58с.
4. Идентичность: Социально-психологические и социально-философские аспекты : кол. монография / К.В. Патырбаева [и др.]. Пермь, 2012. 251с.
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. М. : Гл. ред. вост. лит., 1985. 536с.
6. Садохин А.П. Этнология: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / А.П. Садохин, Т.Е. Грушевицкая. М.: Академия: Высш. шк., 2000. 304с. С. 154.
7. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. М.: Прогресс, 1986. 420с.
8. Ricoeur P. Narrative Identity / P. Ricoeur // Philosophy Today. 1991. Vol. 35, № 1. PP. 73–81.
9. Erikson, E.H. Identity: Youth and Crisis. W. W. Norton & Company, 1994. 336p.
10. Ericson E.H. Identity, youth and crisis. L.: Faber and Faber, 1968. 336p.

11. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // «-Вопросы психологии». 1996. № 1. СС. 131–143.
12. Там же.
13. Там же.
14. Berberyan, A.S. & Tuchina O.R. Issledovanie osobennostei samointerpretacii lichnosti v raznykh etnicheskikh obshnostyakh [Study of self-interpretation features of personality in different ethnic communities]. Chelovek. Soobshestvo. Uravlenie [Personality. Community. Management]. 2014. PP. 86–100.
15. Identity in adolescence: Processes and contents / Waterman A.S. (ed.) San Francisco-L.: JosseyBass, 1985. 105p.
16. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Devel. Psychol. 1982. V. 18. N 3. PP. 341–358.
17. Ericson E.H. Identity, youth and crisis. L.: Faber and Faber, 1968. 336p.
18. Identity in adolescence: Processes and contents / Waterman A.S. (ed.) San FranciscoL.: JosseyBass, 1985. 105p.
19. Ericson E.H. The problem of ego identity // Stein M.R. et al. (eds.) Identity and anxiety: Survival of the person in mass society. Glencoe: The Free Press, 1960. 658p.
20. Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980. PP. 109–137.
21. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Devel. Psychol. 1982. V. 18. N 3. PP. 341–358.
22. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963. 147p.
23. Goffman E. The neglected situation // Amer. Anthropol. 1964. V. 66. N 5. Part. 2. PP. 133–136.
24. Mead G.H. Mind, self and Society. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1946. 437p.
25. Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. 244с.
26. Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. СС. 35–48.

27. *Берберян А.С.* Методологические и нормативно-ценностные основания феномена идентичности. *Методология современной психологии М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН РФ, Ярославль Вып. 7. СС. 14–22.*
28. *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М., 2008. 58с.
29. *Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А.* Человек этнический: проблема этнической идентичности // «Вопросы социальной теории». 2010. Т. IV. СС. 396–408.
30. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* (ред.). Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов. 2002. 29с.
31. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Методы этнической и кросс-культурной психологии: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во ВШЭ. 2011. 240 р.
32. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл. 1998. 389с.
33. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект». 1999. 320с.
34. *Берберян А.С., Найденов В.Г.* Исследование взаимосвязи этнической идентичности и толерантности студентов. *Человек. Сообщество. Управление*, 2016. Т. 17. № 3. СС. 25–34.
35. *Fogelson R.D.* Person, self and identity. Some anthropological retrospect, circumspect and prospects // *Psychological theories of the self: process of a conflict on new approaches to the self, held March. 27 – Apr. 1. Chicago, 1979. PP. 67–109.*
36. *Дмитриева Н.В.* Идентичность в норме и патологии / Н.В. Дмитриева, Ц.П. Короленко, Е.Н. Загоруйка. Новосибирск: НГПУ. 256с.
37. *Берберян А.С.* Этнопсихологические аспекты смысложизненных и ценностных ориентаций студенческой молодежи / А. С. Берберян, Э. С. Берберян // «Вопросы психологии». 2017. № 1. СС. 103–116.
38. *Аполлонов И.А., Берберян А.С., Тучина О.Р.* Толерантность и диалог культур. Краснодар, 2017. СС. 9–16.
39. *Берберян А.С.* Исследование этнокультурной идентичности российской и армянской студенческой молодежи. В сб. *Этнос. Религия. Общество (в контексте межнациональных отношений)*. Краснодар. 2013. СС. 56–64.
40. *Берберян А.С.* Этнопсихологические аспекты смысложизненных и ценностных ориентаций студенческой молодежи / А.С. Берберян, Э.С. Берберян // «Вопросы психологии». 2017. № 1. СС. 103–116.

**THE RELATION BETWEEN ETHNIC IDENTITY
AND PERSONALITY TRAITS IN ARMENIANS FROM MONO-
AND MULTI-ETHNIC ENVIRONMENT
(RA AND RF)**

S. Terpanyan

ABSTRACT

The given article presents research on the concept and essence of ethnic identity. The study explores the various definitions of the phenomenon of identity, as well as the types of ethnic identity. The article provides insight into the conditions of the development of ethnic identity and its formation. The relation of the types of ethnic identity with personality traits as well as the differences between the types of ethnic identity and the evaluation of feelings related to ethnic identity in different sociocultural environments were analyzed.

Keywords: identity, types of ethnic identity, personality traits, relation, Armenians of the titular ethnic group and diaspora.

ЖУРНАЛИСТИКА

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 070

Поступила: 05.05.2022г.
Сдана на рецензию: 07.05.2022г.
Подписана к печати: 19.05.2022г.

КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ИНТЕРНЕТ-СМИ: ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ И ТРАЕКТОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.Е. Ерицян

Российско-Армянский университет

asyaeritsyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье сделана попытка найти точки соприкосновения между основными свойствами информационного общества и журналистской деятельностью, а также способ определения траектории их взаимодействия в преодолении важнейших вызовов современного информационного общества. Особое внимание уделено месту и роли интернет-СМИ в глобальных тенденциях развития и воплощения основных идеалов информационного общества, а также в противостоянии вызовам информационной безопасности.

Ключевые слова: информационное общество, информационные потоки, медиа, интернет-СМИ.

Теория «информационного общества» зародилась с появлением кибернетики в 1940-х годах и стала постепенно набирать популярность в связи с всеобщей компьютеризацией. Однако сам термин «информационное общество», рассматриваемый в контексте не только технического прогресса, но и его влияния на становление технотронного общества, получил широкое распространение в научных кругах только в 1960-х годах.

«Авторство понятия «информационное общество» приписывают американскому экономисту, профессору Принстонского университета Ф. Махлупу, исследовавшему информационный сектор экономики на примере США и японским исследователям Т. Умесао и Ю. Хаяши, изучавших динамику развития наукоемких производств» [1].

Распространение термина практически совпало с выходом первой концепции Всемирной паутины (теория «галактической сети» американского ученого Джозефа Ликлайдера, 1962г. [2]). Уже спустя несколько лет появился первый прообраз Интернета – сеть ARPANET, которая была создана по заказу Пентагона «с целью сохранения важной информации в случае ядерного удара» [3].

«В конце 1969г. сеть соединила четыре, далеко отстоящих друг от друга компьютера. Так был реализован принцип децентрализации информации. Этот принцип вступал в системное противоречие с принципом закрытости и управляемости из единого центра, естественным для военных проектов. Поэтому принцип сетевой организации не мог оставаться только для обслуживания военных проектов и очень быстро преобразовался в принцип открытых систем» [4].

Последующее развитие интернета (глобальной паутины, всемирной сети), который стал важнейшим технологическим инструментом, своеобразным катализатором воплощения идей концепции «информационного общества» в жизнь – именно поэтому мы решили связать эти два знаменательных события в истории развития общества в нашем исследовании, строилось на принципе «открытых систем» – одно из ключевых понятий синергетической картины мира.

«Информационное общество – глобальный экономико-политический, антропосоциальный и технологический проект. Он предполагает управляемый цивилизационный переход к мировому общественному устройству, при котором доминирующую роль во всех областях жизни будет играть система массовых коммуникаций (СМК). Она реализуется с помощью компьютерных телекоммуникационных технологий, в частности технологий Интернета» [5].

Другое более лаконичное определение приведено в учебном пособии Журавлевой; согласно нему информационное общество – «концепция постиндустриального общества; новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания» [6].

Как мы уже отметили, одним из авторов термина «информационное общество» является Ф. Махлуп, который обосновал вывод о существенной роли информации и знаний в социально-экономическом развитии; данные выводы получили последующее развитие в исследованиях японских ученых. «В послевоенное время Япония, сделавшая ставку на развитие наукоемких отраслей, первой из стран почувствовала необходимость в новой стратегии развития. Для ее разработки была создана группа по научным, техническим и экономическим исследованиям под руководством известного социолога и футуролога Е. Масуды, разработавшая резолюцию под названием «Проект информационного общества – национальная цель к 2000 году» [7].

Как исследователи современных медиа, считаем необходимым подчеркнуть тот факт, что в данном документе японские специалисты придавали ключевое значение именно качественной информации. Иными словами, они охарактеризовали информационное общество, как общество, где «в изобилии циркулирует высокая по качеству информация». На основе материалов из учебного пособия Журавлевой приведем критерии, которые, согласно японским исследователям, являются характерной чертой информационного общества и которые, на наш взгляд, являются также основными критериями журналистской деятельности:

- ✓ «широкое распространение качественных источников информации и их свободный доступ;
- ✓ высокий уровень автоматизации и роботизации, освобождающий людей от рутинной работы» [8].

Итак, первый критерий относительно качественных источников информации является также основным критерием современной журналистской деятельности. Ведь основная задача журналистики и современных медиа – это обеспечение аудитории качественной и достоверной информацией с соблюдением принципа массовой доступности. Данный принцип прописан не только в локальных корпоративных или государственных документах по журналистской этике, но и является основополагающим принципом, прописанным в Декларации ЮНЕСКО.

Таким образом, одним из важнейших столпов «информационного общества» и современной журналистской деятельности является «качественная информация», а одной из основных функций – обеспечение доступа к данной информации. Конечно, мы понимаем, что данная формулировка является несколько идеалистической, ведь на практике мы сталкиваемся с современными вызовами, которые напрямую связаны с хаотическими информационными потоками, а с развитием интернет-журналистики и глобализацией цифрового пространства эти вызовы стали наиболее ощутимы.

Второй критерий, предполагающий уровень автоматизации и роботизации, также можно применить к непосредственно современной журналистской деятельности, так как интернет-платформа предоставляет огромные возможности для создания мультимедийных форматов. А техническое оснащение журналиста, различные приложения и компьютерные программы (начиная от текстовых редакторов, заканчивая фоторедакторами) облегчили его работу.

Но это далеко не основные критерии, которые позволяют нам выделить журналистику, в частности интернет-журналистику, в одну из важнейших составляющих информационного общества. Хотя фактор «верховенства информации» действительно является ключевым.

Обратимся к обобщенным характеристикам информационного общества, которые приведены в учебном пособии Журавлевой:

- ✓ «увеличение роли информации, знаний и информационных технологий в жизни общества;
- ✓ возрастание числа людей, занятых информационными технологиями, коммуникациям, производством информационных продуктов и услуг, рост их доли в валовом внутреннем продукте;
- ✓ нарастающая информатизация общества с использованием телефони, радио, телевидения, сети Интернет, а также традиционных и электронных СМИ;
- ✓ создание глобального информационного пространства, обеспечивающего:
 - а. эффективное информационное взаимодействие людей,
 - б. их доступ к мировым информационным ресурсам,
 - в. удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах;
- ✓ развитие электронной демократии, информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных и хозяйствующих сетей» [9].

Мы уже коснулись тезиса о «верховенстве информации» и неоспоримой значимости ее роли в журналистской деятельности (предоставление информации – онтологическая функция журналистики). Что касается второго пункта, то медиапроизводство (в данном контексте речь идет именно о СМИ) является сферой по производству информационных продуктов и услуг. В этом контексте роль СМИ, в частности, интернет-СМИ, в развитии информационного общества становится весомее. В третьем пункте напрямую говорится о роли СМИ в информатизации общества, и здесь особую роль играет процесс непрерывного развития информационных технологий и их применения в СМИ – увеличение числа кросс-медийных редакций, разнообразие каналов и

платформ для осуществления журналистской деятельности, широкие возможности мультимедиа и др.

Тезис о создании глобального информационного пространства отсылает нас к концепции глобальной паутины, именно поэтому мы связали историю создания Интернета с концепцией информационного общества. Интернет – та самая платформа, благодаря которой реализуются основные постулаты концепции «информационного общества»; это тот самый технологический рупор их продвижения и претворения в жизнь. И в этом контексте роль интернет-СМИ, которые могут стать такой площадкой для эффективного информационного взаимодействия людей, их доступа к мировым информационным ресурсам и удовлетворения их потребностей в информационных продуктах и услугах, становится все более значимой и ощутимой.

Что касается последнего пункта, то очевидно, что интернет является подходящей платформой для претворения этих идей в жизнь: электронные платформы, предоставляющие государственные услуги, онлайн-выборы, онлайн-банкинг и др. Особенно это стало ощутимо в период пандемии Covid-19.

Положительное влияние свойств информационного общества на развитие журналистики затронули также в своем учебном пособии «Интернет-журналистика. Теоретические основы» Калмыков и Коханова. Так, согласно данному пособию, оно заключается в следующем:

- ✓ «глобализация информации делает процесс ее производства и распространения международным, государственные границы становятся прозрачными для информационных потоков;
- ✓ ограничения и фильтрация массовой информации деструктурируют ограничителя, между свободой распространения информации и ее мощностью возникает положительная обратная связь – чем более информация открыта, тем ее больше, чем ее больше, тем она свободнее и тем выше имидж института (в частном случае – государства), в котором она производится;
- ✓ журналистика вооружается новыми технологиями сбора, обработки, хранения и передачи информации;

- ✓ повышается значимость журналистики за счет появления эффективности информационного воздействия;
- ✓ возникают новые профессии, в том числе и в сфере интернет-журналистики» [10].

Таким образом, проанализировав истоки концепции «информационного общества» и его особенности, мы пришли к выводу, что современная журналистика, в особенности, интернет-журналистика полностью вписывается в концепцию «информационного общества». Более того, с развитием Интернета и интернет-СМИ журналистская деятельность стала важнейшим звеном, благодаря которому основные идеи концепции воплощаются в жизнь. Все это позволяет нам пересмотреть основные функции традиционной журналистики с нового ракурса.

Однако мы отметили только положительные стороны концепции «информационного общества» и всеобщей глобализации информационного пространства. Как и любое другое социокультурное и технологическое явление, она подразумевает также и определенные риски, и новейшие вызовы. «Процессы информатизации, ориентированные на формирование информационного общества, породили культуру, качественно отличную от культуры предыдущей эпохи. Возникает новая культура – культура информационной эпохи, имеющая прогрессивный, но вместе с тем и противоречивый характер» [11].

Если рассматривать вызовы современного информационного общества в привязке с развитием интернет-медиа, то такими вызовами современного информационного общества являются обеспечение кибербезопасности, а также противостояние массивным, неконтролируемым потокам информации. И если алгоритмы борьбы с киберпреступлениями обсуждаются и совершенствуются на глобальном уровне, то однозначные механизмы борьбы с недостоверной (фейковой) манипулятивной информацией пока еще единогласно не выработаны. А трудноконтролируемость всемирной паутины еще больше усложняет задачу.

К концу XX века специалисты в области кибернетики и синергетики стали исследовать постоянное нарастание объемов информации в глобальных масштабах, предрекая угрозу так называемого «информационного взрыва» в обществе, когда пресыщение информацией приведет либо к ее обесцениванию, либо к потере ориентиров верификации достоверности информации. В 1975 году российский ученый, академик Д.А. Урсул дал следующее определение понятию «информационный взрыв». Согласно ученому, «информационный взрыв – это лавинообразное нарастание массы разнообразной информации в современном обществе [12]».

Проблему «информационного пресыщения» или «информационной перегрузки» затронул также известный американский философ Э. Тоффлер в своем бестселлере «Шок будущего». Выделим примечательную цитату из этой книги, которая, на наш взгляд, с точностью описывает сегодняшние реалии, характеризующиеся избытком информации и медиаплатформ: «вся ирония в том, что люди будущего могут страдать не от отсутствия выбора, а от парализующего обилия выбора».

В XX веке ученые и философы действительно предрекали возможность «информационного взрыва». Однако тогда они еще не столкнулись с теми хаотическими потоками информации, которые современный человек получает не только с помощью традиционных СМИ и СМК, но и вынужден практически каждую минуту получать в связи с избытком цифровых платформ (социальные сети, блоги, реклама в Интернете).

Противостояние неконтролируемым информационным потокам, которые имеют синергетический эффект и могут привести к выходу из строя любой системы – даже такой системы, как государство (конечная цель информационной войны), является одним из важнейших вызовов современности. Вопросы кибербезопасности, защита собственных систем и киберпространства включены в доктрины национальной безопасности различных государств. На данный момент, самым опти-

мальным методом противостояния информационным потокам и защиты собственных данных в сети является повышение уровня медиаграмотности населения. Свой вклад в этот процесс постоянно вносят качественные СМИ, потребность в которых в нынешних условиях возрастает.

Таким образом, в заключении нашего исследования мы пришли к выводам, что современная интернет-журналистика (в частности, современные интернет-СМИ) является важнейшим звеном развития информационного общества; журналистика впитывает себя как положительные стороны данного процесса, так и негативные, в преодолении которых именно современные интернет-СМИ могут сыграть важную роль, которая заключается в:

- ✓ совершенствовании механизмом верификации информации,
- ✓ выполнении просветительской функции, являющейся одной из важнейших функций журналистики,
- ✓ добросовестном информировании и предоставлении информации всем слоям населения,
- ✓ выполнении регулирующей функции, которая заключается в снижении накала агрессивной пропаганды и других дискриминирующих явлений (увы, наблюдаем часто обратную картину),
- ✓ нормировании современного языка интернет-коммуникаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Журавлева И.А.* Информационное общество. Учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 141 с.
2. История интернета / РИА-Новости [Эл. ресурс]. Режим доступа: // <https://ria.ru/20190902/1558095640.html> (последний доступ: 25.01.2022).
3. *Калмыков А.А.* Интернет-журналистика. Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
4. Там же.
5. Там же.

6. Журавлева И.А. Информационное общество. Учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 141с.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. *Калмыков А.А.* Интернет-журналистика. Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
11. *Журавлева И.А.* Информационное общество. Учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 141с.
12. *Шрайберг Я.Л.* Время перемен: глобальные информационные тренды и перспективы /ГПНТБ России // Ежегодный доклад Второго Международного профессионального форума «Крым–2016» С. 6. [режим доступа: http://www.gpntb.ru/ntb/ntb/2016/9/NTB9_2016_%D0%905_1.pdf, дата обращения: 25.01.2022].

**CONCEPT OF THE INFORMATION SOCIETY AND
THE INTERNET MEDIA: MAIN CHALLENGES
AND THE TRAJECTORY OF INTERACTION**

A. Eritsyan

ABSTRACT

In this study, we tried to find common ground between the main properties of the information society and journalistic activity, as well as to determine the trajectory of their interaction in overcoming the most actual challenges of the modern information society. Particular attention is paid to the position and role of Internet media in global development trends and the implementation of the basic ideals of the information society, as well as in countering the information security challenges.

Keywords: information society, information flows, media, online media.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 82

Поступила: 16.03.2022г.
Сдана на рецензию: 20.03.2022г.
Подписана к печати: 17.06.2022г.

ФУНКЦИИ МОТИВА ЕДЫ В ЦИКЛЕ ИВАНА БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»

Р.А. Саркисян

Арцахский государственный университет

s.ruzanna.a@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается мотив еды, его функции и место в ряду других значимых мотивов цикла Ивана Бунина «Темные аллеи». Отмечается, что мотив еды, как правило, сопровождает женские персонажи; прослеживается его связь с определенным типом образа героини. Значимыми в произведениях бунинского цикла оказываются не только еда, но и напитки, и обстоятельства, в которых они фигурируют. В итоге, можно отметить, что мотив еды в цикле «Темные аллеи» выполняет следующие функции: он может участвовать в моделировании сюжета, может дополнять и определять сюжет и является значимой деталью характеристики образа персонажа. Кроме того, этот мотив, наряду с другими мотивами цикла, способствует приращению его смыслов: еда и напитки часто становятся метафорой таких понятий, как смерть, память, метафорой утраченной родины, которые являются важными составляющими идеального мира писателя.

Ключевые слова: И. Бунин, цикл «Темные аллеи», функции мотива еды, поглощение, опьянение, причастие.

Анализ гастрономических образов в художественном тексте представляет большой интерес, поскольку такое обычное, повседневное, но, конечно, жизненно важное занятие, как поглощение еды и напитков, в литературном тексте может обладать множеством функций и значений, что также формирует подтекст повествования и делает его картину более выпуклой и «осязаемой».

Современный российский литературовед Дмитрий Быков в своей увлекательной лекции «Символика еды в мировой литературе» приводит, может быть, спорную, но, безусловно, интересную мысль о том, что есть две темы, на которую проверяется писатель □ секс и еда. Он отмечает три главные функции мотива еды в литературе, первая □ символическая (метафорическая), вторая, по его собственному определению, «еда □ это существенный штрих в образе персонажа» и третья □ противопоставление искусственности [1].

Такое определение мотива еды, его объединение с мотивом любви/секса и такая формулировка его роли в литературном произведении, на наш, взгляд, могут быть актуальны для текстов цикла «Темные аллеи». В художественном мире этого произведения И. Бунина мотив еды занимает одно из ключевых мест и приобретает различные функции: говоря о вкусах и предпочтениях героев, определяет или раскрывает их образы; кулинарные блюда, их вкус, вид, цвет, запах, их количество, обстоятельства, при которых они появляются в произведении, посуда, в которой она подается, участвуют в моделировании сюжетов рассказов и новелл, а иногда могут выражать авторскую позицию.

Упоминание еды и напитков присутствует почти во всех произведениях бунинского цикла, причем в некоторых из них на меню героев автор останавливается подробно, в других говорит об этом вскользь, мимоходом. Но, как правило, перекусывают ли его герои фруктами, сыром, булкой, пьют ли чай и коньяк или запивают обед вином или водкой □ еда и напитки всегда сопровождают любовные отношения, иногда □ воспоминание о них.

Очень часто в автор не только говорит о еде и напитках, но и обращает внимание на их запахи, причем если речь в произведении идет о настоящей, искренней любви, то запах еды сопровождается положительными определениями, если же говорится о продажной или притворной любви, об обмане, то запах превращается в «вонь» и «чад». Так, покой обещает сладкий запах щей в первом рассказе цикла – «Темные аллеи», приятно пахнет остатками еды в кухне в рассказе «Гость», мирное счастье дачной жизни олицетворяет запах дыма и еды из кухни в «Зойке и Валерии»; в «Музе» неустроенность жизни героя выражается и через упоминание вони от «пива и газа». Иногда автор ставит рядом разные и, казалось бы, несовместимые друг с другом запахи. Так, смешиваются в «Зойке и Валерии» запахи кухни и цветущих лип, в «Качелях» □ запахи росы и битков в сметане. Такое смешение разнородных запахов может иметь различные значения: оно может подчеркивать состояние отчужденности, одиночество (например, Левицкого в «Зойке и Валерии») или передавать ощущения радости жизни, любви, полноту счастья («Качели»); в рассказах «Визитные карточки», «Генрих» и «Весной в Иудее» запахи еды и напитков (ухи, кофе, пива, бедуинской еды) становятся знаком другой жизни или ожидания счастливых перемен.

Итак, гастрономические образы в цикле «Темные аллеи» могут участвовать в моделировании сюжетов произведений или характеризовать и дополнять сюжетную ситуацию. Обратимся, например, к мотиву еды в новелле «Кавказ» и в рассказе «В одной знакомой улице» и попробуем определить, какую роль он играет в этих произведениях. В новелле, как известно, речь идет о любовниках, тайком уехавших на Кавказ и поселившихся в «хижине» на берегу моря: «После завтрака □ все жареная на шкаре рыба, белое вино, орехи и фрукты □ в знойном сумраке нашей хижины...» [2]. Ключевая деталь в этом перечне еды – жареная на шкаре рыба, то есть блюдо, состоящее из мелкой рыбы, помидоров и лука, очень популярное на черноморском берегу. Таким

образом, название именно этого блюда становится деталью, дополняющей и определяющей топос произведения. И, напротив, значимой деталью является упоминание еды в рассказе «В одной знакомой улице», герои которого — студент и его возлюбленная, «дочь дьячка из Серпухова». Они очень молоды, у них нет ничего, кроме холодной комнаты в мезонине за красной занавеской, они пьют «жидкий» чай и едят белый хлеб и сыр «в красной шкурке». Такое незатейливое меню говорит не только о бедности, но и о юности, беззаботности, жизни без оглядки на завтрашний день, полной погруженности в свое чувство. Интересно, что в рассказе о чаепитии говорится после сцены, в которой главное — «тяжкое томление юных тел» [3] и жаркие поцелуи. Тогда поглощение еды проецируется на другое поглощение — собой, своим чувством, безоглядным поглощением своей любовью (если рассматривать гастрономические образы цикла и под этим углом, то можно заметить любопытную закономерность: очень часто в ситуации, когда речь идет о «слиянии тел», в сюжете фигурирует сыр, как, например, в рассказе «Кума» или «Весной в Иудее», где героиня продает сыр и отдалась (*продалась*, конечно) герою за золотой фунт). Нельзя не отметить и красную шкурку сыра: красный цвет в «Темных аллеях» является знаковым и имеет множество смыслов: в бунинской поэтике красный — «женский цвет», он почти всегда соотносится с женскими образами и чаще всего имеет значение страсти, смерти и разлуки. Как помним, рассказ «В одной знакомой улице» заканчивается отъездом героини, и, как становится понятно, герои расстаются навсегда.

Функция моделирования и дополнения сюжета является главной для мотива еды в рассказах и новеллах «Темных аллеи». Их сюжеты построены, как правило, на встрече героев (такая сюжетная ситуация типична для произведений цикла, у нее есть определенные вариации, это либо *первая встреча*, либо вариант «*возвращение/узнавание*») При этом сюжетобразующая роль мотива еды связана с другой его ключевой функцией — функцией характеристики персонажей. В первую очередь, речь идет об образах героинь, потому что они занимают

доминирующее место в системе персонажей цикла, и образ женщины является осью, вокруг которого строится повествование. В отношениях образ/тип героини-сюжетная ситуация-мотив еды можно проследить определенную закономерность, которая задается уже в первом рассказе, в котором появляется один из самых распространенных женских образов цикла □ образ красивой черноволосой, полной, но «легкой на ходу», «крепкой», по выражению автора, женщины. И в этом же рассказе определяется место мотива еды в повествовании, его соотнесенность с образами персонажей, что окажется традиционным для произведений цикла, в которых действует такой тип героини.

В рассказе «Темные аллеи» мотив еды, вернее, ее соблазнительного запаха, появляется уже в самом начале: «...из-за печной заслонки сладко пахло щами □ разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом» [4]. Его слышит «старик-военный» Николай Алексеевич, захавший в придорожную горницу отдохнуть. Здесь он неожиданно встречается со своей первой любовью □ бывшей крепостной крестьянкой Надеждой, которая, как оказалось, и является хозяйкой этой самой горницы; «сладкий» запах еды предвещает ее появление. Герои вспоминают прошлое, рассказывают о том, как сложились их судьбы после расставания: Николай Алексеевич прожил трудную и не очень счастливую жизнь, Надежда получила вольную и завела доходное дело. И вся окружающая ее обстановка: новый образ в углу, чистая скатерть и лавки, белая печь и то, как хорошо пахло едой в горнице □ это репрезентация ее образа, детали, составляющие ее мир, мир довольства, покоя, устроенности.

И здесь уместно отметить, что для Бунина все, что составляет «прозу жизни», ее природную, естественную сторону, очень важно. Одна из его, часто цитируемых дневниковых записей такова: «Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду, – и как остро. Боже мой, как остро!» [5]. Таким же чувственным восприятием он наделяет своих персонажей. Образы героев и героинь Бунина

разнообразны, но ему интересны, прежде всего, полнокровные, жизнелюбивые натуры, способные, может быть, на не всегда утонченные, но сильные чувства. Именно к таким натурам можно отнести и хозяйку постоянной горницы Надежду, и героинь других рассказов цикла (например, Музу из одноименного рассказа, Соню из рассказа «Натали», куму, кухарку Сашу и, конечно, героинь рассказов «В Париже» и «Чистый понедельник», официантку Ольгу Александровну и безымянную дочь тверского купца), все они принадлежат к одному типу «крепких», полных, плотных женщин, и рядом с их образами всегда возникает мотив еды или ее запаха. Нужно отметить его важную особенность: то, как и что едят герои, как эта еда выглядит и пахнет, во-первых, дополняет характеристику образа героини, во-вторых, имплицитно проецируется на их дальнейшие взаимоотношения и подсказывает, какова температура и чувственная палитра их интереса друг к другу.

Один из самых интересных женских образов бунинского цикла □ героиня рассказа «Чистый понедельник», имя которой автор не называет, и которая обладает целым рядом привлекательных черт: она молчалива, таинственна, сосредоточена на себе, красива «какой-то персидской, индийской красотой» [6], она одевается в шелка и бархат, □ словом, эта безымянная героиня кажется читателю (и влюбленному в нее герою) сказочной царевной («Царь-девицей», «Шамаханской царицей»). Но автору нужно, чтобы она была живой женщиной из плоти и крови, и он тут же добавляет: «...шоколаду съедала за день целую коробку...любила расстегаи с налимьей ухой, розовых рябчиков в крепко прожаренной сметане...» [7]. И вообще, на всем протяжении повествования героиня ездит в ресторан, ест блины, икру, «наважку», пьет шампанское и херес. Такой прием контрастности автор использует в двух целях: во-первых, этот прием помогает раскрыть образ героини: она необычная, удивительная женщина и в придачу к своей красоте, уму и хорошему вкусу она настоящая, земная, любит жизнь и жизненные удовольствия. И тем более ошеломительным, невероятным кажется то, что в Чистый понедельник, в первый день Великого

поста, она ушла на послушание в Марфо-Мариинскую обитель, то есть покончила с мирской жизнью, умерла для мира (по мнению литературоведов Олега Лекманова и Михаила Дзюбенко, она потом погибнет, как погибла основательница этой обители Великая Княгиня Елизавета Федоровна, образ которой возникает в финале рассказа» [8]).

Такую же роль характеристики персонажа и температуры испытываемых им эмоций выполняет мотив еды в рассказе «Антигона», но в этом произведении он является маркером не женского, а мужского образа. Юный студент приезжает в богатое имение навестить дядю и тетю. Он «отбывал повинность» в этом доме каждое лето: здесь скучно, тихо, ничего не меняется: ни обстановка дома, ни его обычаи и порядки, ни состояние его дяди-генерала, ни туалеты и манеры его грузной тетки. Вся начальная часть рассказа (описание дома, его обстановки, наряда и внешности тетки, которая его встречает) передает настроение героя: еще в пути он томится и думает о том, что придется три дня притворяться и скучать в обществе пожилых больных родственников. Но потом его настроению резко меняется: он видит в доме новое лицо, сиделку дяди, молодую медсестру. Эта героиня также относится к общему типу «крепких», статных женщин: у нее стройная высокая фигура, большие глаза, матовое лицо и крепкие холеные руки. И то, как свободно и спокойно она ведет себя со своими хозяевами и их гостем, выдает ее уверенность в себе, в том, что она знает себе цену. И вот мысли молодого человека уже заняты прекрасной медсестрой: устраиваясь и переодеваясь к ужину, он успевает придумать целую любовную драму с собой и ею в главных ролях. И именно здесь, в этой части повествования, возникает мотив еды: «Ели горячую, как огонь, налимью уху, кровавый ростбиф, молодой картофель, посыпанный укропом. Пили белое и красное вино князя Голицына...». В описании еды автор использует слова, которые в данном контексте приобретают коннотации «горячий», «вкусный», что передает удовольствие героя от еды, выдает его жизнелюбие, а также характер и «градус» увлечения сиделкой дяди. Роман действительно оказался коротким, страсти

кипели, герои не теряли времени на ухаживания и авансы: она отдается ему при первой же встрече наедине, а наутро он просыпается в ее постели, и важно добавить, что задуманная интрижка с целью получить скорее чувственный, чем духовный опыт, неожиданно для героя превратилась в нечто большее: утром, провожая ее на станцию, он «готов был кричать от отчаяния» [9].

Таким образом, мотив еды и ее свойства становятся деталями, дополняющими сюжетную ситуацию, образы персонажей и определяющими характер и градус их взаимоотношений. И здесь следует, конечно, вспомнить, что совместная еда, преломление хлеба — это признак доверия, сближения, объединения. Герои вместе едят и пьют, значит, они соединяются, а какие нюансы будет иметь характер их отношений, как долго они продлятся, и как именно герои расстанутся, вместе с другими деталями повествования, предсказывают, в том числе, и свойства еды тоже. Рассматривая сюжеты текстов «Темных аллей» в этом контексте, можно заключить, что там, где появляется горячая еда и напитки, речь пойдет о недолгих, но страстных, жарких чувствах, которые могут оставить в памяти героя след, такой, что ему «хочется кричать от отчаяния», как в «Антигоне», и как, например, в трогательном и пронзительном рассказе «Визитные карточки» (где герой соблазнял героиню, в том числе и едой: «чокались рюмками под холодную зернистую икру с горячим калачом» [10]).

Самым интересным с точки зрения функций мотива еды в бунинском цикле является рассказ «В Париже». Вся центральная часть рассказа построена на перечислении напитков, закусок, блюд русской кухни. Конечно, такое обилие русской еды, прежде всего, по справедливому замечанию Евгения Пономарева [11], добавляет ностальгической нотки. Но мотив еды имеет здесь и другие функции: он двигает сюжет (герой, собственно, пришел в русскую столовую пообедать), он определяет сюжетную ситуацию: посеревшие котлеты, засохшие пирожки, коробка халвы передают настроение тоски, скуки и безысходности, он предсказывает развитие сюжета: вдруг в слабо освещенной

комнате среди покрытых бумагой столиков возникает прелестная женщина и, распознав в герое русского, начинает по-русски перечислять названия блюд: «Блины, борщ, битки по-казацки, щи флотские, отбивная телячья котлета, шашлык по-карски...» [12]. И тут герой оживает: улыбаясь, начинает выбирать блюда и напитки. Не трудно догадаться, что Ольга Александровна, так зовут героиню рассказа, также принадлежит к типу крупных статных женщин, и вместе с ней в повествовании также появляется мотив вкусной горячей еды, символизирующей не только любовь, но и жизненный покой и довольство. Он предвосхищает дальнейшие события: у героев завязывается роман, они, много пережившие эмигранты, наконец счастливы, но счастье их длится недолго: герой умирает от сердечного приступа (что характерно для календаря повествования, преимущественно соотнесенного с церковным календарем, на третий день Пасхи).

Очевидно, что мотив еды является постоянным почти для всех произведений «Темных аллей», но нужно отметить, что не во всех рассказах и новеллах говорится о полноценных обедах или ужинах. Чаще всего герои просто перекусывают, а иногда еда и напитки становятся частью антуража их свидания. Интересно отметить также, что в некоторых произведениях цикла такой перекус сопровождается определениями со значениями «холодный», «остывший». Как правило, они возникают в ситуации, когда отношения героев – это небольшая, иногда заранее задуманная интрижка или когда любовный пыл остыл и герои охладели друг к другу.

Так, в рассказе «Натали», сюжет которого построен на истории о том, как юный студент приезжает в усадьбу своего дяди и встречает там двух девушек и с обеими одновременно у него завязываются любовные отношения, мотив еды, наряду с другими мотивами, своеобразно иллюстрирует характер его отношения с каждой из них. Первая, его кузина Соня, девушка свободных взглядов, отношения с которой □ это чувственный опыт, очень важный для героя; вторая □ ее гимна-

зическая подруга Натали, и она вызывает у героя чувство более глубокое и серьезное, которое навсегда изменит его судьбу. И вот вечером герой с поезда приезжает в усадьбу, его встречает Соня, тут же начинается флирт, который обещает перейти в «головокружительный» роман, и она угощает его поздним ужином: «На столе в столовой были холодные котлеты, кусочек сыру и бутылка красного крымского вина. Не прогневайся, больше ничего нет... □ сказала она». Прозаический перекус, никакой особенной еды, никаких ее особенных определений, кроме «холодных» (в отличие от той же красной шкурки сыра или «жидкого» чая из рассказа «В одной знакомой улице»). И дальнейшие отношения с Соней будут такие же: если и насыщающие и пьянящие, то своей доступностью, но все равно подспудно неприятные, «невкусные», как холодные котлеты. Такой же смысл имеет и мотив еды в рассказе «Кума»: после ночного свидания герои, очевидно, разочарованы друг другом: за завтраком он, произнося какие-то банальности, думает, как бы уехать от нее подальше, она отвечает ему «ровным голосом с легкой усмешкой» и угощает холодной курицей, простоквашей, сыром и красным вином. Этот завтрак почти повторяет еду из рассказа «Натали»: долго предвкушаемое свидание оказалось банальной, прозаической, скучной историей, как простокваша, как холодная курица, как холодные котлеты.

Рассматривая мотив еды в произведениях цикла, можно обратить внимание и на то, как и в каких обстоятельствах в повествовании появляются фрукты, например, «плетенка с грушами» и особенно яблоки □ один из ключевых образов творчества Бунина. В «Темных аллеях» яблоки упоминаются в трех рассказах: «Муза», «Поздний час» и «Мадрид», и в них яблоки □ деталь, сопровождающая женские образы. Героини «Музы» и «Мадрида» □ соблазнительницы, одна образованна, знает себе цену, свободна в выборе мужчин, другая □ уличная девушка, простенькая, добрая и бесхитростная. Обе на первом свидании едят яблоки: «И прикажите...купить у Белова яблок ранет...» [13] («Муза»); «Он принес с подоконника бумажный мешочек с яблоками...Она

крепко надкусила яблоко и стала есть...» («Мадрид») [14], □ происходит своеобразный ритуал вкушения запретного плода и совершения греха. Таким образом, яблоки в этих двух рассказах выступают в своем самом известном значении: они символизируют соблазнение, а также любовь и красоту.

Несколько другое значение приобретает упоминание яблок в рассказе «Поздний час», в котором есть два важных мотива □ мотив памяти и мотив смерти. Бродя всю ночь по мертвым городским улицам, герой думает о своей юности и своей возлюбленной. Он вспоминает счастливое лето их любви, первое свидание, первое прикосновение, ее платье, блеск глаз. Но это печальные воспоминания: он давно покинул родину, а его возлюбленная умерла молодой. Рассказ наполнен образами смерти: траурный глянец стекол, тени, похожие на черные кружева, фрагмент о парижских похоронах и, наконец, кладбище, «город мертвых», куда и идет герой к могиле своей возлюбленной. И яблони, яблоки, их запах, воспоминание о Яблочном Спасе постоянно сопровождают героя во время его ночной прогулки. И этот образ также является важным для реализации мотива памяти: яблоки в творчестве Бунина □ символ прошлой жизни, яблоневые сады, запах яблок – олицетворение счастья, аромата прекрасного прошлого. Первое свидание героев происходит «на скамье под яблонями», библейским «деревом познания», и этот пассаж может иметь и эротический подтекст, что актуально для цикла «Темные аллеи» в целом. Но образ яблок в рассказе может иметь и другие значения, и в контексте данного произведения эти смыслы представляются важным: согласно христианской традиции, яблоко может символизировать Вечность, вечную жизнь, бессмертие [15] (в рассказе множество таких символов, например, такое же значение имеет и зеленая звезда над кладбищем, где похоронена возлюбленная героя).

Герои «Темных аллеи» много пьют. Почти во всех рассказах и новеллах цикла упоминаются, кроме чая и кофе, водка, коньяк, вино,

причем, самые разные виды вина: красное, белое, херес, мадера, портвейн, лафит, кахетинское, шампанское; в новелле «Дубки» на столе стоит штоф с наливкой.

Ситуации с чаепитием, очевидно, не требуют особого анализа: чай из самовара утром или вечером □ это еще одна деталь, передающая уют усадебной жизни. Один раз герои «Чистого понедельника» пьют чай; уже упомянутые литературоведы Лекманов и Дзюбенко допускают, что температуру закипающего на спиртовке чайника «можно сопоставить с накаливанием эротических чувств героя и героини в этом и, особенно в следующем абзаце..., где возникают мотивы «жарких губ», «горячего дурмана» и «остывания» [16]. Особое значение имеет чаепитие с самоваром в рассказе «Холодная осень»: началась война, жених героини уезжает в действующую армию, в воздухе витает ощущение нехороших, страшных перемен, и последний мирный вечер с чаем из самовара – особенный, это – признак мирной, неспешной жизни, которая, как предчувствуют герои, уходит безвозвратно.

Вино и алкогольные напитки выполняют в цикле «Темные аллеи» две функции: они являются метафорами опьянения чувством к женщине или воспоминанием о ней и метафорой сопричастности/причастности к любви, неслучайно, очевидно, что в реестре напитков преобладают именно красные вина.

Примером сильного увлечения, опьянения любовным чувством может служить рассказ «Речной трактир», в котором автор-рассказчик в московском ресторане встречает пожилого военного доктора, пьяного от «водки, кахетинского и коньяка». Доктор рассказывает историю, воспоминание о которой опьяняет его в прямом и в переносном смысле. Как почти всегда в «Темных аллеях», в рассказе «Речной трактир» выстраивается последовательная сюжетная цепочка: в ресторан пришел поэт-символист Брюсов с «бедной курсисточкой», «восторженно глядящей на него» [17]. Эта пара: явно неприятный доктору поэт, известный своими многочисленными любовными связями, и бедная восторженная девочка, □ напомнила доктору историю о том, как «лет

двадцать тому назад» на улице он встретил девушку, которая чем-то его зацепила, да так, что он, удивляясь сам себе, пошел за ней до церкви, где она, как он видел, горячо молилась, потом, на что-то решившись, побежала вон. Он встретил ее в тот вечер еще раз, в дорогом речном трактире, со спутником, при виде которого «света божьего невзвидел! Я узнал в нем ...пьяницу, развратника...» [18]. Доктор насильно вывел ее из трактира и, видимо, спас от грязной, пошлой и скандальной связи. Рассказывая эту историю, он признается: это одно из тех воспоминаний, «которые особенно жестоки, мучительны, если вспоминается что-нибудь счастливое...». Очевидно, такую же смысловую нагрузку несет финальная сцена рассказа «Руся», в которой герой, растревоженный воспоминаниями, пьет кофе с коньяком, вызывая неудовольствие своей жены: «Что это ты столько пьешь? Это уже, кажется, пятая рюмка. Все еще грустишь, вспоминаешь свою дачную девицу?» [19], и сцена ожидания телеграммы в рассказе «Генрих»: «Но телеграммы все не было... Он выпил за кофе пять рюмок коньяку...» [20].

Интересным в произведениях цикла «Темные аллеи» представляется и то, какое значение имеет упоминание вина и его сортов.

Чаще всего в рассказах и новеллах цикла встречается красное вино. Известно, что оно символизирует молодость, любовь, желание, иногда – измену [21]. Герои пьют его вместе (Соня и Мещерский, Натали и Мещерский, герои рассказа «В Париже» и т.д.) или поодиночке («Генрих», «Антигона»), но во всех случаях оно олицетворяет совместное причащение/приобщение к любви или ее ожидание, иногда □ ее утрату или смерть. Чаще всего красное вино появляется в произведениях, где речь идет именно о плотской любви.

Иногда автор уточняет сорт вина, как, например, в рассказах «Муза», «Мадрид», «Галя Ганская». В первом и втором рассказе это – мадера, в третьем □ портвейн. На наш взгляд, здесь имеет значение не столько сорт, сколько цвет вина, потому что он добавляет красок в цветовую палитру произведения, создавая определенное впечатление от образа героини и картины повествования в целом.

Так, цветовые определения, которые сопровождают образ Музы, героини одноименного рассказа, □ «глаза цвета желудя», «ржавые волосы», золотистый свет, падавший на нее из окна [22] □ совпадают с цветом мадеры, темно-коричневым, янтарным. Таким образом вокруг героини создается то самое золотое свечение, золотой свет, который передает характерное для золотого цвета в поэтике Бунина значение любви и радости бытия.

Такой же золотистый оттенок привносит в цветовую палитру повествования цвет портвейна, который пьют герои рассказа «Галя Ганская». Этот рассказ весь пронизан солнечным светом, всеми оттенками желтого и коричневого: это «солнечный дождь» птичьего щебета, желтизна кукурузных полей, рыжий оттенок волос, черепаховый гребень, загорелое лицо героини [23]. И дважды, во время любовного свидания, герой-художник угощает героиню портвейном, цвет которого виноделы определяют как рыжевато-коричневый, темно-желтый, золотисто-красный. Вся эта золотисто-коричневая цветовая палитра передает не только весеннюю, апрельскую атмосферу рассказа, но и «ослепление» и «опьянение» героя юной Галей Ганской.

И здесь нужно отметить еще одну важную имплицитную функцию гастрономических образов и запахов в цикле «Темные аллеи». Сюжеты большинства его произведений построены на приеме ретроспекции, воспоминания о прошлом. И для героя-рассказчика, и для самого автора это – воспоминание о покинутой родине. Запах, например, яблок в рассказе «Поздний час» для героя □ это запах русской провинции, примета его юности, его прошлой жизни в России. И рассказ «Галя Ганская» □ это воспоминание не только о юной красавице, покончившей с собой из ревности, но и рассказ о прошлом, об Одессе, о которых вспоминает русский эмигрант, сидя апрельским днем на террасе парижского кафе. Для него – прошедшие дни на родине, покинутая Россия, «золотая», светлая, светоносная.

Иногда Бунин обращает внимание читателя на то, как накрыт стол и из какой посуды едят и пьют герои его произведений. Чаще всего это скатерти, которые упоминаются в рассказах и новеллах, □ одна из деталей обстановки, как, например, белые бумажные скатерти в русской столовой в рассказе «В Париже». В сочетании с неаппетитными закусками на подоконнике, слабым освещением, засаленным меню – бумажные скатерти создают бедную, неуютную атмосферу эмигрантской столовой (поэтому в этой сумрачной обстановке так ярко выделяется образ героини, описывая которую автор подряд употребляет определения с коннотациями «красивый», «нарядный», «свежий»: «...красив белый передник, красиво выдается грудь..., полные губы...свежи..., кожа холеная..., ногти блестящие..., дорогие хорошие туфли...») [24].

Такой же деталью, характеризующей обстановку, являются «блестящие салфетки» в рассказе «Антигона». Празднично освещенная столовая, нарядные – повар и горничная, красиво («блестяще») накрытый стол □ все это детали, показывающие богатство и роскошь дома, которые так нравятся герою.

И, наконец, еще две скатерти в бунинском цикле, на наш взгляд, заслуживают внимания. Первая фигурирует в рассказе «Темные аллеи», вторая □ в новелле «Дубки». В каком-то смысле они выполняют одну и ту же функцию: обрамляют образ героини, и эти героини, надо отметить, принадлежат к одному типу смуглых черноглазых женщин, похожих на цыганку (Надежда) или испанку (Анфиса). Но если в «Темных аллеях» чистая суровая скатерть вместе с наново беленой печью, чисто вымытыми лавками, приятным запахом еды создает светлую, спокойную атмосферу горницы, то вторая белая скатерть вызывает ассоциацию с опасностью, риском и, в конечном итоге, □ с саваном (вспомним, что в новелле «Дубки» ревнивый муж удавил Анфису своим поясом; часто в произведениях Бунина белый цвет, вопреки сложившейся традиции, становится знаком беды, смерти).

Изучая мотив еды в цикле «Темные аллеи», можно заметить, что в большинстве произведений он соотносится с женскими персонажами. Гастрономические образы часто становятся дополнительными деталями, прямо или неявно характеризующими образы героинь цикла или атмосферу произведения. К числу таких деталей, как уже отмечалось, можно отнести и посуду, в которой подается еда. С этой точки зрения рассмотрим рассказы «Дубки» и «Натали».

Накрытый стол в «Дубках» поддерживает страшную, готическую атмосферу повествования. Герой едет на свидание к замужней женщине (у нее умный и ревнивый муж, похожий на разбойника) ночью по «дикой» пустынной местности, в сильную метель. Свидание тайное, преступное, и герои понимают всю греховность своих желаний, и автор сочувствует им и стремится «спрятать» их и в метельной тьме, и в комнате, освещенной одной дымящей лучиной. «...На столе тарелки с орехами и мятными жамками, штоф с наливкою, два стаканчика...» [25]. Накрытый стол примечателен не столько простотой, сколько тем, как смотрится этот живописный фрагмент в картине повествования в целом: «она...наряжена, набелена, нарумянена...сидит...близ стола, уставленного по белой скатерти угощением..., в шелковом лиловом сарафане, в миткалевой сорочке..., в коралловом ожерелье, головка гладко причесана..., в ушах висят серебряные серьги...» [26]. В этом фрагменте ярко проявляется живописность бунинского текста, которая, как справедливо отмечает М. Байцак, понимается «... как перенесение в литературу приемов изобразительного искусства, которые придают словесному образу статичность, мизансценичность, красочность, картинность» [27]. Скупой уставленный стол поддерживает общую атмосферу таинственности, затаенности, боязни, а также поглощенности своим чувством: стол накрыт скорее по обычаю, чем потому, что герои собираются отдать должное наливке и мятным пряникам. Читатель понимает, что они собираются утолить другой, долго сдерживаемый любовный голод.

И, наконец, накрытый стол и посуда в рассказе «Натали» являются деталями, которые также относятся к образу героини. Они вписываются в ряд подобных деталей и мотивов, которые обрамляют его на протяжении всего повествования. В рассказе показаны два абсолютно непохожих женских персонажа, и если Соня вызывает у героя «телесное упоение», то Натали внушает ему «чистый любовный восторг». Нужно обратить внимание на то, как описывает ее герой-рассказчик, какие определения подбирает, рисуя ее образ: это слова со значением «ослеплять», «поклонение», «возвышенный». И вот в финальной части рассказа теперь уже Натали в своем доме угощает героя поздним ужином, снова описывается накрытый стол, но сейчас он покрыт «блестящей» скатертью, блестит тонкая чайная посуда, стоит на спиртовке чайник (и чувства постепенно «закипают»). Эти детали соотносятся с образом Натали и дополняют впечатление ее красоты, благородства и утонченности.

Нельзя не отметить, что бунинские персонажи едят и пьют с удовольствием. И автор, и нарратор, и герои с вниманием относятся к еде и ко всему, что с ней связано, например, Муза, прежде, чем выпить чаю, перетерла чашки и ложечки, герой «Натали» отмечает «витое стебло круглой золотой старинной ложечки», герой «Ворона» любит, чтобы чай был «налит до краев», а его дочь, маленькая Лиля, любит не вишневый кисель, а «хворостики» и т.д. Имеет значение и то, как ведут себя за столом герои и как они едят. Соня и Натали «красиво наливают из горячего кофейника», героиня «Чистого понедельника» на капустнике «прихлебывала шампанское», Поля «крепко надкусила яблоко» («Мадрид»), а марокканец из «Ночлега» ест жадно и торопливо, подгоняемый физическим и любовным голодом. Эти детали также дополняют сюжетную ситуацию и характеристику образов персонажей, и нужно отметить, что такая «телесность» очень важна для автора. Мы уже говорили о том, что Бунину интересны «живые», естественные, приземленные герои (иногда, рассказывая о них, автор не избегает и

физиологических подробностей), даже такие, как, например, несимпатичный Левицкий из рассказа «Зойка и Валерия» или уже названный страшный марокканец; в его произведениях очень редко фигурируют образы, чуждые житейского. На наш взгляд, такой интерес, такая жадность к жизни во всех ее проявлениях □ попытка победить смерть, которую, по свидетельству его секретаря Александра Бахраха, Бунин в последние годы жизни боялся в силу, как он говорил, ее бессмысленности и нелогичности [28]

И, наконец, необходимо, на наш взгляд, отметить еще одну очень значимую функцию мотива еды в «Темных аллеях»: действие почти всех его рассказов и новелл происходит в России; мы уже отмечали, что русские блюда и запах еды часто становится для автора метафорой памяти об утраченной родине, о счастливом прошлом. Анализируя роль еды в бунинском произведении, можно расширить эти значения и отметить, что еда и ее запахи □ одна из составляющих идеального мира писателя или его личного «потерянного рая». Поэтому мотив еды, наряду с другими ключевыми мотивами любви, памяти, жизни и смерти занимает важное место в текстах цикла Ивана Бунина «Темные аллеи».

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков Д. Символика еды в мировой литературе. Лекторий «Прямая речь». [режим доступа: <https://libreed.ru/simvolika-edu-v-mirovoj-literature.html>].
2. Бунин И.А. Малое собрание сочинений. СПб., Азбука, 2010. 800с. С. 579.
3. Там же. С. 708.
4. Там же. С. 574.
5. Иван Бунин. Вера Бунина. Устами Буниных: в 3-х т. Т. 3. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. 223с. С. 75.
6. Бунин И.А. Малое собрание сочинений. СПб., Азбука, 2010. 800с. С. 762.
7. Там же.

8. *Лекманов О., Дзюбенко М.* Из опыта пристрастного чтения русской прозы: «Чистый Понедельник» И.А. Бунина. Объединенное гуманитарное издательство RUTHENIA. //Кафедра русской литературы Тартуского университета [режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/551883.html>].
9. *Бунин И.А.* Малое собрание сочинений. СПб., Азбука, 2010. 800с. С. 619.
10. Там же. С. 625.
11. *Пономарев Е.* Интертекст «Темных аллей» // Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина. [режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/2/intertekst-temnyh-allej.html>].
12. *Бунин И.А.* Малое собрание сочинений. СПб., Азбука, 2010. 800с. С. 656.
13. Там же. С. 592.
14. Там же. С. 731.
15. Энциклопедия знаков и символов. [режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/>].
16. *Лекманов О., Дзюбенко М.* Из опыта пристрастного чтения русской прозы: «Чистый Понедельник» И.А. Бунина. Объединенное гуманитарное издательство RUTHENIA. //Кафедра русской литературы Тартуского университета. [режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/551883.html>].
17. *Бунин И.А.* Малое собрание сочинений. СПб., Азбука, 2010. 800с. С. 709.
18. Там же. С. 713.
19. Там же. С. 609.
20. Там же. С. 679.
21. Энциклопедия знаков и символов. [режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/>].
22. *Бунин И.А.* Малое собрание сочинений. СПб., Азбука, 2010. 800с. С. 590.
23. Там же. С. 663.
24. Там же. С. 657.
25. Там же. С. 721.
26. Там же.
27. *Байцак М.С.* Поэтика описаний в прозе И. А. Бунина: живопись посредством слова. Дисс. канд. филолог. наук. Омский государственный университет. Омск, 2009. 149с.
28. *Бахрах А.В.* Бунин в халате. По памяти, по записям. США: Товарищество Зарубежных Писателей, 1979. 176с. С. 51.

**THE FUNCTIONS OF THE FOOD MOTIVE
IN THE CYCLE “DARK AVENUES” BY IVAN BUNIN**

R. Sargsyan

ABSTRACT

The given article is devoted to the food motive, its function and place in a range of other significant motives of Ivan Bunin’s cycle “Dark Avenues”. It’s noted that the food motive accompanies female characters; its connection with a certain type of the heroine image is revealed. Not only food and beverages are significant in the works of the Bunin cycle, but also the circumstances in which they are depicted.

Summarizing, we can state that the food motive in the cycle “Dark Avenues” fulfills the following functions: it can be involved in the plot modeling, it can supplement and determine the plot and can be considered an essential detail of the personage characterization. Besides, the food motive along with other motives of the cycle promotes its purport accrescency: food and beverages become metaphors dealing with such concepts as death, remembrance and lost homeland, which are vital constituents of the writer’s ideal world.

Keywords: I. Bunin, the cycle “Dark Avenues”, the functions of the food motive, absorption, drunkenness, communion.

DOI 10.48200/1829-0450_sh_2022_2
УДК 82.09

Поступила: 19.01.2022г.
Сдана на рецензию: 25.01.2022г.
Подписана к печати: 23.07.2022г.

МЭРИ ЛЕВОВ КАК ОБРАЗ БУНТУЮЩЕГО АМЕРИКАНСКОГО ПОДРОСТКА В РОМАНЕ ФИЛИПА РОТА «АМЕРИКАНСКАЯ ПАСТОРАЛЬ»

Л.Л. Адамян

Ереванский государственный университет

lusine.adamyan@ysu.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается образ главной героини романа американского писателя Филипа Мильтона Рота «Американская пастораль» – Мэри Левов. Используя описательные, сравнительно-сопоставительные методы литературоведения, автор статьи выявляет особенности, характерные для подросткового бунта героини, являющегося одним из проявлений ее девиантного, манипулятивного поведения. *Цель* данной статьи – показать этапы, особенности, выделить конкретные примеры проявления бунта героини, а также обосновать его возможные причины. В рассматриваемом романе лейтмотивной является ведущая для американской литературы тема превращения американской мечты в американскую трагедию, данная через образ протагониста – Симора Левова. Катализатором этого «превращения» и выступает главная героиня – дочь Симора – Мэри. Основной акцент ставится на попытке объяснения поведения и участи Мэри как побочного продукта американской философской концепции личной свободы.

Ключевые слова: американская трагедия, бунтарство, сепарация, теория психоанализа, джайнизм.

Феномен американской мечты – одно из основополагающих понятий культурной идентичности, национального менталитета, жизненных идеалов жителей Соединенных Штатов, глубоко укоренившийся в массовом сознании миф, который сыграл важнейшую роль в моделировании американского восприятия мира. Интерес к национальному феномену остается актуальным и по сей день, по мере возрастания уровня эмиграции: каждый эмигрант, переезжающий в США – страну, сулящую неограниченные возможности и свободы, прельщен и заворожен понятием «американская мечта» и движим надеждой на ее воплощение. Однако актуальным остается также вопрос о том, реальна ли американская мечта или же она – всего лишь иллюзия. Множество американских писателей обращались к данному национальному феномену в своих литературных произведениях: среди них такие имена, как Т. Драйзер, М. Твен, Р. Райт, Ф. Фитцджеральд, Дж. Стайнбек, Э. Олби, Х. Селби, Н. Мейлер и т.д. В романе Рота «Американская пастораль» представлены полярные позиции двух протагонистов – Симора и Мэри: первый придерживается постулата о реальности воплощения американской мечты, вторая же – ее иллюзорности, фантомности.

Роман «Американская пастораль» (1997г.) – один из самых известных в творческом наследии писателя Филипа Рота, книга, за которую в 1989-м году он удостоился Пулитцеровской премии и которая, наряду с «Жалобой Портного», больше всего ассоциируется с именем ее автора в среде читателей разных стран мира. Роман состоит из трех частей, каждая из которых содержит прямую аллюзию на поэму английского поэта Джона Мильтона «Потерянный рай»: «Воспоминание о рае», «Падение», «Потерянный рай». В первой части романа повествование ведется от имени Натана Цукермана – сквозного персонажа в творчестве Рота, во второй – от имени главного героя, Симора Левова, прозванный «Шведом» из-за своей внешней схожести с северянами-скандинавами и предстающего живым воплощением американского идеала успеха, в третьей части повествователем выступает сам автор.

Каждая часть триптиха описывает три этапа в жизни героя-протагониста книги Симора Левова, которые можно определить как пребывание в Раю, затем – изгнание из Рая, и, наконец, существование за пределами Рая. Рот выдвигает свою версию интерпретации библейского мифа: изгнание с небес за обретение знания, что тоже трактуется с теологической точки зрения как бунт против Создателя. Симор, подобно прародителю Адаму, счастлив в период неведения. Из тщательно сконструированного им Рая, из психологической «зоны комфорта» его изгоняет дочь, которая, по авторской иронии, носит имя Богородицы – Мэри. Также знаменательно, что в книге несколько раз упоминается песня «Джон – яблочное семечко», любимая песня дочери Симора, в само́м названии которой содержится своеобразный намек на плод райского Древа Познания.

Мэри Левов, дочери успешных родителей – бизнесмена еврейского происхождения и восхитительной ирландки, победительницы конкурса красоты, казалось бы, обеспечено беззаботное и благополучное будущее. Между тем, девочка, которой уготована иная судьба, появляется на свет «злой», «с истошным криком» [1]. Таким образом, писатель создает предпосылки будущего развития характера девочки, наделенной от природы беспокойным нутром, бескомпромиссностью и вибрирующей совестью. С раннего детства у Мэри наблюдаются проблемы с речью: она родилась заикой. Гражданка Соединенных Штатов – страны с неограниченными возможностями, Мэри лишена самой банальной возможности – в устной речи сформулировать и внятно выразить хоть одну мысль. Это становится непереносимой травмой для ее психики и вынуждает прибегать к всевозможным мерам, чтобы «заикание перестало быть единственным центром Вселенной» [2]. Персонаж Мэри Левов – доведенный до абсурда образ еврейского ребенка-бунтаря, сквозного персонажа в творчестве Филипа Рота, фигурирующего во многих книгах писателя. Основные персонажи литературного наследия Ф. Рота – евреи-эмигранты, и их наследник – ребенок, рожденный в мультикультурной Америке, имеющий,

вместе с тем, консервативные еврейские корни, испытывает когнитивный диссонанс из-за контрастности двух культур, в которых он пребывает одновременно. Он начинает противостоять родителям-евреям, словно разрывая связь с пуповиной – генетическими корнями, в то же время не интегрируясь в американскую среду. Самые показательные персонажи такого типа в творчестве Ф. Рота – это Мэри Левов из «Американской пасторали», главный герой наиболее известного романа писателя «Жалобы Портного» Александр Портной, Сильфида из романа «Мой муж – коммунист» и Маркус Месснер – протагонист одного из последних произведений автора «Возмущение». Одна из ведущих литературных критиков США, Митико Какутани называет Мэри «доведенной до абсурда версией Алекса Портного» [3]. Несмотря на видимые различия, все перечисленные герои имеют схожесть основных черт, что делает их в чем-то идентичными. Таким образом, вслед за Джеймсом Джойсом, заметившем, что «в чернильнице у человека есть только один-единственный роман <...>, а когда их написано несколько, это все-таки тот же самый роман, более или менее измененный» [4], можно говорить о лейтмотивном, повторяющемся персонаже в романах Рота, определяющем развитие повествования и сюжетные коллизии.

Если взять американское литературное наследие в целом, то ставший классическим и, пожалуй, пользующийся самой большой читательской популярностью образ бунтующего американского подростка – это Холден Колфилд из культового романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». У шестнадцатилетнего Холдена подростковый бунт – вызов буржуазным ценностям общества, показной бездушной морали, фальши и лицемерия, в которых живет его окружение, выражается при помощи слов. Данный персонаж клеймит свое окружение, в колких, бескомпромиссных выражениях описывая присущие им недостатки. Роман «Над пропастью во ржи» – монолог протагониста, своего рода манифест, в котором он обличает неприемлемые для его жаждущего справедливости подросткового идеализма стороны

действительности. Этим обусловлено использование в романе недопустимого для литературных текстов того периода, приходящегося на середину прошлого века, дерзкого, откровенного, жаргонного языка.

В отличие от героя Сэлинджера, Мэри Левов, с детства страдающая дефектом речи, лишена этого «оружия». Способом выражения своих бунтарских принципов Мэри избирает одну из базовых потребностей организма – еду, которое в ее случае принимает гипертрофированную форму. Альтер-эго Мэри из другого романа писателя – Александр Портной в подростковый период также прибегал к такого рода форме протеста, всячески стараясь съесть что-либо вне дома, в американских кафе и дайнерах, отлично сознавая, что это – одно из строжайших табу его властной и доминирующей матери, следящей за неукоснительным соблюдением правил в доме, подобно рабби, следящему за исполнением догм из Талмуда. Другой пример – Сильфида, героиня романа «Мой муж – коммунист», специально набирала вес и пальцами сгребала остатки супа из тарелки за общим столом, таким образом вызывая гнев своей матери, Евы Фрейм. Тема пищевого бунта в данных эпизодах, затрагивающих конфликт «отцов и детей», полностью раскрывается и становится ключевой в романе «Американская пастораль».

Мэри представляется автором как озлобленный ребенок, противопоставляющийся всем семейным ценностям с самого детства. Причина этой врожденной озлобленности в романе намеренно не раскрывается полностью, становясь основным и оставшимся открытым до самого финала вопросом романа, которым, в частности, на протяжении всей книги задается и отец героини – Симор. Как было отмечено выше, девочка появилась на свет с истошным, злобным криком, который не утихал: «Крик прекратился, только когда прервался заиканием» [5]. Знаковыми становятся и одни из первых слов Мэри: «Я одинока» (в оригинале “I’m lonesome” [6]). Решительный, безоговорочный, бескомпромиссный протест девочки против семейных ценностей литературным критикам видится в следующем:

1. К примеру, Г. Главан оценивает это как трезвость мышления представительницы нового поколения, которая не верит шаблонным политическим лозунгам и видит всю нелицеприятную, скрытую от поверхностного наблюдателя обратную сторону политической и социальной жизни США [7];

2. Многие другие критики, в частности, Р.Л. Голдберг, считают, что причина – комплекс Электры [8]: Мэри подсознательно желает отбить красавца-отца у матери, но, сознавая свое бессилие перед Доун – королевой красоты, становится агрессивной из-за гложущей ее ревности и порожденной ею фрустрации, о чем, в частности, говорит сцена из книги, где дочь просит отца поцеловать ее не так, как обычно, а именно *как маму*: здесь ею движет зависть к матери, получающей «особенные» поцелуи, по-мужски направленное внимание отца;

3. Кристофер Игл называет главной причиной заикание, которое укореняет в ней комплекс неполноценности с самого раннего возраста [9]. Невозможность комфортного, вербального выражения вынуждает девочку прибегать к более резким, агрессивным методам самовыражения.

Можно выдвинуть и четвертую вероятную причину: высокая шкала толерантности в американском обществе, применяемая, в частности, к детям, которым предоставляется множество свобод и неограниченные права в поисках личной идентичности, и такая вседозволенность в определенных случаях может привести к неблагоприятным последствиям.

Характеризуя Мэри, отметим, что героиня всегда отличалась девиантным поведением: дочь главного героя всячески старалась максимально отличаться от родителей, пыталась манипулировать ими и использовала для этого еду как инструмент. Примечательна сцена из детства героини, где она учится готовить макароны в духовке (в оригинале – “Baked Ziti”). Усвоив, что, готовя блюдо, в этот день она освобождается от работы по дому, Мэри каждый раз требовала такую «оплату» за свой кулинарный труд. Уже в школьном возрасте такая манипуляция и протест приобретают более выраженный, агрессивный

характер. Мэри категорически отказывается брать с собой в школу завтраки, приготовленные матерью, и оставляет у себя только монетку, которой расплачивается в школьной столовой за мороженое. Девочка заявляет родителям, что хочет в школе есть суп, и, когда Доун покупает ей для этого термосы, Мэри нарочно разбивает их. Она максимально исключает из своего рациона домашнюю еду. Такое поведение объясняется тягой ребенка к *сепарации* от родителей, отказом от «материнской груди». Другим объяснением может служить ее комплекс, порожденным чувством, противоположным избранничеству, ощущение себя аутсайдером среди неимущих одноклассников: Мэри стесняется изобилия – своей дорогостоящей еды, которую другие не могут себе позволить, поскольку их семьи не так обеспечены. Мэри претит положение сытой, беззаботной представительницы среднего класса в обществе, где есть несправедливость, неравенство, войны. Социальный статус ее семьи, их положение в обществе и отношение к ситуации в стране становятся главными раздражителями, вызывающими ее неприятие и протест. Отказ от домашней еды означает, что Мэри отказывается «есть» то, что «едят» ее родители. Трактовать это можно в прямом смысле как отказ от капиталистического образа жизни, который *кормит* их семью и который помог их предкам-евреям ассимилироваться в мультикультурной Америке, и в аллегорическом – как осознанный отказ верить в американские ценности, агрессивно насаждаемые, пропагандируемые политиками, массмедией и социокультурой. Мэри сама решает, что есть, т.е. во что верить. Через такой поведенческий паттерн образ Мэри Левов выступает антиподом образа собственного отца – Симора Левова, верившего фальшивым, лицемерным высказываниям идеологов американской мечты, и осознанно отказывающимся видеть то, что не соответствует его проекции ее воплощения. Заметим, что само имя персонажа – *Симор*, по-английски звучит идентично выражению *смотри внимательно, узнай больше* (англ. *Seymour – seemore*), что иронично пародирует его намеренную социально близорукость.

Примечательным аспектом бунта дочери Симора-Шведа против родителей является поедание фастфуда и, как результат, изменения во внешности, в частности, набор веса. «Дома она почти ничего не ела, зато постоянно жевала что-нибудь на улице. Чизбургеры и картофель фри, пиццу, жареные луковые кольца, которые запивала огромным количеством молочного коктейля и лимонада, бесчисленное количество мороженого, сладостей, выпечки» [10]. Когда ей исполняется 16 лет, девушка-подросток имеет явную проблему лишнего веса, этот бич американцев среднего класса, подсевших на соблазнительно-губительный фастфуд. Кроме того, она нарочито неопрятна, неряшлива и не следит за собой в самых базовых вопросах гигиены: не чистит зубы, не причесывается, неопрятно одевается и т.д. Мэри культивирует свою искусственно обретенную отталкивающую внешность, при этом автор акцентирует внимание читателя на том, что внешность девушки красива от природы. Одна из важнейших отличительных черт обоих ее родителей – ослепительная красота, и в романе неслучайно отмечается, что, несмотря на прилагаемые ею усилия достичь совершенства в безобразии, Мэри, унаследовавшая от отца высокий рост, широкую кость, светлые волосы и кожу, голубые глаза и т.д., является женской версией красавца Симора, прозванного Шведом за свою по-скандинавски притягательную внешность.

Мы предлагаем три трактовки вышеуказанного поведения персонажа Мэри:

1. Подсознательно прибегая к обезображиванию своей внешности, Мэри Левов старается как можно меньше походить на родителей, и через внешнее намеренное несоответствие выражает отказ принимать мир их показных ценностей. Она осознанно отказывается принимать что-либо от родителей вплоть до того, что меняет генетически унаследованную красоту на отталкивающую внешность, тем самым отстаивая свою индивидуальность и уникальность. Жир ее тела используется как барьер между дочерью и родителями; впоследствии его заменит тряпка на лице, через которую дышит Мэри-джайна [11].

2. Может быть предложена следующая – психоаналитическая, фрейдистская трактовка: понимая невозможность реализации подсознательного желания отбить отца у матери, девочка переходит на реализацию подсознательного утешения, где, по подсознательному сценарию, став непривлекательной внешне, дочь, одержимая комплексом Электры, утешается тем, что отец не *целует ее как маму*, поскольку она предстает чудовищем в противовес красавице Доун, и, тем самым, избегает когнитивного диссонанса.

3. Наконец, поведение героини может рассматриваться как демонстрация автором обратной, побочной стороны американской толерантности. Заметим, что Рот-писатель предвидел, можно сказать, пророчески предугадал, как некоторые аспекты американской культуры и менталитета приобретут гротескную и губительную форму еще до того, как это станет явным для всех. Сегодня, уже в наше время – в 2021 году, явно сходство проповедуемых Мэри Левов ценностей, определяющих ее поведение и образ жизни, с постулатами феминистического движения и, в особенности, движения *бодипозитива*. Тогда, в 1997 году, когда была опубликована книга, немногие могли предположить, что философия толерантности может принять такую гипертрофированную форму, такое течение, такой оборот. Еще одно из произведений Рота – «Людское клеймо», увидевшее свет в 2000 году, в основе своей базируется на теме побочной стороны чрезмерной, предельной толерантности. Сюжет данного произведения Рота разворачивается вокруг того, что декан колледжа «Афины» Коулмен Силк иронично называет двух вечно отсутствующих студенток “spooks”, подразумевая одно из значений этого слова – «духи». Но, апеллируя к еще одному значению слова spooks, означаящему грубое, нетолерантное «негры», студентки обвиняют декана Силка в нетерпимости и расизме. Первоначально представляющаяся невинной, история оборачивается громким скандалом, и Силк лишается всего – работы, положения в обществе, уважения окружающих. Самым парадоксальным в этой истории оказывается то, что сам Силк – светлокожий афроамериканец, скрывающийся под маской еврея, чтобы избежать пресловутых расовых предрассудков.

В более зрелом возрасте способы бунта Мэри приобретают еще более выраженный и опасный характер: политический терроризм, изготовление самодельных бомб, побег из дома, бродяжничество, принятие и уход в новую религию и др. В конце книги, встретив дочь в последний раз, Симор явственнее всего поражается тому, что бунт дочери через еду окончательно приобрел наиболее деструктивный характер. Став последовательницей *джайнизма* – буддийского религиозного течения, Мэри впадает в другую крайность – на этот раз это почти полный отказ от еды, исключение из рациона любой еды животного происхождения. Она преобразается до неузнаваемости, становится бледной, болезненной, анорексичной, похожей на живой скелет. Ее поведение граничит с безумием: верная постулатам джайнизма, Мэри никогда не моется, чтобы не причинять вреда воде, носит на лице тряпку из женского чулка, чтобы не навредить случайно мелким мошкам при дыхании и пр. Одно из основных положений джайнизма – *саллекхана*, медленное сведение себя к голодной смерти, и становится ясно, какую участь предуготовила себе Мэри. В подростковом возрасте, поедая «вредную пищу» в огромном количестве, повзрослевшая Мэри доходит до обратной крайности: до наиболее девиантного, деструктивного пищевого поведения.

Здесь напрашивается параллель между Мэри, героиней Рота, и главной героиней романа «Вегетарианка» южнокорейской писательницы Хан Ган: Ёнхе демонстрирует свой протест тоталитарным патриархальным устоям окружающего ее общества, став веганом. Окружение, привыкшее контролировать каждый аспект жизни женщины, испытывает культурный шок от ее отказа употреблять пищу животного происхождения, о чем говорит одна из самых красноречивых и жестких в своем натурализме сцен книги, где отец насильно пытается накормить ее мясом.

У обеих книжных героинь подоплекой сознательного выбора деструктивных пищевых привычек является чувство вины. Ёнхе стра-

дает от чувства вины из-за того, что в детстве стала невольной виновницей страданий и смерти их белой собаки. Это чувство годами зрело в подсознании девушки и через многие годы интегрировало в сознание в форме сна. Неслучаен открытый намек на параллель между Ёнхе и собакой ближе к финалу книги. Она уподобляется белой собаке, подсознательно вынуждая себя пережить то же, что и погибшее живое существо, и таким образом искупить свою вину. У Мэри Левов чувство вины носит не конкретный, а обобщенный характер: это коллективное чувство вины (collective guilt) еврейского народа за распятие Христа. Еврею предопределено страдание во искупление коллективного греха своего народа. Кроме того, в этом контексте можно предположить скрытую аллюзию на уподобление Мэри современной постмодернистской версии Странствующего еврея – Ахашверошу [12]. В свою очередь, Мэри – гражданка Америки и несет в себе коллективное чувство вины за безразличие американского социума к развернутой правительством Штатов вьетнамской войне. Она по-своему борется с беспечностью американского среднего класса, пекущегося лишь о собственном комфорте и материальном благополучии. Типичными представителями благополучно-бездушного среднего класса Мэри считает своих родителей, свою семью. Стыд за родных вынуждает девушку стать политической террористкой и сбежать из дома, словом, сделать все, чтобы стать кем угодно – социальным аутсайдером, парией, изгоем, но только не типичным усредненным представителем американского сытого среднего класса.

Пищевые привычки героинь обоих романов – американки и кореянки – становятся причиной их смерти: употребление пищи в минимальном количестве и ее постоянное «снижение» с течением времени предстают продуманным, целенаправленным медленным самоубийством.

Встреча со взрослой Мэри окончательно разрушает иллюзии Си-мора насчет американской мечты, безапелляционно и безвозвратно превратив ее в американскую трагедию. Мэри словно изгоняет, вышвыривает его из *земли обетованной* и бросает в американский *кипящий котел*.

Здесь необходимо прояснить одну важную культурологическую деталь: евреи, как народ, подвергавшийся гонениям и лишениям, на уровне генетической памяти боятся голода. Примечательное описание поведения в свое время столкнувшихся с голодом родителей-евреев есть в романе Альфреда Казина «Прогулка по улицам большого города». Некогда испытавших лишения и голод родителей ужасает мысль о самовольном отказе ребенка от еды: «Ешь! Ешь! Господи, за какой грех послал ты мне такого ребенка, такое наказание? Ешь! Что станет с тобой, если ты не будешь есть!» [13]. Для еврейского родителя отказывающийся от еды ребенок – *наказание*, красноречивый пример неуважения младшего поколения к самым важным ценностям старших, ценностям, за которые те боролись яростнее всего. В случае с Симором и его дочерью, Мэри предстает антиподом главного героя, выступающего, в свою очередь, собирательным образом еврейства с его догмами и ценностями, деструктивной силой, отрицающей, а затем сметающей, разрушающей все, достигнутое им. Метаморфозы, происходящие с Мэри, перед старшим Левовым, постулируемые им якобы положительные стороны американской культуры и менталитета, высвечиваются с противоположной стороны. Представив главную героиню в последних главах своего произведения последовательницей такой «странной», с точки зрения среднестатистического западного обывателя неадекватной религии, Рот также обращает внимание на оборотную сторону религиозной толерантности в США [14], отсылая читателя к разговору, имевшему место между Симором, его женой и отцом в день, когда Швед представляет отцу невестку: «Вы хотя бы задумывались, кем будет ваш ребенок? Кем вы воспитаеете ребенка? Евреем? Католиком? Нет, вы воспитаеете ребенка, который не будет ни тем, ни другим. Вы и не задумывались, а все потому, что у вас “любовь”» [15]. Читатель, знакомый с концовкой романа, в этой сцене может понять мрачность сарказма автора.

В романе есть две значимые сцены, логически связанные между собой, где вторая является своеобразной эволюцией первой. Описывая

строптивный характер юной Мэри Левов, ее своеобразное применение еды как средства манипуляции, нарратор- Цукерман концентрирует внимание читателя на отношениях между ней и ее подругой Петти. Петти испытывает дурноту при виде разбивания яиц, Мэри же намеренно разбивает при ней яйца, отчего у подруги начинается рвота. В конце книги эта натуралистическая сцена дублируется, когда Симора, не выдержавшего напряжения, скопившегося за долгие годы, и потрясения при виде внушающего отвращение внешнего вида дочери, от накатившей нестерпимой дурноты вырывает на дочь. Эта сцена самим Симуром, в его мысленном монологе, сравнивается с убийством президента Кеннеди, когда у того «вытекает мозг» [16]. Как и в ситуации с Петти, Мэри идет на все, чтобы довести отца до крайней точки отвращения.

Как было отмечено выше, в романе «Американская пастораль» образы Симора Левова и Мэри Левов являются антиподами: замечается схожесть в чертах характеров обоих персонажей, но идейно, идеологически они противопоставлены друг другу. У обоих персонажей выражена склонность к преувеличению, крайности, намеренному игнорированию многих явлений, неоспоримых фактов, попросту не входящих в избранную ими систему ценностей, не согласующихся с их житейской философией. Краеугольным камнем их жизненной позиции является отношение к социальным условиям в США. Симор – представитель оптимистического взгляда: он видит только положительные стороны страны развитого капитализма, проводимой Штатами политики, социального мироустройства и т.д. Мэри же, в противовес отцу, видит только отрицательные. То, что Симор и Мэри, можно сказать, предстают как альтер-эго друг друга, показывается автором через детали внутреннего монолога Симора в кульминационной точке романа, а именно: в его последней встрече с дочерью. Несмотря на кардинальные изменения в облике девушки, произошедшие по «внешним», негенетическим причинам, протагонисту постоянно бросается в глаза, как Мэри похожа на него: генетически она – женская версия Симора. «Она была такого же роста», «почти так же широка в плечах»,

«через невымытые космы сложно было заметить такой же светлый оттенок волос, как у отца», «над зловонной, грязной тряпкой на него смотрели его голубые глаза» [17]: эти и другие детали повествования не оставляют сомнения у вдумчивого читателя. Явно намерение автора показать, что состояние Мэри – зеркальное отражение действий Симора, над чем размышляет и сам герой после пресловутой последней встречи.

Осознание приходит в показательном эпизоде, где дочь объясняет свой выбор джайнизма как наиболее правильной религии в той же спокойной, уверенной интонации, теми же словами, какими отец в прошлом выражал свое недовольство ее поведением. Швед приходит к осознанию, что деструктивное поведение дочери – от словесной агрессии до примыкания к террористической организации и изготовления бомбы, ставшей причиной смерти людей, – плод его чрезмерной мягкости и пацифизма. Ему приходит на память эпизод из подростковых лет дочери, когда она вывесила над своей кроватью плакат с довольно одиозными, почти нецензурными словами, но он не сорвал его, не принял никаких мер, решив, что это – обычный подростковый максимализм, для устранения которого не нужно прилагать усилий [18].

Швед в каждой ситуации исключает любые насильственные действия. Принципиальный пацифизм настолько укоренен в психологии главного героя, что он даже после выяснения местонахождения дочери и в дальнейшем не предпринимает действенных попыток вернуть ее домой. В философской концепции Симора следование своим желаниям вопреки воле другого человека неприемлемо, даже если этот человек – его блудная, сбившаяся с пути и находящаяся на грани гибели дочь. Швед понимает неверность своего бездействия, соглашается с критикой в свой адрес брата – сторонника гораздо более радикальных мер, но не предпринимает никаких шагов, оставив за дочерью право выбора. Джайна Мэри, голодающая, чтобы не вредить живым существам, с грязной тряпкой, прикрывающей нос и рот, чтобы случайно не стать причиной гибели крошечных насекомых, витающих в

воздухе, не моющаяся, чтобы не навредить воде, предстает извращенным, утрированным, гротескным отражением Симора Левова, который также никого «не трогает».

В заключение можно сказать: главная тема романа «Американская пастораль» – модификация, переплав американской мечты главного героя-эмигранта в американскую трагедию. Это – одна из центральных и традиционно самых животрепещущих тем в американской литературе на протяжении уже долгого времени. Как в свое время Теодор Драйзер, так и в наши дни современные писатели обращаются к этой теме. Со дня публикации «Американской трагедии» Теодора Драйзера (1925г.) до написания «Американской пасторали» Филипа Рота прошел приблизительно век, мотив-перевоплощение пресловутой мечты в трагедию претерпел трансформацию как на уровне культурно-исторического нарратива, так и на уровне смены литературных парадигм. В своем произведении Рот предпринимает одну из бесконечных попыток высветить и раскрыть совокупность факторов, в силу которых условия для реализации американской мечты его литературными персонажами, предстающими собирательными образами реальных людей, оказываются неприемлемыми, и, таким образом, пресловутая американская мечта превоплощается в трагедию. Данная тема является центральной в американской трилогии автора, состоящей из произведений «Американская пастораль», «Мой муж – коммунист» и «Людское клеймо». В двух последних романах нахождение героев в индивидуальном раю прерывается по причине их отказа от собственной личности, в «Американской пасторали» же крушение мечты происходит в силу вседозволенности, видимости чрезмерных прав и свобод каждого гражданина США, безграничных возможностей выбора, что в определенных случаях оборачивается замыканием в экзистенциальной лакуне и что, в конкретном случае, героиню Рота привело к саморазрушению, деградации личности и к своеобразному отказу от этой личности. Мэри предстает живым олицетворением вышперечисленного: с одной стороны, она чувствует фиктивность прославленных

«обещаний» свободной Америки, нашедших выражение в формуле пресловутой «американской мечты», с другой стороны, является продуктом ее идеологии. Именно Мэри становится главной силой, вытолкнувшей протагониста книги из его Рая, этой мечтой смоделированного.

Ключ к пониманию трагедии Симора Левова лежит в парадоксе выбранного Ротом для главного героя своей книги нарочито говорящего имени, которое созвучно английскому “see more”. На самом деле, в дешифровке имени читается мрачная ирония: Симор наивен, ему не свойственна дальновидность, его безоговорочная вера «обещаниям», посулам страны, в которой он живет, неумение видеть за пределами поверхности приводит его к обману. Философия американской мечты, как предсказания вещей парок в шекспировском «Макбете», предстает двусмысленностью с вариативным толкованием и может обернуться оборотной, переосмысленной и преображенной стороной данного пророчества. К примеру, философия «каждый может стать кем хочет», заключенная в формуле *self made*, по видимости, мотивирующая и прогрессивная, на практике может иметь самые негативные последствия, как в случае с героиней Рота. У Мэри есть безграничная свобода стать тем, кем она решит стать. Но изначально заложенная в ней деструктивная природа, тяга не к созиданию, а к разрушению, на что намекает ее привычка бить посуду, термосы, яйца, вылившаяся впоследствии в изготовление бомбы, ставшей причиной гибели людей, наряду со свободой воли/выбора, приводит ее к окончательному разрушению собственной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Roth Ph.* American Pastoral, Boston: Houghton Mifflin, 1998. С. 30.
2. Там же. С. 52.
3. *Kakutani M.* A Big, Rough-Hewn Work Built on a Grand Design, New York Times, 15 April, 1997. С. 3.

4. Ошеров С. Самопознание Этгоре Шмица // Предисловие к кн.: Итало Звево. Самопознание Дзено. Ленинград, «Художественная литература», 1972. С. 9.
5. Roth Ph. *American Pastoral*, Boston: Houghton Mifflin, 1998. P. 68.
6. Там же. С. 226.
7. Подробнее об этом: Glavan Gabriela. Tragic Innocence in Philip Roth's *American Pastoral*, *Romanian Journal of English Studies*, Vol. 9(1), December 2012.
8. Подробнее об этом: Goldberg R. I. Incest, Blood, Shame. Are They Not Enough to Make One Feel Sinful?: Miltonic Figurations of Incest and Disobedience in Philip Roth's *American Pastoral*, *Philip Roth Studies*, Vol 16(1), January 2020, Published by: Purdue University Press. CC. 50–63.
9. Подробнее об этом: Eagle Christopher. Angry Because She Stutters: Stuttering, Violence, and the Politics of Voice in *American Pastoral* and *Sorry*, *Philip Roth Studies*, Vol. 8, No. 1, Roth & Women, Spring 2012, Published by: Purdue University Press. CC. 17–30.
10. Roth Ph. *American Pastoral*, Boston: Houghton Mifflin, 199. С. 139.
11. Study Guide Meredith Levov (Merry) in *American Pastoral* By Philip Roth [режим доступа: <https://www.shmoop.com/study-guides/literature/american-pastoral/merry-levov/>]
12. Bylund S. Merry Levov's BLT Crusade: Food-Fueled Revolt in Roth's "American Pastoral". *Philip Roth Studies*. Vol. 6, No. 1 (Spring 2010), Published by: Purdue University Press. С. 21.
13. Kazin A. *A Walker in the City*, New York: Glove Press, 1958. С. 32.
14. См.: Nath Tessa Crystal. Identity, Assimilation, and Representation of American Judaism in Philip Roth's *American Trilogy*, a thesis submitted to the department of English in partial fulfillment of the degree of bachelor of arts, University of California, Los Angeles, March 20, 2015. С. 27.
15. Roth Ph. *American Pastoral*, Boston: Houghton Mifflin, 1998. С. 360.
16. Там же. С. 346.
17. Roth Ph. *American Pastoral*, Boston: Houghton Mifflin, 1998. CC. 355–359.
18. Подробнее Safer B. Elaine, *Mocking the Age; The Later Novels of Philip Roth*, published by State University of New York Press, Albany, 2006, State University of New York, Printed in SUNY series in Modern Jewish Literature and Culture, editor Sarah Blacher Cohen. С.79.

**MARY LEVOV AS A CHARACTER OF A REBELLIOUS
AMERICAN TEENAGER IN PHILIP ROTH'S NOVEL
"AMERICAN PASTORAL"**

L. Adamyan

ABSTRACT

The article examines the literary image of Merry Levov, the character of the novel "American Pastoral" by American Jewish writer Philip Milton Roth. Using descriptive, comparative methods of literary criticism, the author examines the features of Merry's adolescent rebellion, which are the expression of this character's deviant, manipulative behavior. The aim of the study is to showing the stages and peculiarities of this uprising, bringing concrete examples of this manifestation and suggesting it's possible reasons. The subject of the novel this discussion's is based is the theme of American literature, the transformation of the American dream into an American tragedy. In the book, the catalyst for "transformation" is Merry, the daughter of the main character Seymour Levov. The emphasis is made on Merry's behavior and tragic end as a by-product of the American philosophy of personal liberty.

Keywords: American Tragedy, Rebellion, Separation, Theory of Psychoanalysis, Jainism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Адамян Л.Л.** аспирант кафедры Зарубежной литературы Ереванского государственного университета (ЕГУ)
- Баринов Э.Э.** к.ю.н., доцент, зав. кафедрой Конституционного и муниципального
- Берберян А.С.** д.псих.н., профессор, зав. кафедрой Психологии Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Дегтярев С.Н.** преподаватель кафедры Гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета
- Егиазарян А.Б.** к.э.н., доцент кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Ерицян А.Е.** аспирант, преподаватель кафедры Журналистики Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Мархгейм М.В.** д.ю.н., профессор, зав. кафедрой Конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)
- Мнацаканян Л.А.** к.э.н., ст. преподаватель кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

- Навоян Г.Г.** магистрант кафедры Экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Непранов Р.Г.** к.ю.н., доцент, зав. кафедрой Теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
- Орлова Н.Е.** к.ист.н., доцент кафедры Теории государства и права, заместитель декана по науке Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
- Петросян Г.А.** к.э.н., ст. преподаватель кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Петросян Е.Г.** к.э.н., ст. преподаватель кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Погосян Л.Г.** соискатель кафедры Психологии Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Позднышов А.Н.** д.ю.н., профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
- Рукавишникова И.В.** д.ю.н., профессор, зав. кафедрой Финансового и административного права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
- Сандоян Э.М.** д.э.н., профессор, директор института Экономики и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

- Саркисян Р.А.** к.филолог.н., доцент кафедры Русского языка и литературы Арцахского Государственного университета
- Тепанян С.А.** аспирант кафедры Психологии Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Вестник
Российско-Армянского университета.
Серия: гуманитарные и общественные науки, №2 (41) 2022г.

Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Корректоры – А.С. Есяян, М.С. Есяян
Компьютерная верстка – А.Г. Антонян

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
тел/факс: (+374 10) 27-70-52, (внутр. 42-02)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Заказ № 32 Подписано к печати 10.08.2022г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 13,75 п.л. Тираж 100 экз.